

ИУДЫ

В ПОГОНАХ

FUSHKINSKAYA ULITSA

XX военные
тайны
века

О.С. СМЫСЛОВ

Annotation

Власов, Таврин-Политов, Пеньковский, Калугин, Резун и Беленко. Что объединяет всех этих людей? Только одно: они изменили присяге и предали свою страну. О жизненном пути и «подвигах» «иуд в погонах» рассказывает новая книга Олега Смыслова.

- [Олег Смыслов](#)
 -
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [«АГЕНТ ВЛИЯНИЯ» ИЛИ СВАДЕБНЫЙ ГЕНЕРАЛ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА ИЛЬИНСКОГО](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [ТЕРРОРИСТ ИЛИ АВАНТЮРИСТ?](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [ЖАДНОСТЬ ФРАЕРА СГУБИЛА, ИЛИ ШПИОН «ПО БЛАТУ»](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
- [ПЕРЕБЕЖЧИК, ПИСАТЕЛЬ И СЫН АРТИЛЛЕРИСТА?..](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
- [ВРАГ ГОСУДАРСТВА ИЛИ КГБ?](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
 - [10](#)
- [УГОНЩИКИ МИГОВ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
- [ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)

- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)

- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)

- [180](#)
 - [181](#)
 - [182](#)
 - [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
 - [188](#)
 - [189](#)
 - [190](#)
 - [191](#)
 - [192](#)
-

Олег Смыслов
ИУДЫ В ПОГОНАХ

Маленькому Лёлику посвящаю...

ОТ АВТОРА

Не секрет, что однажды в России Петром I была учреждена награда за предательство.

По его личному указанию 4 сентября 1709 года на Кадашевском монетном дворе в Москве русский мастер Матвей Алексеев изготовил специальную медаль из серебра весом в четыре килограмма и с цепью весом 800 грамм. На лицевой стороне был изображен повесившийся на осине Иуда, а внизу под ним — десять сребреников рядом с мешком. На обратной стороне было написано: «Треклят сын погибельный Иуда, еже за сребролюбие давится».

Эта награда предназначалась всего лишь одному предателю — «украинскому Гетману Мазепе», которого предстояло поймать, наградить и предать анафеме. Но в связи со смертью Мазепы медаль была передана алчному на серебро петровскому шуту князю Шаховскому с наказом царя носить при торжествах «на большой серебряной цепи, надевавшейся кругом шеи...»

Как вы совершенно правильно поняли, эта книга рассказывает о предателях и о предательстве. Все её, так скажем, «герои» — люди, известные в отечественной и даже мировой истории. И не только спецслужб. Все они носили военную форму, а некоторые даже генеральские лампасы, все торжественно принимали военную присягу (клятву), и тем не менее однажды бес их все-таки попутал. Потому и соответствующее название.

Когда я приступил к работе, то очень сильно переживал по поводу чужих оценок, которые мог нечаянно повторить. Но поверьте, пока писал эту книгу, сам узнал очень много нового. О чем не только никогда не говорили, но даже и не писали.

Несмотря на однозначность юридической и моральной оценки каждого из этих предателей и перебежчиков, все же у кого-то вполне может возникнуть некое сиюминутное желание пожалеть. Но вы только не торопитесь. Это всего лишь самообман. Каюсь, ведь я и сам попал в «сети» одного из них...

**«АГЕНТ ВЛИЯНИЯ» ИЛИ СВАДЕБНЫЙ
ГЕНЕРАЛ**

Бывший главный редактор «Военно-исторического журнала» генерал-майор В. Филатов в девяностые годы, теперь уже прошлого столетия, попытался разобраться, «сколько было лиц у генерала Власова». Но получилось так» что весь его разбор свёлся к интерпретации событий и слов. Например, в своей книге он приводит слова Благовещенского (одного из сподручных А.А. Власова), сказанные им на закрытом судебном заседании 30 июля 1945 г., а именно: «Я признаю себя виновным частично. В обвинительном заключении указало, что после капитуляции гитлеровской Германии Благовещенский бежал в зону американских войск и предпринял попытки вступить в переговоры по предоставлению убежища членам КОНР (Комитет освобождения народов России. — В.Ф.). Это не соответствует действительности, а наоборот, сам лично добровольно явился и сдался органам советской власти.

В антисоветскую организацию, возглавляемую Власовым, я вступил, хотя и не имел на это прямых указаний от советских органов, с целью подрыва этой организации изнутри, с целью разлагательской работы. Свою деятельность на оккупированной немцами территории подлобью признаю»^{1}.

Словом, стоило Благовещенскому не совсем ясно выразить свою мысль, как спустя десятилетия генерал Филатов принялся размышлять на тему «прямых указаний от советских органов». Дальше — больше! В. Филатов подчеркивает форму Власова, которая резко отличалась от формы «его Вооружённых Сил». А именно: «Власов носил свою собственную форму, отличную как от немецкой, так и от РОА, — френч военного образца с большими накладными карманами и шинель без погон, но брюки с лампасами. Излюбленная поза при разговорах с людьми — большой палец правой руки засунут под борт френча или шинели на грудь, а ладонь поверх борта»^{2}.

И здесь он пытается убедить читателя в некой «независимости» Власова от его хозяев...

Прекрасно понимая, что «у нас в стране генерал Власов, бесспорно, предатель №1», а «на Западе генерал Власов, бесспорно, борец №1 со Сталиным», Филатов не без умысла спрашивает: «Почему тех, с кем генерал Власов предавал Родину, он называет не иначе как “охвостьем” и “подонками”?»^{3}.

И вот оно, долгожданное предложение генерала от журналистики: «Отчего всё-таки не посмотреть, хоть одним глазком, на генерала Власова не как на предателя №1, а как, допустим, на русского генерала Власова, выполнявшего, к примеру, в Германском великом рейхе специальное задание?»^{4}.

Кроме того, предложение подкрепляется ещё и ссылкой на исследование «Иуды» — «Власовцы на службе фашизма», где говорится следующее: «Взаимоотношения марионеточной “освободительной” армии со своими “хозяевами” были довольно сложными и запутанными. Командование вермахта в целях пропаганды, стремясь придать РОА “патриотический, добровольческий” характер, на всех перекрёстках объявляло о самостоятельности “команды Власова”, дескать, лучшие представители русского народа да и сам народ восстали против Советов. Но... заставляло представителей вермахта держать командование и личный состав РОА под неусыпным строжайшим наблюдением, на любом участке иметь своих инструкторов и наблюдателей, а для пущей надёжности сделать и “освободителей” агентами и осведомителями гестапо. Отнюдь не случайно в материалах, хранящихся в уголовном деле Власова и его сообщников, множество разноречивых показаний»^{5}.

По личному мнению (однозначному и бесповоротному) генерала Филатова, Власов «берет на себя ещё большую вину...» Тут надо отметить, что у генерала Филатова фантазия достаточно богатая, и он не без подвоха, как ему кажется, снова спрашивает: «Почему действительно так странно ведёт себя на допросе Власов? Он же не враг себе...»^{6}

Пребывание Власова в Китае В. Филатов комментирует так: «Группу военных Советников в Китае возглавлял комдив Черепанов — разведчик до мозга костей. Вскоре его “почему-то” “внезапно” отозвали в Москву, и Власова “почему-то” назначили на его место. Но если рядовым советником действительно может быть любой толковый офицер, то на должности руководителя группы военных советников даже очень толковый армейский офицер может быть только, скажем так, гипотетически. Почему? Потому что во все времена эта должность была за ГРУ. Что это значит? Это значит, Власова зачем-то “натаскивали” на работу с “коллективом сослуживцев” по руководству громадной “русской колонией” в условиях чужой и враждебной страны, но при этом “коллектив сослуживцев”, “ядро” не должно знать, кто он на самом деле и какова его роль вообще».

«Позарез требовался нам “свой человек” в Берлине — в вермахте и в СС, в гестапо и в канцелярии Гитлера... Выбор пал на Власова. Почему?

Во-первых, изъян в автобиографии — окончил духовное училище, учился в духовной семинарии, а это значит, притесняем большевиками, изгой, то есть заклятый враг большевиков. Во-вторых, более 10 лет сидел в одном и том же полку — значит, затираем большевиками. В-третьих, служил в штабах, да еще в отделах боевой подготовки, в двух самых важных для немцев наших военных округах. Заполучить такого офицера — мечта каждой разведки.

Китай в то время кишмя кишел немцами и японцами. Расчёт был на немцев. Власов должен был повести себя в Китае так, чтобы им заинтересовались именно немцы»^[7].

Ещё один «аргумент» по Филатову — это партбилет Власова, который он почти всю войну «на всякий случай» держал при себе.

«А почему бы партийный билет, — пишет генерал, — который Власов пронес буквально у сердца все годы, находясь среди немцев, не “прочитать” так: “Я, Власов, никогда не изменял линии партии, никогда не уклонялся от генеральной линии партии: ни в 30-е — в битве с троцкистами, ни в 40-е — в битве с фашистами”»?

Надо знать, что такое был партийный билет для людей того героического времени. Все успехи свои личные и Родины в целом они справедливо связывали непременно с партией. Лишиться партийного билета для настоящего партийца было личной трагедией, катастрофой. Куда смотрело ГРУ, когда инструктировало в последний раз Власова? ГРУ смотрело правильно. Очень хорош был бы Власов, заявись он к немцам без партбилета. Власов без партбилета у немцев — это не Власов из ГРУ».

Словом, откровенно, прямо, без липших сантиментов генерал В. Филатов выкладывает нам свою версию событий далёкого прошлого, по сути, переворачивая с ног на голову всю историю Великой Отечественной войны.

Он даже знает, когда Власова ГРУ планировало забросить к немцам: «После 22 июня 1941 года, по 22 июня 1941 года Гитлер напал на СССР, началась Великая Отечественная война. Пошла другая игра...»

Таким образом, пленение Власова Филатов объясняет не иначе как внедрением в стан врага. А как же иначе, ведь «Власов в этой связи — замысел всеславянский, сгусток вековой мудрости русских, результат непрерывной борьбы русских с иноземными захватчиками, в которой бывало всё: отвага и хитрость, самопожертвование, скрытое и явное, битва “на миру”, в которой “и смерть красна”, и битва потаенная, не видимая даже для самых родных глаз, в которой свои, родные считают тебя врагом наизлейшим. Вот но этим чертежам был создан Власов. На это ушли годы.

”Конструкция” “изделия” была проверена в условиях “космических” перегрузок. Прежде чем “уйти” к немцам, его провели в буквальном смысле слова через “огни, воды и медные труды”. Выдержал!

Генерал Власов — суперкласс разведки. Он — создание интеллекта неординарного. Сегодня разведчики этого уровня имеют точное название — “агент влияния”»^{8}.

Вот так вот, дорогие господа и товарищи! Ни много ни мало, а можно и диссертацию защищать.

Со временем у генерал-майора В. Филатова появятся и последователи, позаимствовавшие его идею.

Один из них в 2007 году опубликует статью с весьма любопытным названием «Генерал Власов выполнял личные указания Сталина».

«К 1942 году, — пишет ее автор С. Лекарев, — в плену у немцев оказались более 4 миллионов красноармейцев. Угроза переброски этого, не ждавшего милости от советской власти контингента на фронт или (что ещё хуже) в тыл могла стать губельной для Красной Армии...

В начале января 1942 года ГРУ Генштаба продолжило операцию по подставе Абверу генерала Власова. Использовался богатый довоенный опыт по созданию легендированных антисоветских организаций (операция “Трест”) для внедрения в политические и секретные структуры противника. Сталин дал свое согласие, после чего руководство этой стратегической операцией перешло в ведение его личной разведки...

Взять под контроль и нейтрализовать угрозу использования немцами в своих интересах пленных красноармейцев было решено сделать с помощью Власова.

Подобные операции обычно начинаются с создания соответствующих благоприятных условий. Для этого 8 января 1942 года на одном из участков Ленинградского фронта на немецкую сторону под видом парламентаря перешел военинженер 1-го ранга Иван Иванович Иванов в сопровождении двух капитанов. При встрече с уполномоченным командующего вермахтом Иванов уведомил последнего о том, что в Ленинграде существует группа высокопоставленных заговорщиков, в состав которой входят лица из числа командования войсками. Эта группа якобы готова на борьбу с коммунизмом.

После этого Власову было поручено возглавить находившуюся в безнадёжном положении 2-ю ударную армию. Именно на этот заведомо обречённый участок и направили генерал-лейтенанта А.А. Власова. Во вторую ударную его привезли Лаврентий Берия и Климент Ворошилов...

Расчёт делался на скорое пленение такого важного генерала немцами.

С целью увеличения значимости Власова в глазах немцев он был назначен и заместителем командующего Волховским фронтом»^{9}.

Пленение Власова автор объясняет не иначе как «завершением гроссмейстерской партии ГРУ — результатом десятилетней кропотливой работы многих блестящих умов и выдающихся талантов».

В заключение С. Лекарев говорит следующее: «Дальнейшие события официальная пропаганда преподнесла так — генерал-изменник А. Власов добровольно сдался в плен. Со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Однако было несколько исключений из стандартных в подобных случаях правил. Обычно родственники «изменников Родины», занимавших высокое социальное положение, подвергались жесточайшим репрессиям. Как правило, их уничтожали в ГУЛАГе. В данной ситуации всё было с точностью до наоборот. Кроме того, после того как Власов оказался у немцев, НКВД и СМЕРШ, по поручению Сталина, провели тщательное расследование ситуации, сложившейся со Второй ударной армией. Результаты были положены на стол Сталину, который пришел к выводу — признать несостоятельность обвинений, выдвинутых против генерала Власова в гибели 2-й ударной армии и в его военной неподготовленности...

Власов был объявлен во всесоюзный розыск и находился в розыске вплоть до 1946 года»^{10}.

Скажите, пожалуйста, как можно вообще это комментировать? Люди с богатой и, видимо, очень разнообразной фантазией пытаются не просто переписать историю Великой Отечественной войны. Они желают запудрить мозги, прежде всего молодому поколению, высосанным из пальца бредом сумасшедшего. По-другому эти «опусы» лично я назвать не могу. Их авторы словно издеваются и над нами, и над нашей историей.

В 2006 году генерал-майор Филатов уже «С фронтов Еврейской Империи» сообщает нам свежую новость: «Есть Вторая мировая война, которую знают все. И есть Вторая мировая война, которую знали только генерал Сталин и его генерал — Власов. Эту войну они вели вдвоём. Когда впервые в журнале “Молодая гвардия” появились главы из книги “Сколько лиц было у генерала Власова”, в редакцию пришло письмо за подписью начальника ГРУ — Главного разведывательного управления. В официальной бумаге начальник ГРУ урезонивал автора: оказывалось, что по его личному указанию самым тщательным образом была проверена вся картотека на разведчиков ГРУ. Генерал Власов в картотеке ГРУ не значится. Начальник ГРУ был совершенно прав, хотя никто его не тянул за язык и

журнал не запрашивал сведений о генерале Власове у ГРУ»^{11}.

И тем не менее и в этих, и в других публикациях Власову придают значения гораздо больше, чем он весил от природы. Так выгодно тем, кто уже нажил или только собирается нажить капитал на имени Иуды.

Бредовые идеи сегодня, как никогда, пользуются спросом. Нужно только очень постараться. И многие стараются, лезут на потолок, выворачиваются наизнанку, а сами не понимают абсолютно простых вещей, которые можно уяснить, только лишь получив высшее военное образование, прослужив не только в полках, но и в больших штабах. А как же иначе? Словом, опять-таки знания, умения и навыки в военном деле. Без этого ни Власова, ни других персонажей из Красной армии, да и не только, понять и оценить очень сложно. Городить же огород, придумывать анекдоты — дело для истории вредное.

В ней и так наврали «с три короба», да развенчать эту ложь удаётся с огромным трудом благодаря кропотливой работе всего лишь немногих, бесспорно, одаренных и талантливых первопроходцев.

«Ледоколы» же некомпетентности или вольного обращения с историческими фактами — опасная тенденция нового столетия...

По мнению писателя Н. Коняева, «исследователи личности генерала Власова искажают “информационно-духовное поле”...

Дело доходит до курьезов... Когда в книжном магазине спрашивают; есть ли книга про генерала, продавец задаст встречный вопрос — а вам нужна книга про какого Власова — борца со сталинизмом, коммуниста или предателя? Оказывается, об этой исторической личности уже написаны книги на любой вкус»^{12}.

Так что два лица (или множество лиц) генерала Власова на сегодняшний день вовсе не байка. Вот только душа у него была всего лишь одна...

Не от масок ли генерала, как гримасы истории, появился прежде «командир-стахановец», потом предатель, потом «освободитель от Сталина», а теперь еще и «агент влияния»?

Почему-то почти все биографы Власова считают, что, не стань он предателем, его ожидала и в дальнейшем блестящая карьера полковника. «Сложись история иначе, и “Красная звезда” регулярно отмечала бы круглые даты одного крупного военачальника, — пишет Л. Млечин. — Он, правда, и без того вошел в историю, но совсем не так, как ему хотелось. В определенном смысле ему сильно не повезло. А то мог бы закончить войну с маршалскими звёздами на погонах. И со временем захоронили бы урну с его прахом в Кремлёвской стене, назвали бы в его честь одну из улиц в Москве. Но получилось иначе»^{13}. А ведь история не любит сослагательного наклонения. В ней всё, что было, так и остаётся. Вот только мы пытаемся додумать её на своё собственное усмотрение, переписать, а зачем? Чтобы увидеть в ней то, что нам хочется... А надо ли это делать?

По поводу светлого будущего Власова «бабка надвое сказала», ведь своей карьерой Андрей Андреевич был обязан прежде всего репрессиям, ну а затем маршалу Тимошенко и самому Сталину. По даже великие не однажды ошибаются. Жизнь, она и есть жизнь!

Будущий генерал родился «1 сентября 1901 г. в с. Ломакино Гагинского района Горьковской области /с. Ломакино Покровской волости Сергачёвского уезда Нижегородской губ. / в семье крестьянина-кустаря»^{14}.

Сравнивая записи его личного дела с записями в учетно-послужных картах^{15}, можно убедиться в несоответствии дат приказов о назначении Власова на многочисленные должности. Тем не менее, чтобы как-то восполнить этот пробел, мы ознакомимся со справкой на командира 99-й стрелковой дивизии комбрига Власова А.А., составленной по материалам личного дела и подписанной интендантом 3-го ранга Бородиным 28 февраля 1940 года. В ней указано:

«Тов. ВЛАСОВ Андрей Андреевич.

Занимаемая должность и звание Командир 99 стрелковой дивизии, комбриг;

Награды Орден «Красное Знамя» в 1939 г.^{16}

Социальное положение и происхождение (о родителях подробно)

Служащий-студент, из семьи кустаря-портного, занимавшегося и сельским хозяйством. Хозяйство было середняцким.

Год и место рождения, национальность 1901 г. рождения, село Ломакино, бывш. Покровской вол., Сергачевского уезда, Нижегородской губ. Русский.

Образование:

а) общее — Школа II ступ, в 1918 г, и 4 курс университета в 1919 г. [\[17\]](#)

б) военное — Пех. Ком. курсы в 1920 г., КУКС “Выстрел” в 1929 г.

Связь с границей — Не имеет.

Время вступления в ВКП/б/ — с 1930 г. п/б. обр. 1936 г. № 0471565

Выбывал ли из ВКПб), когда и почему — Не выбывал.

Состоял ли в других партиях, каких, когда — Не состоял.

Политические колебания и партвызыскания (какие, когда и где) — Политических колебаний не имел, партвызысканиям не подвергался.

Партполитхарактеристика

Партии ЛЕНИНА—Сталина и Социалистической родине предан. Идеологически и морально устойчив. В партийной работе принимает активное участие. Работает над повышением своего идейно-политического уровня. Был на руководящей партийной работе. Чуткий и отзывчивый товарищ. Пользуется авторитетом среди парторганизации.

Аттестация

В военном отношении хорошо подготовленный командир. Работая командиром полка, много работал над ликвидацией вредительства, повысил дисциплину. Запятая с комначсоставом проводит методически правильно, живо и поучительно. Большой силы воли и с хорошими организаторскими способностями командир. Находясь в правительственной командировке, проявил себя с положительной стороны.

Служба в старой армии (время, должность и чин) — Не служил.

Служба в белой армии, пребывание в плену, нахождение на территории белых (когда, где, в какой должности) — В белой армии не служил, в плену не пребывал, на территории белых не находился.

Участие в гражданской войне и должность — В 1920 г. против Врангеля — командиром взвода и в 1921 г. против банд в Донецкой, Воронежской и Харьковской областях.

Ранения и контузии, где, когда — Не имеет.

Работа в прошлом и служба в РККА (с начала трудовой деятельности)

Год и месяц — НАЗВАНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ ИЛИ КАКУЮ РАБОТУ ВЫПОЛНЯЛ

1915-1917 — Учился в духовной семинарии—г. Нижний Новгород
1917—1919 — Ученик 2-й Нижегородской Трудшколы 2-ступени
1919 5.1920 Студент Агрофакультета Нижегородского... 5. 19206.1920

Красноармеец 27 Приволжского стрелкового полка 11.1920-4.1921
Сотрудник штаба тылового района 2 Донецкой...

4.1921-6.1922 — Комвзвода, пом. ком. роты 27 запасного стрелкового полка

6.1922-8.1922 — Ком. взвода 5 Петроградского стрелкового полка

8.1922-2.1926 — Пом. ком. роты и ком. роты 26 стрелкового полка

2.1926-11.1928 — Начальник школы 26 стрелкового полка.

11.1928-4.1929 — Слушатель курсов усовершенствования “Выстрел”

4.1929-12.1930 — Ком. батальона 26 стрелкового полка.

12.1930-4.1932 — Преподаватель тактики Ленинградской школы комсостава запаса. 2214

4.1932-3.1933 — Пом. нач. учебной школы Детскосельской объединенной школы.

3.1933-3.1936 — Пом. начальника 2 отдела Штаба ЛВО

3.1936-8.1937 — Начальник учебной части Ленинградских курсов военных переводчиков.

8.1937-4.1938 — Командир 133 /бывш. 215/ стрелкового полка.

4.1938-6.1938 — Помощник командира 72 стрелковой дивизии.

6.1938-10.1938 — Начальник 2 отдела Штаба Киевского Особого Военного округа.

10.1938-11.1939 — В особой командировке.

11.1939-1.1940 — Состоящий в распоряжении Управления по Начсоставу Красной Армии /находился в отпуске после командировки/.

1.1940 Командир 99 стрелковой дивизии...»^{18}

В другой справке «О прохождении службы Командиром 99-й Стрелковой дивизии КОВО комбригом Власовым Андреем Андреевичем», составленной начальником отдела начсостава КОВО — полковником Горшковым обозначаются сроки в должностях:

«В РККА с 5 мая 1920 года.

В должностях начсостава с “—” октября 1920 года.

ЗАНИМАЛ ОСНОВНЫЕ ДОЛЖНОСТИ:

Красноармеец, курсант “—” лет “5” мес. Командир взвода “1” лет “—” мес. Командир роты “4” лет “5” мес. Начальник полковой школы “3” лет “1” мес. Командир батальона “1” лет “8” мес.

Преподаватель тактики и Пом. нач. учебного отдела норм. шк. “2” лет “3” мес.

Пом. н-ка 1-го сектора 2 отдела штаба округа “2” лет “—” мес. Пом. начотдела боевой подготовки штаба округа “1” лет “5” мес. Командир полка “—” лет “10” мес. Начальник 2-го отдела штаба округа “—” лет “4”

мес. Командир стрелковой дивизии “1” лет “8” мес...»^{19}

Когда началось восхождение Власова к вершинам сто карьеры?

Судя по данным личного дела, в 1937 году, когда он был назначен командиром полка (сначала исполняющим должность), так как без прохождения этой ступени он вряд ли был бы назначен помощником командира дивизии, а уж тем более и командиром дивизии.

Вне строя он прослужил (преподавателем и в штабах) до этого назначения более семи лет. То есть человек долгие годы был оторван от службы в боевых частях. Все это время он занимался чтением лекций и бумажной работой, которая несколько далека от повседневной руганы частей и соединений того же Ленинградского округа.

Кстати сказать, некоторые биографы банально путаются, когда приписывают Власову командование двумя полками: 215-м и 133-м. На самом деле это один и тот же полк, у которого однажды поменялась нумерация. В личном деле это отмечено.

Но всё по порядку.

На сегодняшний день считается, что при введении персональных военных званий Власову было присвоено «высокое стартовое звание» — майор (январь 1936 года, приказ НКО СССР №0391).^{20}

«Присвоение персональных военных званий в 1935—1936 гг. явилось важным этапом в укреплении положения комначсостава РККА, — пишет О. Сувениров. — Но, по мнению многих командиров, оно явилось и своеобразной чисткой армии. Значительно сужен был контингент лиц, отнесённых к командному составу. Сюда теперь входили командир, его заместитель по строевой части и начальник штаба. Все остальные получали военные звания интендантского, инженерного и т.н. состава. У профессиональных военных это вызывало значительное недовольство. Многие получили персональные военные звания и соответствующие им знаки различия значительно ниже носимых ранее но занимаемой должности и соответствующей служебной категории. Преподаватель Военно-химической академии Какоулин заявил по этому поводу:

“Молодею с каждым днём, скоро буду лейтенантом”. Недовольство высказывалось и в сфере высшего комсостава. Начальник кафедры тактики Военно-транспортной академии В.С. Лазаревич был явно раздосадован тем, что ему присвоили звание “только” комдива. На просьбу дать материалы для командирской учебы он заявил: “Я теперь комдив, и с меня спрашивают только как с начальника кафедры, больше я ничего не знаю”.

Остро ощущались и переживания многих командиров, связанные с

неизменным проведением “классового подхода” в явно гипертрофированной форме. Начальник Инженерного правления РККА Н.Н. Петин получил высокое звание “комкор”. Но ведь всё познаётся в сравнении. Его коллеге — начальнику АБТУ РККА И.А. Халепскому присвоили ещё более высокое звание — командарма 2-го ранга. И Петин жаловался своему заместителю Смирнову: “Разве нам с тобой, Серёжа, можно было ждать чего-нибудь хорошего, ведь ты поп, а я бывший офицер”.

Весьма болезненно реагировали командиры, особенно молодые, на проявление откровенной грубости, а то и неприкрытого хамства со стороны старших начальников. Это началось буквально с первых дней создания армии “нового тина”. Многие искренне полагали, что с отменой военных званий и знаков различия, ликвидацией титулования всякая вежливость является чуть ли не дурным тоном. Негативно влиял и чрезвычайно низкий общеобразовательный уровень подавляющего большинства выдвинутых “с низов” командиров, даже не представлявших себе, что обращение начальника с подчинённым может быть вполне вежливым. И когда кое-кто всё-таки высказывал сетования по поводу излишней грубости со стороны тех или иных начальников, они не без гордости отвечали: “Мы университетов (вариант: академиев) не кончали”. Выступая на совещании в ПУРе в феврале 1935 г., начальник Военно-политической академии Б.М. Иппо говорил: “Значительная часть слушателей не отвечает требованиям. Мы в наших академиях вынуждены обучать людей арифметике, самому элементарному правописанию. Ведь он ещё пишет не “донесение”, а “донисение”, он ещё пишет не “взвод”, а “звод”.

Зато “матерный язык” такие, не обремененные культурой, командиры осваивали чуть ли не в совершенстве...»^[21]

К слову, сам Власов «академией» не заканчивал, но при этом слыл «виртуозным матерщинником», а еще отличался «поразительной неграмотностью», то есть писал с чудовищными ошибками. «Власов писал со множеством грамматических и орфографических ошибок», — напишет в своей книге Л. Млечин^[22]. Но зато он был «в доску» свой, из крестьян-середняков села Ломакино. В белых и иностранных армиях не служил, в других партиях не состоял, в старой армии не служил, на территории, занятой белыми, не был, в плену во время Гражданской войны не был, в оппозициях и антипартийных группировках не участвовал. В общем, свой на все сто!

Пётр Григорьевич Григоренко оказался непосредственным свидетелем

присвоения новых званий. В частности, он пишет: «Дело в том, что знаки различия для званий были оставлены те же самые, что носились по должностям (квадраты, прямоугольники, ромбы). Но звания давали (по знакам) значительно ниже должностных. Бывали даже случаи, когда человек, носивший по должности три ромба, по званию вынужден был одевать три квадрата. Померанцев вместо трех ромбов одел по званию один. Вишнеревский вместо двух — тоже один. Оба этих присвоения относились к числу “счастливых” случаев. Как правило, бывало хуже. Бывало немало случаев, когда человек получал не только более низкие знаки, но и интендантское звание, что для командного состава было оскорбительно. Многие старались скрыть свои новые знаки. Широко, в холодное время года, стали пользоваться бекешами, на меховые воротники которых петлицы не нашивались. Ходили всяческие горькие шуточки. Начальник штаба УРа (у Померанцева), получивший звание первым в УРе, вместо двух ромбов одел один и на следующий день шутил: “У моего сына в школе ребята спрашивают — что теперь твой папа носит? — а он — один ромб и одну дырочку”. Другие на подобный вопрос отвечали: “Две шпалы... на двух петлицах”. Была масса обиженных. Был даже случай:, опубликованный в приказе наркома обороны, когда офицер отказался от присвоения ему звания. И парком без зазрения совести писал об этом офицере в приказе: “Всю свою службу околачивался в штабах”. Этим он пытался обосновать оскорбительно низкое звание, но унижил штабную службу. Помню, какое невыгодное впечатление произвёл этот приказ на штабных командиров. Их теперь официально отнесли к второстепенным военным работникам.

Высокие командирские звания получали лишь те, кто всё время командовал. Годы учёбы, служба в штабах и тылах, преподавательская работа не только не учитывались для званий, а влияли отрицательно. Звания присваивали центральные комиссии. Одну возглавлял Буденный, другую Тимошенко. Рассказы о работе этих комиссий передавали из уст в уста. Вот, например, Будённый открывает заседание. Мелкий военный чиновник докладывает прохождение службы. Например: в армии пять лет. Командовал взводом, ротой, недавно назначен командиром батальона. Будённый изрекает “майор”. Все соглашаются. Никто даже фамилией не интересуется. В то же время военнообразованные, знающие своё дело начальники штабов дивизий, начальники оперативных отделов корпусов тоже очень часто получали звание майора. А вот доклад о другом кандидате. Подпоручик старой армии, участник Гражданской войны, на штабных должностях; окончил военную академию, сейчас преподаёт в ней.

Будённый: давно служит, но как-то всё где-то по закоулкам. Дадим ему полковника интендантской службы. Человеку нанесена самая тяжкая обида.

Интендант по-тогдашнему — это вроде не военный. Я лично знал молодого человека с тремя ромбами. Он работал в Управлении Боевой Подготовки Красной Армии инспектором физической культуры и спорта. Ожидая звания, он был буквально больным:

“Дадут мне интенданта”, — сокрушался оп. И как же он радовался, когда ему дали старшего лейтенанта, т.е. три квадрата вместо трёх ромбов. Но оскорбительные интендантские звания давали широко, распространенно. Я видел начальников штабов полков и дивизий, начальников оперативных отделов дивизий и корпусов с интендантскими званиями. Это было оскорбление людям, но это было и унижение важнейших должностей, подрыв престижа этих должностей. О людях с интендантскими званиями, какой бы они пост ни занимали, презрительно говорили: “У него три шпалы на зелёном поле” (па зелёных петлицах). Да что иное и могли сделать “икона с усами”, как назвал Буденного генерал Шарабурко, “дубовый маршал”, как звали в армии Тимошенко. Им и подобным вверили это ответственное дело, чтобы они натворили побольше недовольных и тем помогай выявить тех, кто способен не соглашаться с начальством, не говорить “спасибо”, когда плюют в глаза. Впоследствии многое из арестованных офицеров рассказывали, что одним из обвинений было: “Проявил недовольство полученным званием и высказывал критические суждения”»^[23].

А Власова оценили на «майора», всё-таки командовал взводом, ротой, батальоном. Правда, был и на преподавательской работе, служил в штабе.

Согласно Постановлению ЦИК и СНК Союза ССР от 22 сентября 1935 г. №19/2135,^[24] срок пребывания в звании «лейтенант» устанавливался — три года, срок пребывания в звании «старший лейтенант» — три года и в звании «капитан» — четыре года. Словом, для получения звания «майор» было необходимо в соответствии с занимаемой должностью прослужить всего лишь десять лет. Власов на момент аттестации после окончания пехотной школы прослужил пятнадцать! А значит, еще целых пять лет вроде бы как пересидел.

В штабе Ленинградского округа Власов служил в отделе боевой подготовки (хотя некоторые авторы продолжают связывать цифру «2» с разведотделом), а затем его назначают на должность начальника учебной части курсов военных переводчиков (иногда пишется «учебного отдела»). Но парадокс заключается в том, что сам Власов владел иностранным

языком даже не как «пользователь», а гораздо хуже: «Немецкий: читает и пишет со словарем, говорит с трудом»^{25}.

В переводе же майора Власова из Ленинградского округа в Киевский на должность командира стрелкового полка удивительного ничего нет. Где-то в 1936 году у Андрея Андреевича завязался пылкий роман с некоей Юлией Осадчей (по другим данным, Ульяной), итогом которого стали рождение дочери и подача его подругой документов на выплату алиментов. «Однако возникший скандал, — считает П. Пальчиков, — на фоне продолжавшихся в стране репрессий оказался никчемным и не повредил карьере краскома. Видимо, не до мелочей тогда было: ограничились переводом в другой военный округ»^{26}.

Но неужели вы думаете, что Власову не хватило бы места в ЛенВО? Ведь только за семь месяцев (с июня по декабрь 1938 г.) в штабе ЛенВО были арестованы 22 работника штаба. «Кроме того, по политическим мотивам и "практической нецелесообразности" 36 человек были уволены из РККА, а 38 штабистов переведены на работу в части»^{27}.

Более того, в результате репрессий в 1939 году рядом дивизий в ЛенВО командовали даже капитаны^{28}. То есть должности там, в строю, бесспорно, были.

В Киевском округе Власов исполняет должность командира стрелкового полка (с августа 1937 г.). Только в феврале 1938 года его утверждают в этой должности.

Мне удалось выяснить некоторые детали этого назначения.

С марта 1937 года 133-м полком командовал Наум Семенович Пиказин. Он родился в 1898 году в Кишиневе. В 1921 г. окончил 4-ю Киевскую артиллерийскую школу, в 1923 г. — артиллерийское отделение Высшей объединенной школы им. Главкома С.С. Каменева в г. Киев, в 1927 г. — Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе, в 1931 г. — артиллерийское отделение на Курсах технического усовершенствования начсостава Центрального управления РККА. В межвоенный период проходил службу на следующих должностях: комиссар 56-х Черниговских пехотных курсов комсостава, командир артиллерийского взвода и врид комиссара учебного отряда 25-й стрелковой дивизии, комиссар 15-х пехотных командных курсов, помощник комиссара учебного отряда Высшей Объединённой военной школы им. Каменева, врид командира батареи гаубичного артиллерийского дивизиона 1-го конного корпуса, командир батареи артдивизиона 45-й территориальной стрелковой дивизии 14-го стрелкового корпуса, заместитель командира дивизиона, начальник

штаба артполка 1-й Кавказской стрелковой дивизии, врио командира полка, начальник 3-го отдела, помощник начальника 6-го отдела, с мая — начальник сектора 2-го управления Штаба РККА. В феврале 1931 г. Пиказин был переведён в 5-е управление Штаба РККА, где исполнял должность начальника 6-го сектора, а затем был назначен начальником 2-го отдела.

С января 1935 г. — инспектор, с апреля 1936 г. — старший инспектор в Группе контроля при ИКО СССР. На этих должностях Наум Семёнович «проявил себя как очень способный, быстро схватывающий дело работник. Хорошее общее развитие, большой опыт работы в Штабе РККА, личные способности позволяют ему быстро осваиваться с новыми вопросами»^{29}

Лишь один был «недостаток» у полковника Пиказина — он был евреем. В январе 1938 года, после того как он подготовит Власова в качестве командира полка, его переведут на незначительную должность начальника военно-хозяйственного снабжения 96-й стрелковой дивизии КВО. А Власова будет ждать очередная взлёт. В апреле 1938 г. его назначают помощником командира 72-й стрелковой дивизии, а в мае этого же года — исполняющим должность начальника 2-го отдела (боевой подготовки) штаба КВО.

До Андрея Андреевича эту должность занимал Константин Степанович Колганов. Он родился в 1896 году. В русской армии с 1915 г., прапорщик. В Красной армии с октября 1918 г. В 1917 г. окончил 1-ю Омскую школу прапорщиков, в 1933 г. — Военную академию им. М.В. Фрунзе заочно. В Гражданскую командовал ротой и батальоном, был помощником адъютанта стрелкового полка, адъютантом стрелкового полка, помощником начальника штаба стрелковой бригады, начальником штаба стрелкового полка.

В межвоенный период командовал батальоном, был начальником штаба и командиром стрелкового полка^{30}.

16 августа 1938 года Власову присваивают звание «полковник» (воинского звания «подполковник» тогда ещё не было) приказом НКО СССР №01378, затем в октябре 1938 года назначают на должность командира 72-й стрелковой дивизии.

К слову, срок пребывания в звании «майор» устанавливался в четыре года. Андрей Андреевич же майором проходил всего немногим более двух лет! Но в «Положении о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» имелись существенные «лазейки». Первой была следующая: «Для получения военного звания полковник

(капитан 2-го ранга) устанавливается срок пребывания в предыдущем военном звании 3 года, из коих в течение одного года обязательно фактическое командование батальоном (дивизионом и т.п.), если ранее этот командир не командовал батальоном (дивизионом и т.п.)...» А второй — ещё более универсальная: «В отдельных случаях, при наличии выдающихся успехов в работе или особых заслуг, командному и начальствующему составу могут быть присвоены очередные военные звания ранее истечения установленных сроков...»^{31}

Молниеносный взлёт Власова в Киевском округе поясняет следующий документ:

«Материалы к протоколу заседания Военного совета Киевского военного округа №2 от 26 марта 1938 года. Из ДОКЛАДА о состоянии кадров Киевского военного округа

1. Враги народа, имевшие своей целью подготовку поражения РККА, на все руководящие должности подбирали свои кадры, выдвигали узкий круг людей на высшие должности, а растущих преданных партийных и не партийных большевиков “мариновали” на низовой работе.

В результате этого в большинстве на руководящих должностях штаба округа, командиров, комиссаров, начштабов корпусов и дивизий, частично и полков, оказались враги народа и их приспешники.

Поэтому Военный совет поставил центральной задачей “выкорчевывание” врагов народа и подбор на руководящие должности преданных и растущих командиров.

В итоге беспощадного “выкорчевывания” троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов на 25 марта 1938 года произведено следующее обновление руководящего состава округа:

(Наименование должностей - По штату - Обновлено - % обновления)

Командиров корпусов... 9 - 9 - 100

Командиров дивизий... 25 - 24 -96

Командиров бригад...9 - 5 - 55

Командиров полков...135 - 87 - 64

2. Выполняя указания тт. Сталина и Ворошилова, Военный совет округа провёл большую работу по очищению кадров командного состава не только высшей, но и средней и старшей группы от всех враждебных и политически неустойчивых элементов, и эта работа продолжается в дальнейшем.

Всего было уволено из частей округа по политико-моральным причинам 2922 человека, из них арестовано органами НКВД 1066

человек...»^{32}

Вот и получается, что «растущего», «преданного партийного большевика» Власова долгое время «мариновали» на низовой работе. А теперь, когда стали разоблачать «врагов народа и их приспешников» на руководящих должностях, на Власова обратили внимание и выдвинули, да так, что у него от успехов, упавших с неба, начала кружиться голова.

Разговоры о том, что Власов был членом окружного трибунала и принимал участие в подписании приговоров, вовсе не являются беспочвенными.

Например, в автобиографии полковника Власова, написанной 23 декабря 1939 года им самим, указывается: «Около десяти лет состоял Заседателем военного трибунала КВО и ЛВО»^{33}.

В апреле 1940 года он напишет: «Был избран членом военного трибунала округа...»^{34}

По этому, видимо, мало для тех, кто убежден в непогрешимости Власова. Тогда есть еще партхарактеристики, где черным по белому написано: «Уклонов от генеральной линии партии у тов. Власова не было. Работает честно и правдиво. Много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства части» (16 марта 1938 г.); «Уклонов от генеральной линии партии у т. ВЛАСОВА не было. Работает честно и правдиво. Много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства в части» (8 апреля 1938 г.); «В партийно-политической жизни парторганизация отдела и Штаба КОВО принимает активное участие. Партзадания выполняет аккуратно и добросовестно. Идеологически выдержан. Предан партии Ленина—Сталина. Партвызысканий не имел» (29.8. 38 г.).

Как вы думаете, если майор, а потом и полковник Власов 10 лет был заседателем военных трибуналов, он что, в период массовых репрессий брал справку о болезни или демонстративно не ставил своей подписи? Стал бы он тогда полковником или командиром дивизии? А если бы он активно не боролся с вредительством и не выступал на партсобраниях, что бы с ним самим могло быть? Наверное, то же, что и с «врагами народа». Ведь в 1937—1938 годы, в период массовых репрессий, военные трибуналы в том числе рассматривали и контрреволюционные дела и, как правило, не выносили по ним оправдательных приговоров.

Например, в процессе своего исследования О. Сувенирову удалось выявить «Обзор работы военных трибуналов Киевского Особого военного округа и судимости в воинских частях округа за 1938 год».

«Обзор этот подписан временно исполнявшим должность

председателя ВТ КОВО бригаденюрисом Галенковым и 5 февраля 1939 г. был отправлен председателю Военной коллегии Верховного суда СССР Ульриху, — пишет О. Сувениров. — В обзоре содержится немало данных и о 1937 году. Хотя в разных данных имеются “нестыковки” на одного-двух человек (очевидно, по небрежности составителей), в целом этот документ представляется мне довольно достоверным, позволяющим более-менее полно представить себе картину о том, кого и за что судили в 1937— 1938 гг. в Киевском военном округе.

Согласно этому официальному обзору, всего за 1937 и 1938 годы за контрреволюционные преступления в КОВО было осуждено 1097 военнослужащих. (Сразу же необходимо заметить, что в данном случае речь идёт об осуждённых лишь военными трибуналами — лицах от красноармейца до майора включительно. Командиры и политработники в званиях от полковника (полкового комиссара) и выше подлежали, как правило, суду Военной коллегии Верховного суда СССР и здесь не учтены.)

Поскольку в те годы то или иное отношение военнослужащего к ВКП (б) имело очень большое значение, рассмотрим сначала, как обстояло дело с партийной принадлежностью... среди всех осуждённых в КОВО в 1937— 1938 гг. “за контрреволюционные преступления”, члены и кандидаты в члены ВКП(б) составили менее 10,4% всех осуждённых, комсомольцы — чуть более 15%, а почти три четверти осуждённых “контрреволюционеров” — это беспартийные. А если в разряд беспартийных включить и комсомольцев (которые, строго говоря, не принадлежали к числу партийных), то доля беспартийных среди осуждённых возрастает до 90%. Это позволяет сделать вывод о том, что основной удар в антиармейских репрессиях 1937—1938 гг. был нанесён не столько по партийному активу (хотя и ему досталось преизрядно), сколько по массам беспартийных воинов, по разным причинам обвинённых в совершении «контрреволюционных преступлений». По крайней мере именно так обстояло дело в Киевском военном округе.

Значительный интерес представляет распределение осуждённых по их военным званиям. Из 1097 военнослужащих КОВО, осуждённых “за контрреволюционные преступления” в 1937— 1938 гг., лиц старшего начсостава оказалось 86 (менее 8% от общего числа), среднего — 218 (около 20%), а младшие командиры и красноармейцы составили более 72% всех осуждённых военнослужащих...»^{35}

Дополняя эту жуткую картину произвола, О. Сувениров в своей книге особо подчеркивает: «Характерной чертой всего судопроизводства Военной коллегии Верховного суда СССР и руководимых ею военных трибуналов

был явно выраженный обвинительный уклон».

И еще Сувениров пишет: «Красноармейцев не жалели — более 98% всех осуждённых рядовых получали срок лишения свободы от трех до пяти, а то и больше лет. Но в то же время по отношению к красноармейцам расстрельный приговор (по крайней мере в Киевском военном округе) в 1937—1938 гг. не применялся. По отношению к начсоставу (включая младший) приговоры трибуналов были гораздо более суровые, а в 1938 г. почти каждый пятый из осужденных военными трибуналами лиц начсостава КОВО приговаривался к расстрелу»^{36}.

С октября 1938 года по ноябрь 1939 года полковник А.А. Власов находится в особой командировке. А именно — в Китае. Это всего лишь продолжение карьеры, а не её начало.

И тем не менее некоторые исследователи считают ее знаменательной в биографии Андрея Андреевича. Кроме того, с этой поездкой связываются его якобы разведывательная работа, а также особое расположение к нему самого Чан Кайши, награждение орденом Золотого Дракона и масса других нелепостей, которые прыгают из одной публикации в другую.

У Власова действительно в Китае был псевдоним Волков. А все остальное надумано или придумано им самим уже в плену. Понять это можно, но мы же хотим знать истину.

А она достаточно проста. «До февраля 1939 г. (Власов) стажировался в штабе главного военного советника (комдива А. Черепанова). Читал лекции чинам китайской армии и жандармерии по тактике стрелковых подразделений. С февраля 1939 г. находился в качестве советника при штабе маршала Янь Сишаня, возглавлявшего 2-й военный район (провинция Шаньси). В августе 1939 г. “за нарушение норм поведения советского коммуниста за рубежом” был переведён в приграничные районы Монголии. 3 ноября 1939 г. вернулся в СССР», — сообщает А. Окороков в своей книге про русских добровольцев^{37}.

На сегодняшний день известно, что «первая группа советников в количестве 27 человек прибыла в Китай в конце мая — начале июня 1938 г. (к октябрю 1939 г. их число возросло до 80). Тогда же, в мае 1938 г. на пост главного военного советника китайской армии был назначен комкор М.И. Дратвин (в середине 1920-х годов военный советник по связи), который прибыл в Китай еще в конце ноября 1937 г. в качестве военного атташе при посольстве СССР и оставался им до августа 1938 г. В последующие годы главными советниками являлись А.И. Черенапов (август 1938-го — август 1939 года), К.А. Качалов (сентябрь 1939-го — февраль 1941 года), В.И.

Чуйков (февраль 1941-го—февраль 1942 года), работавший в Китае ещё в 1927 г. Последний одновременно являлся и советским военным атташе. В 1938—1940 гг. военным атташе при посольстве СССР в Китае были Н.И. Иванов и П.С. Рыбалко. К первой половине 1939 г. советский советнический аппарат был практически сформирован. Его деятельность охватила центральные военные органы и действующую армию (основные военные районы). В аппарате представлены фактически все рода войск. При Ставке и в войсках в разное время (1937—1939 гг.) военными советниками работали: И.П. Алфёров (5-й военный район), Ф.Ф. Алябушев (9-й военрайон), П.Ф. Батицкий, А.К. Берестов (2-й военрайон), Н.А. Бобров, А.Н. Боголюбов, А.Ф. Васильев (советник северо-западного направления), М.М. Матвеев (3-й военрайон), Р.И. Панин (советник юго-западного направления) П.С. Рыбалко, М.А. Щукин (1-й военрайон) и др. Старшими советниками по авиации были Г.И. Тхор, П.В. Рычагов, Ф.П. Польшин, П.Н. Анисимов, Т.Т. Хрюкин, А.Г. Рытов; по танкам: П.Д. Белов, Н.К. Чесноков; по артиллерии и ПВО: И.Б. Голубев, Русских, Я.М. Табунченко, И.Л. Шилов; по инженерным войскам: А.Л. Калягин, И.П. Батуров, Л.П. Ковалев; по связи — Бурков, Геранов; по военно-медицинской службе — П.М. Журавлёв; по оперативным вопросам — Чижов, Ильяшов; по оперативно-тактической разведке — И.Г. Ленчик, С.П. Константинов, М.С. Шмелев. А также военные советники: Я.С. Воробьев, полковник А.А. Власов, и др. Всего же, согласно данным, приведенным в воспоминаниях А.А. Калягина, в 1937—1942 гг. в Китае работало свыше 300 советских военных советников...»^{38}

По воспоминаниям военных советников, работавших в Китае, их работа изначально опиралась на дипломатию и психологию. Советы необходимо было давать только на основе фактов, подтверждённых документально. При этом нужно было заботиться о престиже собеседника, одновременно читая его намерения. Во взаимоотношениях следовало быть осторожными, как бы примеряя особый подход к военным руководителям Китая. Требовалось учитывать их особую чувствительность к сложившимся обычаям, нетерпимость к критике, даже разумной.

О проблемах советников в Китае рассказал в своих мемуарах генерал А.Я. Калягин:

«Вторая проблема — немалый разрыв в воинских званиях. К примеру: советником при командующем 1-м военным районом генерале Вэй Лихуане работал майор М.А. Щукин... В ряде мест советниками были капитаны. Согласитесь, не каждый генерал сразу примет предложения советника-капитана, если даже эти предложения отлично обоснованы и безупречно

сформулированы.

Китайские генералы заботились прежде всего о своем престиже, сохранении авторитета. “Потеря лица” считалась непоправимым позором. В практике нашей работы предложения “капитанов” иногда изучались так долго, что острота ситуации пропадала. Предложения устаревали, зато “престиж генерала” оставался незыблемым...

Другой вопрос — возрастной барьер. Советниками были капитаны и майоры 25—30 лет, подполковники и полковники 35—40 лет. Генералу, с которым работал советник, как правило, было 55—70 лет. Старость традиционно почитаема в Китае даже вне зависимости от чинов и должностей. Игнорировать этот барьер мы не могли и преодолевали его при помощи скромности, простоты в обращении и внимательности, что действовало безошибочно...

Третья проблема, с которой столкнулись все советники, — “языковой барьер”. Мне сначала показалось, что китайский язык не так уж труден. Выучить 500—800 иероглифов под силу каждому. Другого мнения был наш общий друг — переводчик посла Илья Михайлович Ошанин... Он утверждал, что в китайском языке свыше 50 тыс. иероглифов и что военный советник должен знать до 5000. Мы знали иероглифов 50. Конечно, с таким словарным запасом далеко не уедешь...

Мы по-разному преодолевали этот барьер, иногда используя язык-посредник: в наших академиях офицеры изучали английский, немецкий, французский, как и многие китайские офицеры...

Совершенно очевидно, что вдобавок ко всему сказанному советский военный советник должен был обладать высокими личными качествами: быть деятельным, изобретательным, тактичным, вежливым и аккуратным в работе, волевым и настойчивым при проведении в жизнь своих предложений.

Само собой разумеется, что советник должен иметь солидную оперативно-тактическую подготовку, знать организацию армии, в которой он работает, и армии её противника; изучить военно-промышленный потенциал страны и противника; быть в курсе достижений современной военной техники и её возможностей»^{39}.

Главный военный советник в Китае В.И. Чуйков в своей книге отметил, что некоторые советские командиры не всегда правильно строили свои взаимоотношения с военным министерством и китайскими генералами в районах и армиях. Их слабым местом было недостаточное знание Китая, его традиций.

В частности, он пишет: «Скажем, китайский генерал принимает

решение на оборону или на наступление. В этом решении много несуразностей, чтобы не сказать большего. Если советник открыто раскритикует план, он этим наживёт себе врага, в лучшем случае китайский генерал будет его игнорировать и не станет приглашать к разработке планов и решений.

Во всех случаях советник, изучая решение или план китайского военачальника, должен во всеуслышание признать и объявить его хорошим, если не гениальным или превосходным. Но под предлогом, чтобы подчинённые китайского генерала лучше поняли и усвоили план, попросить разрешения внести несколько уточнений. Можно ручаться, что после такого восхваления решения или плана китайский руководитель позволит внести “некоторые” уточнения. Этими уточнениями советник может вложить в решение всё, что нужно. Такая помощь будет принята, и предложение советника станет проводиться в жизнь как решение или план самого китайского командующего.

В случае успешного выполнения этого решения или плана операции советник должен оставаться в стороне, все лавры победы или успеха во всеуслышание адресовать своему генералу, а при неудаче — найти причины, оправдывающие действия командира и войск, и даже поздравить с победой»^{40}.

В настоящее время о работе Власова в Китае можно судить только косвенно.

Итак, до февраля 1939 года Власов проходил стажировку, читал лекции по тактике. С февраля состоял советником при штабе маршала Янь Сишаня. О взаимоотношениях этого китайского военачальника с Чан Кайши, который будто бы наградил Андрея Андреевича орденом, рассказал военный советник А.Л. Калягин: «В середине января (1939 г.) в штаб главного военного советника явился молодой генерал Лю Хуа-у. Он прибыл по важному делу к главному советнику. Александр Иванович был в оперативном управлении, и мы предложили посетителю подождать.

Лю Хуа-у прекрасно говорил по-русски, что было редкостью среди гомиьндановских генералов, и мы, естественно, заинтересовались, откуда он знает язык. Словоохотливый Лю рассказал нам всю свою биографию. Оказалось, что он сын купца из Сыцингая (город в Маньчжурии), в семь лет лишился родителей. В 1904 г. грузинский князь Вачнадзе увёз его с собой в Грузию. Там он вырос, окончил гимназию, военное училище и в качестве офицера царской армии участвовал в Первой мировой войне. Имеет ряд русских орденов. В 1921 г. он покинул Грузию и уехал в Германию, где женился на немке, и через два года вернулся в Китай, в

Мукден. В Мукдене поступил в управление КВЖД в качестве заместителя главного контролёра дороги и прослужил 12 лет. После ухода с КВЖД был взят Янь Сишанем на должность штабного офицера и вскоре получил чин генерала. Янь Сишаню служит за деньги, о чём сказал совершенно открыто: “Чей хлеб жуем, того и песенки поём”. К нам он прибыл как заместитель представителя Янь Сишаня при Ставке в Чунцине. Кроме русского хорошо знал грузинский, немецкий, английский языки.

Лю Хуа-у был прекрасно осведомлён в оперативной обстановке. Позже мы узнали, что большая часть переводчиков — бывшие служащие КВЖД, связанные с Лю Хуа-у. Через них он узнавал положение на фронте и в стране и, естественно, обо всём доносил Янь Сишаню. Оклад у него был солидный — 400 юаней в месяц, тогда как в гоминьдановской армии генерал-майор получал всего 150 юаней.

Когда пришёл Александр Иванович, Лю Хуа-у сообщил ему о желании Янь Сишаня закупить в Советском Союзе вооружение и боеприпасы. Янь Сишань, дескать, просит главного военного советника оказать ему содействие в этом вопросе, так как Янь Сишань и Чан Кайши находятся... и Лю соединил указательные пальцы своих рук.

Александр Иванович разъяснил ему, что вопросы поставок вооружения в его компетенцию не входят, что это дело правительств и что по этому вопросу следует обратиться к военному министру Хэ Инциню.

Недовольный, Лю Хуа-у покинул штаб и больше у нас никогда не появлялся. Однако из этого посещения мы сделали вывод, что Чан Кайши держит Янь Сишаня на голодном пайке и вооружения не даёт...»^[41]

Основная задача советских военных советников заключалась в помощи Китаю отразить японскую агрессию. При этом советское руководство сомневалось в решительной победе войск Чан Кайши. Исходя из этого, расчёт делался на затяжную войну, которая в конечном счёте и должна была принести Китаю победу. Япония всё больше задействовала там своих дивизий, а также увеличивала людской состав, рассчитывая на скорый успех. Но они буквально завязли в Китае. Таким образом, советская сторона держала там мощный заслон против возможного наступления Японии на стороне Германии.

Собственно, пребывание Власова в числе других военных советников в Китае и было связано с выполнением этой главной задачи.

Военный советник К.М. Покровский лично встречался и общался с Андреем Андреевичем. Об этом он вспоминает следующее: «Мой переводчик Хуа был предупредителен, внимателен и готов, как он мне говорил, выполнить любое моё желание. За время совместного пути в

Куньмин мы привыкли друг к другу. Я, не агитируя, как говорится, за советскую власть, тем не менее много рассказывал по его просьбе о своей стране...

Вопросы питания советских военных советников и специалистов возлагались на переводчиков. С этого начался наш доверительный разговор с Хуа о роли переводчиков в процессе их работы и общения с советскими специалистами. Мне показалось это интересным. — Генералиссимус сам написал инструкцию для нас, — рассказал Хуа. — Инструкция строгая и требовательная. — Вы даже уверены, что писал её сам главком? — спросил я. — Да, конечно. Я даже сам принимал в этом участие. Она подчёркивает, это сказано в самом начале, что советские военные советники — люди дела, не любят пустословия и безделья, на их содержание государство тратит большие деньги, поэтому каждый переводчик должен это учитывать и создавать русским такие условия, при которых бы они затрачивали минимум своего полезного времени на быт. — Что под этим имеется в виду? — Квартира, питание, транспорт. Рикшами вы не пользуетесь, значит, надо заботиться об автотранспорте. Кроме того, — здесь он улыбнулся и, слегка понизив голос, добавил: — Вообще удовлетворение всех ваших желаний. Я не обратил тогда внимание на эту фразу, хотя мне показалось, что этим вопросом он занялся бы охотнее...

После долгого, в течение всего дня, перегона наша машина остановилась у подъезда лучшей, хорошо сохранившейся после бомбёжек гостиницы в одном из известных городов Китая — Гуйлине. Входя в зал фешенебельного ресторана, я заметил за столиками “золотую” китайскую молодёжь, много иностранцев. Почувствовал, как привлекло внимание присутствующих появление советского человека в китайской военной форме. Но оказалось, что здесь был ещё один советский военный, и тоже в китайской форме. Он подсел к нашему столику, и тут выяснилось, что полковник Власов в Гуйлине один и потому, как он выразился, прозябает здесь в окружении “одних китайцев”. Его иронию я отнёс к излишнему пользованию чайником с рисовой водкой, которую здесь подают в подогретом виде. Из дальнейшего разговора, его откровенных признаний и поведения я понял, что Власов потерял человеческое обличье, пал, поддавшись “заботе об удовлетворении всех желаний”. Было совершенно очевидным, что дальнейшее пребывание Власова на своём посту недопустимо. Вскоре он был отозван и отправлен в Союз...»^{42} Эта встреча произошла в ноябре 1939 года.

А предшествовало ей другое событие. В мае Александра Ивановича Черепанова (главного военного советника) срочно отзывают в Москву. С

июня 1939 года он находится в распоряжении 11-го отдела Генштаба Красной армии^{43}. Именно в мае Власов временно исполняет обязанности главного военного советника до августа 1939 года, т.е. до того дня, когда его переведут в приграничные районы Монголии «за нарушение норм поведения советского коммуниста за рубежом».

Так что же произошло? «Некоторые исследователи жизни Андрея Андреевича полагают, что он больше викторий одержал в постельных баталиях, чем на поле брани. И им возразить трудно. Впрочем, судите сами.

Во время командировки в Китай он сумел соблазнить жену Чан Кайши. В то же время Андрей Андреевич не пожалел денег, чтобы купить сроком на 3 месяца 16-летнюю китайку для своих любовных утех», — утверждает П. Пальчиков^{44}.

По этому поводу есть и ещё одно документальное подтверждение, а именно — в исследовании А.Ф. Катусева и В.Г. Оппокова, которые достаточно основательно ознакомились с уголовным делом Власова. «Вершиной карьеры Власова в тридцатые годы стала командировка в Китай, что являлось актом высокого доверия и открывало ему ещё более заманчивую перспективу. Так вот, именно на это время — на 1939 год, а не на 1937-й, как записано в протоколе допроса, о котором идёт речь, Власов имел повод пожаловаться. Именно тогда у него мота возникнуть обида. Хотя обижаться следовало только на самого себя, поскольку его выдворили из Китая... за моральное разложение»^{45}.

В сентябре 1939 года в Китай приезжает вновь назначенный главный военный советник Кузьма Максимович Качанов. Он решает вопрос с Власовым в некотором роде «мирным» путём. Почему?

Потому что он хорошо лично знал Власова по штабу ЛенВО. Они вместе служили в одно время. Качанов в Ленинграде занимал должности помощника начальника сектора 1-го отдела и заместителя начальника штаба ЛенВО^{46}.

Но в том что Власов действительно подскользнулся в Китае на своём недостойном поведении, сомневаться не стоит. Абсолютно всех советников по окончании особой командировки награждали орденами СССР. Представляли и Власова, но он единственный награждён орденом не был^{47}.

А по поводу ордена Золотого Дракона можно лишь отметить следующее. По обычаю всю группу сменяемых советников принимал от имени президента республики Хэ Инцин, который и вручал каждому командиру китайский орден «За заслуги в строительстве и боевых

действиях сухопутных, морских и воздушных сил страны». При вручении Хэ Инцин хвалил всех награждённых и особенно советское правительство. И благодарил за помощь. Лишь на другой день банкет в честь отъезжающих устраивал сам генералиссимус Чан Кайши. Причём вместо водки на столах в числе множества всевозможных блюд стояла сельтерская вода. Говорил он мало и при произношении речей икал^{48}.

К слову, китайских орденов на границе у наших советников никто не отбирал. А у Власова орден Золотого Дракона могли отобрать только потому, что его им не награждали, иначе его пришлось бы показывать. А уж прихвастнуть Андрей Андреевич любил.

С ноября 1939 года по январь 1940 года полковник Власов состоит в распоряжении Управления по начсоставу Красной армии и находится в отпуске после командировки.

Побывал Андрей Андреевич и на родине в селе Ломакино Гагинского района Горьковской области. В этом селе добрая половина носили фамилию Власовых и, безусловно, им гордились, его боготворили. Большой человек! Каждый его приезд был настоящим праздником. Всегда привозил с собой подарки: то махришко для ребятишек, то материалу — ситцу или сатину. Говорят, что в обиде никого не оставлял! Встречали Власова в Лукоянове с музыкой. Молодёжь пела песни, девушки подавали с поклоном хлеб-соль. Домой везли на лошадях с бубенчиками. Очевидцы запомнили его в военной форме, красивым, в очках-«велосипедах». Его характер на отдыхе всем виделся легким, компанейским. Любил посидеть с друзьями на берегу Пьяны, где ловил карасей. Если улов был хорошим, то устраивали на лугу «никните», варили уху, плясали до изнеможения и играли на гармошке. Сам Власов, говорят, любил музицировать, душевно петь русские народные песни и пить самогон^[49].

Земляк Власова Василий Тулупов помнит Андрея Андреевича с детства: «Мне тогда было лет пять. Гуляло всё село. Нам, мальчишкам, из окон дома бросали монеты и конфетки. А невеста Власова, Анна Воронина, жила как раз напротив нашего дома. Девушка она была видная, симпатичная. Вряд ли Анна вышла замуж по любви: Власов был долговязый, нескладный, в очках. Не будь он командиром, ни одна девка за него не пошла бы. А так родители сговорились». О родителях Власова земляк поведал следующее: «В селе их уважали. Отец и мать были верующими, пекли просвирки при церкви. Андрей был у них единственным сыном. Когда создали колхоз, они половину дома отдали под размещение конторы, в их дворе стояли двадцать колхозных лошадей.

Тесть Власова был не из бедняков: вместе с братом держали 52 улья. Делали братья медовуху на продажу. Две кружки махнул и — ползком домой»^[50].

Жил отец Андрей Владимирович, 1858 года рождения (инвалид 1-й группы), с мачехой, мать Андрея Андреевича умерла в 1933 году. Отец работал в колхозе «Память Ильича» с 1930 года портным, до революции занимался земледелием, считался крестьянином-середняком. Власов и

писал, что родился в семье крестьянина-кустаря^{51}.

Женился Андрей Андреевич в 1926 году на Анне Михайловне Ворониной, ставшей Власовой (1906 г.р.). На их свадьбе гуляли по-деревенски, с размахом. «Сначала девичник, запой. Невесте в подарок преподнесли несколько кусков мыла — по старой традиции. Детей у них не было, не судьба, видно. Анна сделала первый аборт и после этого уже никогда не беременела. Операцию, наверное, проводил какой-нибудь столичный шарлатан», — вспоминает Нина Михайловна Баранова, внучатая племянница генерала^{52}.

Данные о своих родственниках Власов кратко указал в автобиографии: «Отец жены также на родине, ее мать умерла в 1929 г. Кроме отца, у меня ближайших родственников никого в живых нет. Брат погиб в Гражданскую войну в борьбе против Колчака в Красной Армии. Сестра умерла в 1935 г. Два брата жены работают в гор. Горьком на Горьковском автозаводе им. Молотова. Одна сестра работает мастером на Кировском заводе в г. Ленинграде и одна сестра на родине замужем за сельским учителем»^{53}.

Сегодня собираются в родном селе Власова открыть его музей. Освещая эту новость, Флора Кошунцева рассказывает: «Дом №17 по улице Садовой за 70 лет постарел и обветшал. Тех предметов, которые обычно выставляют на экспозицию в музее, здесь давно уже нет. Все эти годы на дырявые стены и облупившуюся краску прохожие смотрели равнодушно.

Теперь в опустевшем доме Власовых поселилась одинокая старушка. В единственную комнату провели электричество, а стены завесили коврами. От капитального ремонта хозяйка отказалась категорически, в память об отце и его близком друге обстановку постаралась не нарушать.

— Власов с моим папой большие друзья были, — утверждает Александра Кузнецова, жительница села Ломакино Нижегородской области. — Из армии вместе приехали. Они приехали на побывку в 40-м. Два офицера Красной Армии в скрипучих хромовых сапогах только что вернулись с Халхин-Гола...

— Помню даже, как Власов плясал, — подтвердил исторический приезд на родную землю другой житель села Ломакино Роман Конов. — Всё это у меня в памяти осталось...

В мае 45-го Власова захватили в Чехословакии. Через год его признали виновным в государственной измене и повесили по приговору суда. Узнав об этом, в селе Ломакино сожгли его фотографии и уничтожили всё, что так или иначе было связано с семьёй.

— Тут была русская печь, — говорит Александра Кузнецова,

жительница села Ломакино, — Мы её в сени вытащили. Приехали энкавэдэшники и мачеху его увезли. Никто не знает куда. Чашки, ложки — всё это погрузили и увезли...

— Коммерсанты вроде бы хотят открыть здесь музей, так они сказали, — поведал Александр Кузнецов, бывший хозяин дома и внук друга Андрея Власова. — За дом мне предложили 40 тысяч рублей.

Сумма, кстати, по местным деревенским меркам немаленькая. Тем более что изба уже старенькая, чуть ли не разваливается по швам. Между прочим, точно такой же дом на краю села оценивают максимум в 5 тысяч, но кого интересует изба, в которой Власов никогда не был? Почему же решили открыть музей в доме Власова?

Представитель владельца музея в Ломакино Андрей Канаев считает так:

— Появился объект, появился интерес к нему, и если сейчас не позаботиться о нём, всё будет утрачено. Никто не хочет чёрное сделать белым, а белое чёрным. Выводы о генерале Власове можно сделать только в том случае, если будут открыты все документы, а они не открыты. Есть люди, которые мыслят не так, как большинство людей...

До того как музей начнёт работать, остались считанные дни. Сейчас заканчивается оформление дома на имя нового собственника. Этим занимаются дальние родственники генерала.

Местных жителей с фамилией Власов в Ломакино давно уже нет.

Но новые владельцы дома-музея Власова — руководители Пешсланского гипсового завода смотрят в будущее с оптимизмом...»^{54}

Но вернемся в то время, когда у Власова истек срок отпуска. Его назначают командиром дивизии. В архиве я нашёл документ, подтверждающий это назначение. Вот его текст:

«Секретно

Выписка из приказа

Народного Комиссара Обороны СССР по личному составу

№081

10 января 1940 г. г. Москва

...3. Состоящий в распоряжении Управления Начсоставу РККА полковник Власов Андрей Андреевич назначается командиром 99 Стрелковой Дивизии

Народный Комиссар Обороны ССР

Маршал Советского Союза — К. Ворошилов

Пом. начальника 3 отделения

ОНС КОВО

т/интендант 2 ранга (Бусленко) подпись»^{55}.

Этим же приказом, этой же датой освобождался с занимаемой должности комбриг Иван Евдокимович Турунов. Его переназначили командиром 169-й стрелковой дивизии^{56}.

Насколько мне стало известно, а об этом говорят в первую очередь архивные документы, Власов должен был снова вернуться командиром на 72-ю стрелковую дивизию. Но по каким-то не известным нам причинам его назначают на 99-ю. Как вы думаете, случайность ли это?

В обобщённой справке «Работа в прошлом и служба в РККА», составленной на Власова в кадрах 28 февраля 1940 г., по каким-то причинам его прохождение службы на должности командира 72-й стрелковой дивизии не указывается^{57}. До командировки в Китай отмечена как последняя должность «Начальник 2 отдела Штаба Киевского Особого Военного округа»^{58}.

При этом в одной учетно-послужной карте указано: «2.10.38 72 с.д. (КОВО) командир НКО 00673», а в другой: «72 стр. дивизия КОВО командир дивизии — 1940 январь»^{59}.

Как известно, в особой командировке Власов числился с ноября 1939 года, а значит, дивизией покомандовать он не успел. Следовательно, только по этой причине эта должность в «Справке» указана не была.

Да и помощником командира 72-й стрелковой дивизии он был совсем немного, чтобы как-то проявить себя или запомниться. В одной учетно-послужной карте указано: «22.04—38— 72 стр. див. пом. ком-ра НКО 0373», а в другой об этой должности вообще не упоминается^{60}.

Кстати сказать, в личном деле А.А. Власова должность помощника командира 72-й стрелковой дивизии не указана вообще, зато должность командира этой дивизии записана так: «сентябрь 1938 январь 1940 Командир дивизии 72-й Стрелковой Дивизии Киевского Особого Военного Округа». Это как раз и тот период, что он был в особой командировке в Китае.

К слову сказать, я потратил немало лет на сбор документов про А.А. Власова. Но тяжелее всего для меня оказалось получить доступ к его личному делу. Что мне это стоило, знает один Бог! Я, безусловно, говорю не о материальной стороне. Я говорю о своих нервах, которые порядком расшатал, убеждая, доказывая и т.д. Гораздо проще тем, кто пишет о нём как об «освободителе», как о «полководце». Доказывать обратное, к сожалению, очень и очень трудно. И тем не менее лично меня это увлекает: Увлекает сам процесс поиска и исследования.

Но мы отвлеклись. Первой оценкой командира 99-й стрелковой дивизии стала его аттестация, подписанная командиром 17-го стрелкового корпуса комдивом Колгановым и бригадным комиссаром Кальченко 10 мая 1940 года. Там написано: «Два месяца показали, что т. Власов с работой по управлению дивизией справляется. Предан делу партии Ленина—Сталина и Социалистической родине. Политически и морально устойчив. Бдителен и умеет хранить военную тайну. Политически подготовлен, с массами связан.

...Авторитетом пользуется. Волевой командир. Энергичен и инициативен. Организовать дело умеет, настойчиво проводит в жизнь свои решения.

Дисциплинирован. Здоров. Оперативно-тактически подготовлен удовлетворительно. Опыта в управлении дивизии ещё нет, и здесь требуется ещё значительная тренировка. 99 сд к 1.8.40 пришла сплочённой и боеспособной, с резко подтянувшимся общим порядком. Тактическая, политическая и строевая подготовка удовлетворительна. Огневая удовлетворительна. Оружие, боевая техника и все виды имущества хранятся и содержатся в порядке. Хранение секретной переписки налажено. Должности командира дивизии соответствует»^{61}.

Для информации: Колганова Константина Степановича Власов сменил в штабе Киевского округа на должности начальника 2-го отдела (боевой подготовки)^{62}. Он знал Андрея Андреевича.

Далее следует резолюция вышестоящего начальника. Она любопытна: «С аттестацией и выводами согласен. Достоин присвоения военного звания “генерал-майор”. Дивизией командует два месяца. Производит впечатление твёрдого, волевого командира. Уровень тактической подготовки в масштабе дивизии хороший».

Подписался под этими словами не кто иной, как сам комкор Голиков, командующий 6-й армией^{63}.

К слову, звание «комбриг» Власову было присвоено 20 февраля 1940 года (№ приказа НКО — 0765)^{64}. В положении о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА срок пребывания в звании «полковник» был установлен чётко — восемь лет. При этом оговаривалось: «Для получения военного звания комбриг (капитан 1-го ранга) устанавливается срок пребывания в предыдущем военном звании 6 лет, из коих в течение двух лет обязательно фактическое командование полком 42 (отдельной частью), если ранее этот командир не командовал полком (отдельной частью)».

Было там и такое примечание: «Народному Комиссару Обороны ССР предоставляется «право в исключительных случаях присваивать отдельным лицам последующие командные и специальные военные звания без соблюдения очерёдности, установленной настоящим Положением»^{65}.

4 июня 1940 года постановлением Совета Народных Комиссаров СССР Власову присваивают звание «генерал-майор»^{66}. А на инспекторском смотровом учении, проведённом Народным Комиссаром Обороны, Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко (25— 27 сентября 1940 г.) его 99-я дивизия получает хорошую оценку и награждается переходящими знамёнами Красной армии^{67}.

Отчего такие почести вдруг ниоткуда появившемуся генералу?

Может быть, он оказался в то самое время, в том самом месте и в той самой дивизии?

В преддверии инспекторского смотра в директиве войскам Киевского особого военного округа № Г-0222 от 17 июля 1940 года, которым командовал Г.К. Жуков, говорилось:

«...приказываю:

1. Под личную ответственность Военных советов армий, командиров и комиссаров соединений и частей к 15.8.40 г. ликвидировать отставание в вопросах боевой готовности частей, для чего:

а) К 25.7.40 г. проверить и спустить до части все необходимые запасы боеприпасов, горючего, продфуража и другого имущества и в частях разложить его по подразделениям.

б) К тому же времени разработать конкретные инструкции, определяющие боевую готовность бойца, командира, подразделения и части в целом.

в) К 1.8.40 г. путём проведения ряда тренировок подъема по тревоге отработать боевую готовность бойца и командира.

К 5.8.40 г. отработать в целом роту, батарею, эскадрон, штаб, политаппарат, военные прокуратуру, трибунал и особые отделы.

К 15.8.40 г. отработать боевую готовность частей и соединений.

г) На все полевые учения с батальона войска поднимать только по тревоге.

...3. Тактическую подготовку подразделений и частей закончить: взвода — к 1 августа; роты, эскадрона — к 15 августа; батальона — к 1 сентября.

Сентябрь месяц отвести на дополнительную тренировку батальона, полковые и дивизионные учения и инспекторские смотры...

Подготовке начсостава уделить исключительное внимание, считая это одной из центральных задач.

Целью командирской учёбы поставить полную подготовку командира по занимаемой должности и дальнейшее расширение его оперативно-тактического кругозора.

Организационными мероприятиями и распорядком дня обязать в обязательном порядке комначсостав заниматься и работать над собой вечерами.

Решительно улучшить методику занятий с начсоставом. Не допускать поверхностной проработки тем, а каждую тему прорабатывать углубленно, изучив весь комплекс вопросов, связанных с данной темой...

4. Подготовку и слаженность ячеек управления и штабов закончить: отделений управления рот и эскадронов к 1 августа; штабов батальонов и кавалерийских полков к 15 августа; штабов полков и дивизий к 1 сентября...»^{68}

Кроме того, «ПК. Жуков отдаст ряд других приказов и директив, направленных в первую очередь на улучшение командирской учёбы (№ 0158 от 29 июля), огневой подготовки войск (№ Г-3/0508 от 5 августа)...

Всё лето командующий с работниками штаба округа провёл в войсках. Главное внимание уделялось полевой выучке командного состава, штабов и войск всех родов оружия, умению поддерживать взаимодействие друг с другом во всех видах стремительного современного боя»^{69}.

Все эти и другие мероприятия предусматривались приказом наркома обороны от 16 мая 1940 года, в котором четко говорилось о том, что «опыт войны на Карело-Финском театре выявил крупнейшие недочеты в боевом обучении и воспитании армии».

В заключение приказа нарком ориентировал всю Красную армию на итоговые инспекторские смотры боевой подготовки, которые планировалось провести в сентябре 1940 г. объединёнными комиссиями по его назначению.

Далее там говорилось: «4. Инспекторскому смотру подвергаются:

- а) в соединении — все части соединения, штабы, службы и тыла;
- б) в части — учебное подразделение, не менее $\frac{1}{3}$ основных подразделений, все специальные подразделения, штаб и органы тыла;
- в) в подразделении — весь личный состав (100%).

5) В программу инспекторских смотров входит проверка политической, тактической, огневой, технической и строевой подготовки в объёме программы за период обучения подразделения, части, соединения.

6) Качество боевой подготовки и боеготовность подразделений и частей должны лечь в основу аттестования и прохождения службы командным и политическим составом...»^{70}

Как пишет В. Краснов, «в сентябре к Жукову приехал нарком обороны С.К. Тимошенко для проверки войск округа. Георгию Константиновичу не пришлось краснеть. Смотр ряда стрелковых и танковых соединений показал только хорошие и отличные результаты. Штабы проявили высокую организованность и творческое отношение к делу, обеспечивавшие командованию условия для непрерывного управления войсками в сложной и быстро меняющейся обстановке...

За отличную выучку некоторые соединения были награждены переходящими Красными знамёнами»^{71}.

Сам Георгий Константинович в своих мемуарах обмолвится об этом скромно: «в сентябре 1940 года в округ прибыл нарком обороны С.К. Тимошенко для проверки войск округа. (С.К. Тимошенко был назначен наркомом обороны 8 мая 1940 года.)

С 22 по 24 сентября состоялся смотр тактической подготовки 41-й стрелковой дивизии в районе Рава-Русская. В двухстороннем полевом учении принимала участие авиация округа. Хорошо показала себя артиллерия 41-й стрелковой дивизии.

С 25 по 27 сентября смотровые учения состоялись в 99-й дивизии. Дивизия продемонстрировала отличные результаты и была награждена Красным знаменем. Артиллерия дивизии была награждена переходящим Красным знаменем артиллерии Красной армии.

С 27 сентября по 4 октября прошли смотровые полевые учения штабов 37-го стрелкового корпуса, 6-го стрелкового корпуса, 36-й танковой бригады и 97-й стрелковой дивизии...

За отличную выучку штаб 37-го стрелкового корпуса был награждён переходящим Красным знаменем Генерального штаба Красной армии, а комкор С.М. Кондусев, иачштаба Меандров — золотыми часами. Многие командиры получили ценные подарки»^{72}.

Кроме 99-й стрелковой дивизии, на смотровых учениях осенью 1940 года отличились и другие соединения Красной армии. Например, 137-я стрелковая дивизия Московского военного округа.

Её также наградили Красным знаменем^{73}. Но почему именно дивизия Власова в одночасье стала такой известной на всю страну? Объяснение здесь простое. Во-первых, новый нарком обороны лично проверял только Киевский округ, а его заместители — другие округа. Во-

вторых, вместе с Тимошенко с целью пиара и пропаганды выехала группа корреспондентов. Они не выезжали с его заместителями. Словом, Власову просто повезло.

И все же что он такое сделал, что его лично заметил маршал Тимошенко?

В служебной характеристике на командира 99-й стрелковой дивизии 8-го стрелкового корпуса генерал-майора Власова, подшитой в личном деле, написало: «На инспекторском смотровом учении, проведённом Народным Комиссаром Обороны... дивизия (пехота и артиллерия) получила хорошую оценку и награждена переходящими знамёнами Красной Армии»^[74]. То есть если маршал Жуков пишет про отличные результаты, то в документах говорится только про хорошую оценку. Однако награждают дивизию как отличную. Что уж говорить про самого Власова. Его вообще возносят до небес. А, собственно, за что?

Первый приказ частям своей дивизии он подписал 13 марта 1940 года за № 0111.^[75]

А значит, 99-й он командовал всего полгода. Как мы уже говорили, до этого он соединением не командовал вообще. Но ведь у командира есть первый заместитель — начальник штаба. Он вполне мог и подготовить соединение к проверке, если позволяли опыт и соответствующие знания. За спиной же Власова оказался Сергей Фёдорович Горохов, ровесник Власова. Он родился 6 октября 1901 года в Тульской области.

В Красной армии также с 1920-го. В этом же году окончил пулемётную школу младшего комсостава 1-й запасной бригады СКВО, в 1921 г. — 48-е Ставропольские пехотно-пулемётные командные курсы СКВО, в 1927 г. — повторные КУКС МВО, в 1936 г. — 1-й курс Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе и в 1939 г. — Военно-хозяйственную академию РККА.

В Гражданскую войну был красноармейцем и курсантом. В межвоенный период командовал взводом, был помощником начальника пулемётной команды, затем начальником пулемётной команды, командиром пулемётной роты, помощником командира пулемётного батальона, врид начальника полковой школы.

С августа 1930 г. — инструктор 1-го разряда, затем старший руководитель части опытных стрельб научно-испытательного оружейно-пулемётного полигона МВО, с июля 1933 г. — и.д. помощника начальника и врид начальника части опытных стрельб этого полигона.

По окончании академии им. В.М. Молотова в мае 1939 г. С.Ф. Горохов был назначен начальником военно-хозяйственного снабжения 99-й

стрелковой дивизии КОВО, а в марте 1940 г. — начальником штаба этой дивизии^{76}.

Специально ли назначили Горохова на эту должность, заместителем Власова, или случайно, теперь уже никто не узнает. Но факт остаётся фактом, именно Горохов мог сделать то, за что дивизия получила переходящие Красные знамена!

Вскоре Власов уйдёт на повышение, а Горохов останется на прежней должности.

Именно он вместе с новым командиром дивизии полковником Н.И. Дементьевым (был начальником штаба этой дивизии^{77} до Горохова, с 17 января 1941 года — командир 99-й) будут командовать соединением в первые дни Великой Отечественной войны.

Об этом сохранилось воспоминание Н.А. Антипенко: «...99-я стрелковая дивизия, находившаяся перед началом войны в районе Перемышля, была приведена в боевую готовность лишь после того, как начался артиллерийский и авиационный обстрел нашей территории. Но первый удар фашистских войск приняли на себя пограничники 92-го отряда, и это дало возможность командиру 99-й стрелковой дивизии привести её в боевую готовность. Ю. Стрижков сообщает, что до 12 часов дня 22 июня 1941 года линия государственной границы стойко удерживалась главным образом силами пограничного отряда. Это позволило частям 99-й стрелковой дивизии выдвинуться в назначенные им полосы обороны. Завязались кровопролитные бои. Правда, Перемышль был всё же взят немцами к исходу 22 июня; но в результате решительных и умелых действий частей 99-й стрелковой дивизии под командованием полковника Н.Д. Дементьева и сводного пограничного батальона... а также Укрепрайона к 17 часам 23 июня город был нами освобождён. Противник оставил на улицах свыше 300 трупов, 12 пулемётов, несколько орудий и 2 танка... лишь 28 июня 99-я дивизия и пограничники 92-го отряда оставили город по приказу вышестоящего командования»^{78}.

Кстати сказать, именно Перемышль стал первым городом, освобожденным частями Красной армии в ходе войны.

Получается, что два начальника штаба руководили частями 99-й дивизии. Руководили достаточно умело. А Власов здесь ни при чём. До них ему было слишком далеко. Ведь не секрет, что, выдвигая наверх, некоторые начальники имеют свойство ошибаться. Ошиблись и с ним.

В начале августа 41-го 99-я дивизия оказалась в окружении в районе Умани. Две тысячи бойцов и командиров дивизии вырвались из окружения

и вынесли знамя дивизии, а также знамёна частей. Известно, что организовано из окружения вышли начальник штаба дивизии полковник С.Ф. Горохов и начальник артиллерии полковник И.Д. Романов.

Полковник С.Ф. Горохов с группой бойцов в конце октября вышел к своим войскам в районе г. Харьков без оружия и документов. С октября находился в резерве Военного совета Юго-Западного фронта, затем Юж.-УрВО. С января 1942 г. — командир 124-й отдельной стрелковой бригады 62-й армии Сталинградского фронта. В боевой характеристике на него командующий 62-й армией генерал-лейтенант В.И. Чуйков напишет: «Тов. Горохов... за время командования 124-й отдельной стрелковой бригадой показал способности волевого, решительного командира, способного в любых условиях решать сложные боевые задачи... Бригада, продолжительное время находясь в исключительно тяжёлых условиях боя, выполняла твёрдо приказ наркома № 227, несмотря на численное превосходство противника...»

С декабря 1942 г. генерал-майор Горохов — заместитель командующего 51-й армией^{79}.

И тем не менее Власов вполне мог понравиться Тимошенко. Что называется, отход — подход, и оценка «отлично»! Но чем и как, мы ещё обсудим позже.

А пока о новом назначении Андрея Андреевича. 17 января 1941 года приказом НКО № 0175 его назначают на должность командира 14-го механизированного корпуса^{80}, а более чем через пять месяцев начнётся война.

Известно, что итоговое учение 6-й армии, куда входил 4-й механизированный корпус, состоялось 26—28 сентября 1940 года. Тема учения по тем временам была актуальной: «Наступление армии и ввод механизированного корпуса в прорыв».

16 октября 1940 года состоялось ещё одно учение: «Марш и встречный бой мехкорпуса». В нём участвовали штабы 8-й танковой и 81-й моторизованной дивизии. Цель учения: «Проверка возможности подготовки и проведения марша в сжатые сроки, а также отработка вопросов доведения до подчинённых решения комкора на резкий поворот в ходе марша на новые маршруты в готовности к встречному бою».

Первое же командно-штабное учение по вводу мехкорпуса в прорыв было проведено в августе 1940 г. под руководством самого командующего КОВО генералом армии Г.К. Жуковым. Тогда были выявлены серьёзные недостатки в управлении войсками. В том же августе было проведено и первое войсковое учение корпуса с использованием авиации по теме: «Ввод мехкорпуса в прорыв». Однако в октябре, как говорится, «цели занятий были достигнуты»... «Результаты учения высоко оценил генерал армии Г.К. Жуков. Руководящий состав корпуса получил ценные подарки от командования округа. Отработанные в ходе учения документы были доведены в письменной форме до командного состава всех механизированных корпусов РККА. Успехи корпуса в боевой подготовке отразились на дальнейшем служебном росте некоторых командиров. Командир 81-й моторизованной дивизии полковник Варыпаев участвовал в декабрьском совещании высшего командного состава в Москве. Командир корпуса 17 января 1941 г. был назначен командующим 5-й армией»^[81].

Таким образом, Власов был выдвинут на корпус только после этих учений, а также после декабрьского совещания. Выдвинут кем? Маршалом Тимошенко. Маршал Будённый в своих дневниковых записях укажет: «Группой командовал некий Власов, которого Тимошенко в своё время выпятил как лучшего командира стр. дивизии на маневрах и расписал его во всех газетах страны. Этот единственный кадр Тимошенко впоследствии оказался предателем нашей Родины»^[82]. Отметим лишь, что генерал-майор танковых войск М.И. Потапов был назначен на 5-ю армию. Власов же командовал корпусом не более пяти месяцев. В подобных учениях участия не принимал. Однако на протяжении всего этого времени занимался

приёмом и пополнением боевой техники. Причём пиком поступления в корпус новой материальной части считаются апрель—май 1941 года^{83}.

Подчеркнём и его военное образование: 24-е Нижегородские пехотные курсы командного состава с июня по октябрь 1920 года (всего 4 месяца), на которых, кстати сказать, даже имея за спиной один курс государственного университета, он в числе семи курсантов 1-го специального отделения показал слабые успехи. И только после пересдачи был выпущен взводным командиром в связи с необходимостью досрочного выпуска по телеграмме.

А ведь всего семь предметов (русский язык, арифметика, география, гигиена, военная администрация, политграмота, уставы) не могли представлять особых сложностей для такого курсанта, как Власов^{84}.

Кроме того, Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «ВЫСТРЕЛ» в 1929 году^{85}. Эти курсы были не только обязательным требованием к кандидатам на должность командира батальона, но и условием их дальнейшего служебного роста.

На курсах «Выстрел» в Москве Власов учился один год. Подготовка на них слагалась из следующих этапов:

«Изучение новостей военной техники. Изучение приёмов применения в бою этой новой техники во взаимодействии с пехотой. Изучение новых методов использования в бою огневых средств пехоты и практика в управлении современными тактическими соединениями. Усовершенствование в организации и проведении политработы в мирное и военное время»^{86}.

Как пишет В.Л. Замулин, «в 20—30-е годы подавляющее большинство будущих советских военачальников прошли подготовку. Однако все эти “ускоренные”, “повторные”, “краткосрочные” курсы не давали фундаментальной военной подготовки. Максимум, что удавалось, так это сдать экзамены за семилетку да несколько повысить свою специальную квалификацию. На более высоком уровне шло обучение в Военной академии им. Фрунзе...»^{87}.

Более того, у выдвиженца маршала Тимошенко — Власова перерыв в обучении (он больше не учился ни на каких курсах) составил 12 лет. Каким он был командиром нового и современного механизированного корпуса, можно только представить. И это при том, что его механизированный корпус «являлся одним из самых оснащённых и подготовленных в Красной Армии. Он постоянно пополнялся боевой техникой, в том числе новейшей»^{88}.

Например, известно, что на 22 июня 1941 года 4-й механизированный корпус в наличии имел только танков — 979. В 8-м МК Киевского Особого военного округа их было 898, в 15-м — 749, в 22-м — 712, в 16-м — 482, в 19-м — 453, в 9-м — 298, в 24-м — 222.^{89}

При этом как воевал Власов, если так можно поставить вопрос?

«На третий день войны Рокоссовский крупно потеснил южнее Клевани 3-й моторизованный корпус немцев, а наш 19-й механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск Н.В. Фекленко отбросил немцев на 25 километров на юго-запад от Ровно (ЦАМО, ф. 8, оп. 9306887, д. 99, л. 21). 4-й мехкорпус Власова вообще-то никак не приглашал участия в контрударах ни 23, ни 24, ни 25 июня. Его основные силы направили в район Мостаска для контрудара по противнику, прорвавшемуся в стыке между 6-й и 26-й (командующий — генерал-лейтенант Костенко) армиями. Но из этого маневра так ничего путного и не вышло»^{90}.

Тогда как же можно оценить Власова в должности комкора?

Ну, например, к исходу дня 22 июня соединения его корпуса продолжали сосредоточение... 23 июня корпус использовался по частям, при этом только два танковых и один мотострелковый батальоны вели совместно с передовыми частями 15-го мехкорпуса бой с 7 до 20 часов.

Утром 24 июня 1941 года 8-я танковая дивизия была выведена из состава корпуса и до начала июля действовала в составе 15-го механизированного корпуса. 32-й танковой дивизии лишь к вечеру 24 июня удалось вырваться из города Львова, выработав значительную часть своих моторесурсов за марш в 350 км.

30 июня отходившие части 4-го механизированного корпуса были сменены восстановленной 159-й стрелковой дивизией, усиленной мотострелковым полком. Происходило это на восточной окраине Львова^{91}.

А как же тогда слова Андрея Андреевича, что его корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление?^{92} Чистой воды пропаганда, потому что оценить его как командира 4-го механизированного корпуса невозможно. Но и тут можно возразить: а как же действия 4-го механизированного корпуса по прикрытию отхода войск 6-й армии, которые попали в послевоенные учебники тактики в качестве образца грамотной организации оборонительных боев танковыми частями? Но так ведь это личная заслуга командира 8-й танковой дивизии. Командовал этим соединением полковник

Фотченков Петр Семёнович. И под Львовом, и под Бердичевым он водил её в бой. Как писал Е. Долматовский, «он погиб при первой попытке вывести из окружения штаб группы Понеделина. Об этом рассказывал мне, в частности, генерал Я.И. Тонконогов, писали очевидцы.

Легенда утверждает, что последний танк, за фрикционами которого находился комдив-8, кавалер орденов Ленина и Красной Звезды, комиссар интербригады в Испании, рухнул в воды Синюхи и ушёл на дно...»^{93}. В июне 41-го без вести пропал и командир 81-й моторизованной дивизии полковник Варыпаев П.М. Из всех комдивов выжил только полковник Ефим Григорьевич Пушкин. Он-то и возглавил попом 8-ю танковую дивизию.

Он был старше Власова всего на 2 года. С сентября 1932 г. после окончания Ленинградских автобронетанковых КУКС РККА был начальником штаба 14-го механизированного полка. С октября 1938 г. состоял для особых поручений при Военном совете КОВО. В феврале 1941 г. был назначен командиром 32-й танковой дивизии. В ноябре 1941 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Погиб в бою в 1944 г. в звании генерал-лейтенанта и в должности командира танкового корпуса^{94}.

А Власов выскользнул, чтобы оказаться командующим 37-й армии...

«В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины», — напишет в плену Власов^{95}. Но и эта его личная заслуга вызывает сомнение. Слишком много людей было задействовано тогда в руководстве обороной Киева, чтобы можно было конкретно говорить о незаменимости Власова.

Как вспоминал маршал Будённый, это он назначил тогда комендантом по обороне г. Киева Власова. «Вначале он действовал хорошо (правда, ему некуда было деваться, так как за Киевом очень следили), бои были упорные...»^{96}.

Итак, Власов — командующий 37-й армией с июля по сентябрь 1941 года. 8 августа 1941 года он подписывает приказ № 01 о переходе в контрнаступление в южном секторе КиУРа. При этом для усиления войск укрепрайона передавались 284-я и 295-я стрелковые дивизии, 3-й воздушно-десантный корпус, 2-й отряд моряков Пинской флотилии, отряды народного ополчения киевлян. Силы защитников города составили свыше 120 тысяч человек^{97}. Что означает: армия Власова была значительно усилена. Например, только 11 августа распоряжением Ставки ВИС в Киев были направлены 284-я и 295-я стрелковые дивизии. В этот день прибыла и была введена в бой 284-я СД. Она же и была награждена Красным

знаменем^{98}.

Но ведь были и огромные потери! Когда начальнику штаба 37-й армии начальник оперативного отдела Юго-Западного фронта полковник И.Х. Баграмян указал на озабоченность командующего войсками фронта именно этим показателем, то тот без обиняков ответил: «...бригады понесли значительные потери, в том числе — что особенно горько — в командном составе, но зато, как показывают пленные, фантасты стали панически бояться наших бойцов, одетых в авиационную форму»^{99}. Имеются в виду десантники. Как это происходило, достаточно ознакомиться с письмом немецкого офицера: «...С расстояния в 600 метров мы открыли огонь, и целые отделения в первой волне атакующих повалились на землю... Уцелевшие одиночки тупо шли вперёд. Это было жутко, невероятно, бесчеловечно. Ни один из наших солдат не стал бы двигаться вперед. Вторая волна тоже понесла потери, но сомкнула ряды над трупами своих товарищей, павших в первой волне. Затем, как по сигналу, цепи людей начали бежать. С их приближением доносилось нестройное раскатистое: “Ура-а-а!”... Первые три волны были уничтожены нашим огнём... натиск четвёртой волны был более медленный: люди прокладывали путь по ковру трупов... Пулемёты раскалились от непрерывного огня, и часто приходилось прекращать стрельбу для замены стволов...»^{100}

Таким образом, утром 10 августа части 37-й армии перешли в контрнаступление в районе Голосеево и на других участках фронта, а спустя два дня от немцев были освобождены Жуляны. На четвёртый день наступления войска 37-й армии достигай тех рубежей, с которых немцы начали своё августовское наступление^{101}.

А что немцы? Они поступили гораздо разумнее. Оставив под Киевом несколько пехотных дивизий, целью которых было периодически демонстрировать штурм города, основные силы бросили в обход. Может быть, поэтому Власов считается защитником Киева? Тогда что удивительного в том, что 15 сентября 1941 года 1-я и 2-я немецкие группы соединились в районе Лохвицы, что на Полтавщине, и завершили окружение основных сил 5, 21, 26, 37 и 40-й армий этого фронта. И вот в гигантском «котле» оказались почти 460 тысяч советских бойцов и командиров^{102}.

Лично для меня нет никаких сомнений в том, что на месте Власова справился бы гораздо лучше любой другой генерал или даже полковник. Но произошло то, что произошло. Вот только о каких заслугах и великих победах может идти речь? Ведь и здесь Андрей Андреевич не смог в

полной мере проявить себя.

Некоторые исследователи говорят, что Власов сформировал армию из необученных резервов, объединил под своим командованием части, фактически не имевшие управления, за короткое время сумел наладить их взаимодействие и т.д. Но неужели все один Власов? И в атаку, может быть, тоже Власов поднимал? А как же его штаб? А как же его первый заместитель — начальник штаба?

На всякий случай, штаб — это основной орган управления войсками и в боевой обстановке, и в мирное время. Он руководит их обучением, воспитанием и повседневной деятельностью. Его основные задачи таковы: поддержание постоянной боевой и мобилизационной готовности войск; сбор, изучение и обработка данных обстановки; производство оперативно-тактических расчетов и подготовка предложений, необходимых для принятия командиром или командующим решений; планирование военных действий и своевременное доведение задач до войск; организация всесторонней подготовки и обеспечения военных действий; организация и поддержание взаимодействия; обеспечение надёжной связи; организация пунктов управления и т.д.

А если командир или командующий слаб, то кто, как не начальник штаба, может прикрыть его и помочь ему? Таким у Власова с августа 1941 года был генерал-майор Константин Леонидович Добросердов. Он родился 24 октября 1891 года в Москве. В Русской армии с 1914 года. В Красной армии с 1919 года.

В 1915 г. окончил Московскую школу прапорщиков, в 1925 г. — Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел», в 1930 г. — КУВНАС при Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, в 1941 г. — КУКС при Академии Генштаба им. К.Е. Ворошилова. Думаю, даже по сравнению с Власовым образования, что называется, «выше крыши»!

В Первую мировую Добросердов командовал ротой в чине поручика. В Гражданскую был командиром роты, командиром батальона, командиром полка. В межвоенный период командовал отдельным караульным батальоном, был начальником дивизионной учебной школы, помощником командира 25-го полка, командиром ряда стрелковых полков. С февраля 1931 года назначен помощником командира стрелковой дивизии, с февраля 1937 г. — командир стрелковой дивизии, с февраля 1938 г. — командир 7-го стрелкового корпуса. С началом войны корпус под командованием Константина Леонидовича в составе Юго-Западного фронта (с 10 июля — в 6-й армии этого же фронта) вёл боевые действия в районе городов Славута

и Изяслав, а затем отходил к г. Киев. С конца июля 1941 г. К.Л. Добросердов находился в распоряжении командующего войсками Юго-Западного фронта^{103}. Кстати сказать, Добросердов был единственным начальником штаба, с кем у Власова не получилось дружбы. Видимо, сказались разница в возрасте (10 лет) и тот уровень образования и опыта, который лишь увеличивал разрыв между ними. В сущности, они могли быть реальными соперниками. Причём Добросердов вполне мог и не скрывать чувства своего превосходства.

До этого у Власова ещё с мехкорпуса начальником штаба был А.А. Мартьянов, и они сильно дружили. Но Добросердова вскоре назначили вместо Мартьянова, посчитав более сильным в роли начальника штаба 37-й армии.

Из окружения Власов выйдет 1 ноября в районе Курска вместе со своей походно-полевой женой. В своих воспоминаниях Хрущёв напишет, что он был «в крестьянской одежде и с привязанной на верёвке козой»^{104}. А генерал К.Л. Добросердов будет пленён 5 октября. После всех пережитых им ужасов плена сумеет выжить, пройти спецпроверку и восстановиться в кадрах Советской армии^{105}.

В двадцатых числах ноября 1941 года Власова разыскивает Главное управление кадров в связи с предполагаемым назначением командующим вновь формируемой 20-й армии.

На запрос Главного управления кадров из штаба Юго-Западного фронта по телеграфу ответили: «Генерал-майор Власов сможет быть направлен не ранее 25—26 ноября в связи продолжающимся воспалительным процессом среднего уха.

Начальник штаба ЮЗФ Бодин

Зам. нач военсанупра ЮЗФ Бяляк-Васюкевич»^{106}.

Начальником штаба 20-й армии был назначен полковник Л.М. Сандалов. 28 ноября 1941 года он прямо с аэродрома прибыл в Генеральный штаб для беседы по поводу назначения.

Находясь в кабинете маршала Б.М. Шапошникова, Леонид Михайлович поинтересовался:

— А кто назначен командующим армией?

— Недавно вышедший из окружения командующий 37-й армией Юго-Западного фронта, — ответил Борис Михайлович и назвал фамилию не известного прежде Сандалову генерала. — Но учтите, что он сейчас болен. В ближайшее время вам придётся обходиться без него. Однако все важные вопросы согласовывайте с ним. В штаб фронта ехать вам уже нет времени, да к тому же вас знают там по первым месяцам войны. Напутствие вам такое — быстрее сформировать армейское управление, развернуть армию, создать оборону и готовиться к наступлению^{107}.

Поздно вечером 29 ноября Ставка приняла решение о начале контрнаступления под Москвой, а уже утром 30-го Военный совет Западного фронта представил свои соображения, и план был утверждён.

20-я армия получила приказ нанести главный удар в направлении Солнечногорска и во взаимодействии с 1-й ударной и 16-й армиями овладеть городом.

В самый сложный период подготовки армии к боевым действиям генерал Власов так и не прибыл. Не появился он и в начале декабря...

8 декабря была взята Красная Поляна, 12 декабря — Солнечногорск и 20 декабря — Волоколамск.

Леонид Михайлович Сандалов в письме начальнику Генерального штаба маршалу М.В. Захарову в декабре 1964 года писал: «Во время

Московской битвы я — во второй половине ноября 1941 г. — стал начальником штаба новой, только что сформированной 20-й армии. Это сильная полнокровная армия вместе с такой же — 1-й ударной армией возглавили наступление Западного фронта (Клин-Солнечногорская операция) под Москвой.

20-я армия освободила Красную Поляну, овладела городом Солнечногорском. А затем по распоряжению командования Западного фронта повернула на Волоколамск. Часть сил оставила для наступления по шоссе от Солнечногорска на Клин, в полосе 1-й ударной армии. 20-я армия от Солнечногорска с боями наступала на Чудоль, Чисмену, Волоколамск. Надо сказать, что назначенный командующим 20-й армии Власов... до освобождения Волоколамска армией, по существу, не командовал. Он объявил себя больным (плохо видит, плохо слышит, разламывается голова). До начала операции жил в гостинице ЦДКА, а затем его переводили с одного армейского КП на другой под охраной врача, медсестры и адъютанта. Подходить к нему не разрешали. Все документы для подписи я посылал Власову через его адъютанта, и он приносил их подписанными без единого исправления.

Впервые я, да и другие офицеры штаба, увидели Власова в Чисмене (под Волоколамском). А первый доклад я делал ему лишь в Волоколамске: Поэтому от начала операции до выхода армии в Волоколамск мне совместно с заместителем командующего армией полковником Лизюковым А.И. ...и членом ВС армии дивизионным комиссаром Куликовым П.Н. приходилось руководить действиями войск армии непосредственно самим»^{108}.

Первая встреча Сандалова с Власовым была весьма любопытной. «В полдень 19 декабря в с. Чисмены начал развёртываться армейский командный пункт. Когда я и член Военного совета Куликов уточняли на узле связи последнее положение войск, туда вошёл адъютант командующего армией и доложил нам о его приезде. В окно было видно, как из остановившейся у дома машины вышел высокого роста генерал в темных очках. На нём была меховая бекеша с поднятым воротником, обут он был в бурки.

Это был генерал Власов. Он зашёл на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча. Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно медленным наступлением армии и в помощь нам бросило на Волоколамск группу Катуква из 16-й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками

командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах. Молча, насупившись, слушал всё это Власов. Несколько раз переспрашивал пас, ссылаясь, что из-за болезни ушей он плохо слышит. Потом с угрюмым видом буркнул, что чувствует себя лучше и через день-два возьмёт управление армией в свои руки полностью. После этого разговора он тут же на ожидавшей его машине отправился в штаб армии, который переместился в Нудоль-Шарино»^{109}.

Что характерно, именно за Волоколамскую операцию Л.М. Сандалову было присвоено звание генерал-майора. Всю Клин-Солнечногорскую операцию, все телефонные переговоры с Жуковым, Шапошниковым и В.В. Курасовым (направлением Генерального штаба) вёл только Сандалов.

И ещё. Леонид Михайлович Сандалов в отличие от Власова был образованным и опытным генералом, блестящим штабистом. Такие, как он, в 1941 году, к сожалению, были большой редкостью в Красной армии. В 1920 году он окончил Ивано-Вознесенские пехотные курсы. Командовал взводом, был адъютантом батальона на Туркестанском и Южном фронтах. С 1921 года — командир роты. В 1926-м окончил двухгодичную Киевскую объединённую школу командиров им. С.С. Каменева.

Три года службы — и вновь учеба, но только теперь в Военной академии им. М.В. Фрунзе. По окончании её в 1934 году Сандалов служил в штабе Киевского округа, а в 1936 году по рекомендации И.Э. Якира поступил в академию Генерального штаба. С сентября 1937 года — начальник оперативного отдела штаба Белорусского военного округа, с 1940 года — начальник штаба 4-й армии ЗОВО. С 30 июня по 23 июля — врид командующего 4-й армией Западного фронта. В августе—ноябре 1941 года — начальник штаба Центрального и Брянского фронтов^{110}.

Знания, приобретённые во время учёбы, опыт службы, глубокий аналитический ум позволили Л.М. Сандалову выработать широкий оперативный кругозор, редкое умение точно обобщать военные события и подчас принимать смелые решения.

Вступая в полемику с писателем В. Богомоловым, писатель Г. Владимов (автор книги «Генерал и его армия») сообщал: «В Германии Власов рассказывал, как в ноябре 1941-го Сталин вызвал его к себе, дал ему из своего резерва 15 танков и направил заместителем к командующему, который заново формировал 20-ю армию (расформированную после выхода из окружения под Вязьмой).

Власов застал командующего тяжело больным — действительно с конца ноября, числа с 25-го, — и принял от него командование. Имени

своего предшественника он не назвал — либо из деликатности, либо из-за малой известности генерала Н.И. Кирюхина»^{111}.

Но всё было совершенно не так. Генерал-майор Николай Иванович Кирюхин действительно командовал 20-й армией. С октября 1942 года армия вела наступление на сычёвском направлении, но не имела успеха, за что Н.И. Кирюхин был отстранён от должности и в декабре 1942 года назначен заместителем командующего 29-й армией^{112}.

Писатель В.О. Богомолов провёл немало времени в Центральном архиве Министерства обороны. О его кропотливой работе мне лично рассказывали старожилы. Он очень скрупулезно разбирался с вопросом назначения Власова командующим 20-й армией.

«Назначенный командующим 20-й армией 30 ноября 1941 года Власов с конца этого месяца и до 21 декабря болел тяжелейшим гнойным воспалением среднего уха, от которого чуть не умер, и позднее страдал упадком слуха, а в первой половине декабря — вестибулярным нарушением. Болезнь Власова и его отсутствие в течение трёх недель на командном пункте, в штабе и в войсках зафиксированы в переговорах начальника Генерального штаба маршала Б.М. Шапошникова и начальника штаба фронта генерала В.Д. Соколовского с начальником штаба 20-й армии Л.М. Сандаловым; отсутствие Власова зафиксировано в десятках боевых приказов и других документов, вплоть до 21 декабря подписываемых за командующего Л.М. Сандаловым и начальником оперативного отдела штаба армии комбригом Б.С. Антроповым»^{113}.

Однако всё, что сегодня касается фактов, подтверждающих неисполнение своих прямых обязанностей Власовым, как командующим войсками 20-й армии, до 19 (20—21) декабря 1941 года из-за болезни, в особенности для почитателей его «полководческого таланта» выглядит малоубедительным. Например, Алексей Исаев считает так: «Каждый командующий армией оставил после себя след в виде сонма приказов со своей подписью, по которым можно отследить периоды активного командования и дату вступления в должность. В фонде 20-й армии в ЦАМО РФ среди приказов автору удалось найти всего один, подписанный А.И. Лизюковым. Он датирован ноябрём 1941 г., и Лизюков в нём обозначен как командующий оперативной группой. После этого идут декабрьские приказы, в которых в качестве командующего армией называется генерал-майор А.А. Власов». Далее он пишет: «Самое удивительное, что один из первых боевых приказов 20-й армии подписан не Сандаловым. В качестве начальника штаба фигурирует некий полковник

Лошкан. Фамилия “Сандалов” появляется на приказах, начиная с 3 декабря 1941 г. Правда, с появлением Сандалова приказы армии начинают печататься на машинке».

И ещё: «Как мы видим, на документе присутствуют две подписи — командующего армией и его начальника штаба. Подпись члена Военного совета появляется несколько позже...

Здесь перед нами ситуация, разительно отличающаяся от описанной в мемуарах. “Человек в бекеше” был не гостем, а хозяином в штабе 20-й армии к моменту прибытия в неё Л.М. Сандалова»^{114}.

Удивительная вещь получается: одним из аргументов в пользу того, что Власов командовал 20-й армией и был на хорошем счету, является не что иное, как характеристика, данная Андрею Андреевичу самим Жуковым! Подписана она 28 декабря 1942 года. Однако 28 января 1942 года Г.К. Жуков подписал подобную характеристику на генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова (можно предположить, что такие характеристики были написаны на всех командующих армиями Западного фронта. — *Прим. авт.*). В ней чёрным по белому написано: «Генерал-лейтенант Ефремов Михаил Григорьевич командует 33-й армией с конца октября 1941 года. Оперативный кругозор крайне ограничен. Во всех проведённых операциях неизменно нуждался в постоянном жестком руководстве со стороны командования фронтом, включительно тактического применения отдельных дивизий и расположения командного пункта армии. Приказы выполняются не в срок и не точно. Приходится всё время подстёгивать, за что имеет выговор в приказе.

Должности командующего армией не вполне соответствует. Целесообразно назначить командующим войсками внутреннего округа.

Командующий войсками Запфронта

Генерал армии Жуков

Член Военного совета Западного фронта Хохлов

28 января 1942 г».^{115}

Но неужели никто не знает сегодня, кто такой Ефремов? Как он воевал и как он погиб?

А вот на Власова та самая: «Генерал-лейтенант Власов командует войсками 20 армии с 20 ноября 1941 года. Руководил операциями 20 армии: контрударом на город Солнечногорск, наступлением войск армии на Волоколамском направлении и прорывом оборонительного рубежа на р. Лама. Все задачи, поставленные войсками армии, тов. Власовым выполняются добросовестно. Лично генерал-лейтенант Власов в

оперативном отношении подготовлен хорошо, организационные навыки имеет. С управлением войсками справляется вполне. Должности Командующего войсками армии вполне соответствует...»^{116}. Теперь вы понимаете цену таких характеристик?

И ещё хочется сказать об одном перле из этой характеристики. Генерал армии Жуков в ней подчёркивает, что Власов командует войсками 20-й армии с 20 ноября 1941 года. Однако зачем же его тогда искали через ГУК, запрашивая штаб Юго-Западного фронта, в двадцатых числах ноября? Никто, случайно, не знает?

А дело всё в том, что во всякого рода характеристиках и аттестациях временные рамки вполне относительны. Опираясь на них было бы весьма глупо. Та же болезнь генерала, уже находящегося на домашнем лечении, не могла повлиять ни на его награждения, ни на его очередные звания. Просто штатским людям совершенно невдомёк, что, когда офицер болеет, ему не надо брать больничный лист. Достаточно банальной справки или даже одного звонка вышестоящему начальнику. При этом денежное содержание начисляется без всяких изменений. Абсолютно со всеми надбавками. Так было всегда и так есть сегодня.

Другой момент. В Москву Сандалов прибыл 28 ноября 1941 года, а 10 декабря 1941 года разговаривал с командующим фронтом Г.К. Жуковым. «В разговоре со мной по телефону он указал на недопустимо медленные темпы наступления армии и сказал, что наши войска продвигаются только по дорогам вслед за отступающими частями противника, не выходят на фланги и в тылы неприятельским колоннам, не стремятся окружить врага...»^{117}

Как вы думаете, почему к концу дня 10 декабря комфронта разговаривает с начальником штаба вновь сформированной армии, а не с ее командующим? Или в это время Власов как раз подписывал очередной приказ и был занят? А ведь Жуков разговаривал с тем, кто реально командовал армией. Иначе это был бы именно Власов. Кстати сказать, уже в январе, разговаривая с Власовым, Жуков будет говорить практически о том же, что и теперь с Сандаловым!

Когда я сам лично знакомился с документами из фонда 20-й армии в ЦАМО, а в это время там работал и А. Исаев, то тоже своими собственными глазами видел подписи Власова.

И на боевых приказах от № 01 до № 015, и на приказах войскам 20-й армии («О бесперебойном снабжении частей питанием...», «Об организации службы ГКО...», «Об организации разведки...», «О действии

при преследовании...», «О борьбе со вшивостью в частях...»^{118}.

Но мои глаза не округлились, потому что командующий вполне мог находиться в номере гостиницы Центрального Дома Красной Армии и, лёжа в постели, оставлять свои «каракули» на всех привезённых ему адъютантом документах. Потому что до фронта тогда было рукой подать. И в этом нет ничего криминального. По крайней мере так оно и было. Вспомните хотя бы очерк А. А. Бека «День командира дивизии», где он пишет; как добирался в 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию: «Утром 7 декабря я случайно узнал, что в дивизию только что повезли Гвардейское знамя, которое предполагалось вручить в этот же день с наступлением сумерек.

Недолго думая, я сел в метро и поехал к фронту. Поездки на фронт в эти дни не занимали много времени. На волоколамское направление маршрут был таким: на метро до станции “Сокол”; там пересадка на автобус № 21, курсировавший до Красногорска. Оттуда до линии фронта оставалось двенадцать—пятнадцать километров»^{119}. Но не забывайте, что у Власова в распоряжении, кроме личного адъютанта и врача, ещё был и автомобиль. Командующему без него никак!

Но есть и другие доказательства, не менее весомые. Например, историк из Санкт-Петербурга Кирилл Александров стреляет ими, как из табельного оружия: «Распространённое утверждение о том, что он не командовал армией 6—19 декабря “по причине воспаления среднего уха” — не более чем легенда. Во-первых, Власов был упомянут в сводке Совинформбюро в перечне отличившихся советских генералов уже 13 декабря, а во-вторых, 16 декабря на КП у Власова взял интервью американский журналист Л. Лесюер...»^{120}.

Если говорить о сводке Совинформбюро, то там, уж точно, не могли назвать фамилию Сандалова, хоть он и командовал армией, потому что, согласно занимаемой должности, он был начальником штаба. И не важно, болел командарм или не болел. В армии единоначалия никто не отменял. Ведь командир всегда прав, читайте устав.

Кстати сказать, Власов мог запросто слушать эту сводку, лёжа в кровати с врачом Агнесой Подмазенко.

Про интервью у Власова — вообще аргумент несостоятельный. Дело в том, что в тот же день, 13 декабря 1941 года вся первая страница газеты «Известий» была посвящена битве за Москву под заглавием: «В последний час. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах к Москве». Внизу страницы были помещены

девять фотографий героев этой битвы: генерала армии П.К. Жукова (в центре), а также генерал-майора Д.Д. Лелюшенко, генерал-майора А.А. Власова, генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова, генерал-майора П.А. Белова, генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского, генерал-лейтенанта И.В. Болдина, генерал-лейтенанта артиллерии Л.А. Говорова. Но почему иностранные корреспонденты интервью берут прежде всего у Власова?

Да всё очень просто. Если говорить только о 20-й армии, то 4 декабря она полностью закончила сосредоточение и готовилась к наступлению, а в ночь с 5 на 6 декабря её части заняли исходное положение и получили приказ о времени атаки. Уже 8 декабря 1941 года разбитые части противника были выбиты из Красной Поляны. Дело в том, что из военных сводок тех дней Красная Поляна (райцентр Московской области) стала широко известной во всём мире. «По хвастливым уверениям немецко-фашистского командования, из этого, самого близкого к Москве пункта якобы хорошо видна в бинокль советская столица»^{121}. Более того, в числе трофеев воинов 20-й армии (свыше 30 танков и броневиков, много орудий, миномётов и личного оружия) оказалась привезённая накануне пушка калибра свыше 200 мм, из которой немцы рассчитывали обстреливать Москву». А рано утром 12 декабря Солнечногорск был полностью очищен от противника^{122}. Вот, собственно, и две главные причины, из-за которых командующий 20-й армией стал объектом фото- и телекамер. Как известно, советская пропаганда в этом случае не мешала, а даже, наоборот, принимала в этом самое активное участие. При этом нельзя забывать, как ещё утром 1 декабря 3-я танковая группа противника нанесла сильнейший удар, смяв поредевшие части группы Захарова, и устремилась вдоль Рогачёвского шоссе к Москве. Тогда же на стыке 1-й ударной и 20-й армий создалось угрожающее положение, а неожиданное появление танковых частей противника перед развёртывающимися частями 20-й армии привело их в замешательство. Пусть это были последние резервы противника, но угроза-то была реальной! По сути, всё решили считанные дни и ввод в сражение резервных армий, в том числе и 20-й. Отсюда любые победы под Москвой имели такой оглушительный успех. Не обошлось и без рекламных акций, в которых иногда страдает прежде всего истина. А Власову просто повезло, как и в первые месяцы войны.

Итак, Власов, поймав «золотую рыбку», становится «спасителем Москвы». Но происходит это не ранее 13 декабря 1941 года. Но почему-то у Владимира Батшева в его четырёх томном труде «Власов» этот

«спаситель» как-то не вяжется с истинной историей, написанной нашими предками. Я не буду говорить о хронологии боевых действий, которая у этого автора упоминается достаточно своеобразно, а остановлюсь лишь на вопросе принципиальном: когда Власов был на приёме у Сталина?

Первый раз вождь принял Андрея Андреевича 11 февраля 1942 года. Приём продолжался с 22.15 до 23.25. Общались они наедине один час десять минут.

Второй раз вождь принял Власова 8 марта 1942 года вместе с маршалом Шапошниковым, генералами Василевским, Жигаревым, Новиковым и Головановым с 22.10 до 24.00 (там же находились Ворошилов, Молотов, Берия, Маленков)^{123}.

Однако у Батшева Власов встречается с вождем накануне формирования 20-й армии, то есть в ноябре 1941 года. Там же он просит у Сталина танки, и тот выделяет ему аж пятнадцать штук^{124}. Но, как известно, 20-я армия вошла в строй армий Западного фронта только 29 ноября 1941 года и лишь 4 декабря полностью закончила сосредоточение^{125}. Если же говорить про танки, то к концу ноября 1941 года «Западный фронт получил пятнадцать отдельных танковых батальонов и свыше 100 танков на усиление действующих бригад...

Таким образом, в конце ноября немцы потеряли превосходство в танках. Но при нанесении контрударов 1—5 декабря танковые войска Западного фронта понесли значительные потери, а резервные армия в своем составе танковых бригад не имели. Вследствие этого к моменту перехода в контрнаступление враг сохранил в полосе Западного фронта небольшой перевес в танках — 980 против 720. Даже на направлениях главных ударов мы не имели превосходства в танках. Например, на правом крыле фронта (30-я, 1-я ударная, 20-я и 16-я армии) в составе девяти танковых бригад и шести отдельных танковых батальонов насчитывалось 290 танков. Противник в этой же полосе сосредоточил около 400 танков. На левом крыле фронта (10, 50 и 49-я армии) в составе одной (112-й) танковой дивизии, двух танковых бригад и четырех отдельных танковых батальонов было 140 танков против 300 танков противника.

Следовательно, на 6 декабря 1941 года гитлеровцы превосходили нас в танках на правом крыле Западного фронта в 1,3 раза, на левом крыле — в 2 раза, а в полосе некоторых армий ещё больше», — пишет полковник Ф. Тамонов^{126}.

В директиве штаба Западного фронта командующему 20-й армией № 0021 от 2 декабря 1941 г. о переходе в наступление на солнечногорском

направлении говорилось: «Комфронтом приказал:

1. Дополнительно включить с 18 часов 2.12 в состав 20-й армии войска, ведущие бой на фронте — 7 гв. сд, 282 сп, 145, 24, 31-ю танковые бригады. Командарму 16 передать указанные части командарму 20...»^{127}

То есть целые три танковые бригады забирали у армии Рокоссовского, чтобы отдать армии Власова.

Как пишется в книге «Разгром немецких войск под Москвой», «одновременно с наступлением 1-й ударной армии от Москвы в районах Лобня, Сходня, Химки и севернее сосредоточились войска 20-й армии (64, 35, 28,43-я стрелковые бригады, 331-я и 352-я стрелковые дивизии) и выходили на рубеж Черпая, Хлебниково, Мелькисарово, Усково между 1-й ударной и 16-й армиями. С этого рубежа армия по приказу командования фронта должна была начать частью сил наступление в общем направлении на Холмы, нанося контрудар во фланг группировке противника, вышедшей к Красной Поляне.

Во исполнение этого приказа армия с утра 2 декабря силами 331-й стрелковой дивизии и 28-й стрелковой бригады перешла в наступление с задачей разбить противника в районе Красная Поляна, Владычино, Холмы»^{128}.

Словом, контрудары 1-й ударной и 20-й армий, проведённые ограниченными силами, не дали особого территориального эффекта, но сыграли свою положительную роль в задержании наступления противника на столицу^{129}.

Теперь о вводе в бой переданных танковых бригад: «Па солнечногорском направлении 4 декабря 20-я армия вела ожесточенные бои за краснополянский узел сопротивления. 8 декабря город Красная Поляна был освобожден. Армия, имея впереди танковые части, начала развивать наступление на Солнечногорск. 24-й танковой бригаде, которой командовал полковник В.Л. Зелинский, была поставлена задача преследовать противника в северо-западном направлении, перерезать Ленинградское шоссе севернее Солнечногорска, не допускать отхода войск противника и подхода его резервов. 31-я танковая бригада полковника А.Г. Кравченко должна была вести наступление на Солнечногорск, обходя его с юга; 134-му отдельному танковому батальону предстояло нанести удар по солнечногорской группировке с юго-запада, а 135-му обеспечивать левый фланг армии. 24-я и 31-я танковые бригады, смело обходя опорные пункты врага, скрытно, по лесным дорогам, вышли на основные коммуникации гитлеровцев и, создав угрозу окружения, вынудили их к отходу. 12 декабря

20-я армия освободила Солнечногорск. Первой из танковых войск в город ворвалась 31-я танковая бригада»^{130}.

А как же миф про 15 танков? Всё дело в том, что почти всегда он несёт с собой не только событие, но и героя!

Кстати сказать, например, 145-я танковая бригада на 16 ноября 1941 года имела 67 танков (в т.ч. 9 КВ, 29 Т-34, 29 лёгких), 31-я танковая бригада на 16 ноября 1941 года имела 44 танка (в т.ч. 3 КВ, 12 Т-34, 29 лёгких), 24-я танковая бригада на 16 ноября 1941 года имела 37 танков (в т.ч. 3 КВ, 11 Т-34, 23 лёгких танка).

Поэтому, когда читаешь у В. Батшева про «Спасителя Москвы» в книге «Власов», невольно обращаешь внимание на такие перлы: «Армии ещё не было, и Андрей Андреевич должен был её организовать из остатков разбитых полков и дивизий»; «Власов, несмотря на скудные силы, решился на контрнаступление. Это было рискованным, но казалось единственным средством, чтобы замедлить немецкое наступление»; «С несколькими танками, которыми Власов командовал лично, и моторизованными частями ему действительно удался неожиданный прорыв немецкого фронта»; «На следующий день, 6 декабря, Власов принял второе решение, окончательно определившее судьбу боя за Москву, — он приказал продолжать контрнаступление, не имея точных сведений о положении противника»; «Почти сто километров гнала их 20-я армия Власова через Волоколамск до Ржева. Фронт пришёл в движение. Впервые германским дивизиям удалось нанести поражение. Москва была спасена, её спасителем был Власов»^{131}.

Если даже допустить, что генерал Сандалов в своих мемуарах соврал об отсутствии Власова в армии до 19 декабря, то вряд ли кто-то может усомниться в директивах штаба Западного фронта, на основании которых и действовала 20-я армия, как, впрочем, и другие. При этом маршал Рокоссовский в своих мемуарах отметил: «Наступление развивалось успешно. Соседняя справа 20-я армия, правда, медленно, но шла вперёд на солнечногорском направлении»^{132}.

О том, как командовал Власов в январе 1942 года, есть весьма любопытные свидетельства и документы.

Например, в директиве командующего войсками Западного фронта ещё от 9 декабря 1941 года подчёркивалось: «З: Практика наступления и преследования противника показывает, что некоторые наши части совершенно неправильно ведут бой, и вместо стремительного продвижения вперёд путём обходов арьергардов противника ведут фронтальный затяжной бой с ним. Вместо обходов и окружения противника выталкивают

с фронта лобовым наступлением, вместо просачивания между укреплениями противника топчутся на месте перед этими укреплениями, жалуясь на трудности ведения боя и большие потери»^{133}.

Тем не менее Власов воевать по-другому не умел. «Середа запомнилась мне ещё и потому, что здесь у меня произошло столкновение с командующим 20-й армией Власовым. Мы имели сведения, что в Середи сосредоточились крупные силы противника и она хорошо подготовлена к долговременной обороне (особенно в восточной части по речке Мутня). Вокруг неё лежала открытая, но пояс заснеженная местность. К тому же наши разведчики обнаружили, что к Середи движется колонна пехоты противника со стороны станции Княжьей Горы. В случае затяжного боя эти подкрепления могли навалиться на правый флаг группы. Я доложил в штаб армии обстановку и своё решение: узел сопротивления Середу обойти и продолжать развивать наступление на Гжатск. Очень быстро был получен ответ Власова: он приказал атаковать противника, оборонявшего Середу, ударом с севера вдоль шоссе и, захватив ее, удерживать частью сил до подхода пехоты, главными же силами продолжать наступление. Атака в “лоб” хорошо организованной обороны, да еще через открытую местность, но пояс в снегу, была делом слишком рискованным. Нам пришлось бы преодолевать зону плотного заградительного огня, неся неоправданные потери. Да и обстановка сложилась так, что для выполнения этого приказа часть сил необходимо было возвратитъ обратно. У меня не было иного выхода, как выполнять ранее поставленные частям задачи. Наступление развивалось успешно. Только что закончился бой за Красное Село с форсированием Рузы. В ходе его были уточнены дальнейшие задачи частям и соединениям и они, не задерживаясь, продолжали развивать успех. 3-я гвардейская кавалерийская дивизия двинулась в обход Середы с северо-запада, 20-я дивизия — с юго-запада. Генерал Власов вновь вызвал меня к рации и потребовал доложить, как выполняется его приказ. Я подтвердил свое решение и постарался обоснованно доказать его целесообразность. Реакция, как и следовало ожидать, была очень бурной. Власов приказал в установленный срок доложить ему, что Середа взята ударом “в лоб” с севера вдоль шоссе. Я не ответил и положил трубку. Он тут же вновь позвонил, но я приказал связисту ответить, что командир корпуса уже уехал в войска, чтобы организовать атаку на Середу “в лоб” вдоль шоссе. Такого рода военная хитрость помогла в отношениях с Власовым. Ведь иначе он мог прислать кого-нибудь из своих замов, и тогда казакам пришлось бы лезть по сугробам на плотный, хорошо организованный огонь противника»,

— вспоминал генерал И.А. Плисов^{134}.

А вот достаточно характерная выдержка из записи переговоров Г.К. Жукова с командующим 20-й армией генералом А.А. Власовым 28 января 1942 года:

«ЖУКОВ. Где же у вас главный удар?

ВЛАСОВ. Главный удар наносится на участке Петушки, Большие Триселы, где сгруппированы части группы Катукова, две стрелковые дивизии, главные силы кавкорпуса и 3 полка артиллерии. Всё.

ЖУКОВ, Тем более объясните мне, почему вы избрали такой метод действий, разбросав от Васильевского до Быково артиллерию и пехоту и поставив в ряд против огневых точек конницу? Я не могу разгадать вашего решения.

ВЛАСОВ. Докладываю: на правом фланге на фронте Васильевское до Аржаники действуют всего лишь три стрелковые бригады с одним артполком и дивизионом РС, которые действуют, согласно вашему приказанию, в направлении Зубцов, и главный удар здесь двумя бригадами со всеми указанными средствами усиления наносится от Кучино на Старое Устиново и далее на Зубцов. Все остальные части сосредоточены на указанном мною рубеже с целью прорваться на нём и действовать в направлении Карманово. Против Крутицы действует 55-я стрелковая бригада, которая имеет всего лишь около 100 бойцов. Для усиленной огневой мощи кавалерийского корпуса, а также для прорыва этого участка кавалерийскому корпусу приданы 35-я стрелковая бригада и 1-й гвардейский пушечный артполк. В резерве я имею всего лишь одну 17-ю стрелковую бригаду, которая почти не имеет ударной силы. Укомплектование людским составом задерживается, так как предназначенные эшелоны с пополнением до сего времени не прибыли, между тем как потери части несут большие. Всё.

ЖУКОВ. Не понял вас. Почему вы упорно атакуете противника, расположенного в крупных населенных пунктах? При этом пункты, имеющие хороший обстрел и взаимную огневую связь, и что вам обещает это направление, имеющее, как известно по карте, массу населенных пунктов, почему вы, например, не наступали на участке: Пустой Вторник, Аржаники, где, по нашим и по вашим [данным], противника нет, где он охраняется только разведкой?

ВЛАСОВ. Отвечаю: на участке Пустой Вторник, Аржаники противник вдоль дорог от Пустого Вторника до Аржаников, но разведанным, имеет также ряд блиндажей, кроме того, этот район минирован и охраняется противником, к этому рубежу очень трудно подойти, так как совершенно

отсутствуют дороги, а снежный покров достигает свыше 60 сантиметров и совершенно не доступен для действий артиллерии. Всё.

ЖУКОВ. А участок Егорьевское, Митрофановское тоже минирован и тоже недоступен?

ВЛАСОВ. Данных о том, что этот участок минирован, нет. Мины встречаются лишь только по дорогам. Всё.

ЖУКОВ. А что бы сказал Суворов на вашем месте, если бы он увидел перед собой 60 сантиметров снега, остановился бы или нет?»^{135}.

Как бы кто ни относился к маршалу Жукову сегодня, но в этом разговоре с Власовым не трудно заметить, что он на порядок грамотнее «генерала-стахановца».

В своей книге Резун (Суворов) «Тень победы» с огромным удовольствием в доказательство необычайных талантов (своего собрата по измене) Власова приводит слова маршала артиллерии Г.Е. Передельского: «Начало организации артиллерийского наступления в том виде, как предусматривалось директивой, было положено в наступлении 20-й армии на реке Ламе в январе 1942 года» (ВИЖ. 1976. № 11. С. 13)^{136}.

Однако давайте всё же послушаем генерала Сандалова: «Утром 6 января 1942 г. я приехал к начальнику штаба Западного фронта генералу В.Д. Соколовскому по его вызову. Он предупредил меня, что Ставка предполагает начать общее наступление всех фронтов.

— На правом крыле Западного фронта должна перейти в наступление на Шаховскую, Сычёвку ваша 20-я армия, — показывал он мне на карте с нанесённым на ней решением на наступление войск фронта...

Затем генерал Соколовский вручил мне только что подписанную директиву фронта на наступление и проект директивного письма Ставки, которое, по его словам, дня через два будет подписано. В этом письме, на основе передовой теории советского военного искусства о глубокой операции и с учётом предшествующих операций, Ставка дала подробные указания по организации и проведению наступательных операций. В письме говорилось, что прорыв вражеской обороны следует производить мощными ударными группами на узких участках. На поддержку и обеспечение ударных групп массировать все силы и средства. Артиллерийскую подготовку перед наступлением заменить артиллерийским наступлением...

После просмотра представленной мной решения на наступление 20-й армии Соколовский подчеркнул:

— Ваше решение в основном соответствует и нашей директиве, и

директивному письму Ставки. Однако участок ударной группы надо несколько сузить.

Утром 7 января я зачитал командованию армии исправленный план армейской операции и проект боевого приказа армии.

— Ну вот, теперь всё приведено в соответствие с письмом Ставки, — сказал Куликов.

— Вы правы, — ответил я. — Армия наступает в направлении на Шаховскую в узкой, 20-километровой полосе. Прорыв будет производить ударная группа в составе группы Ремизова и Катуква и 352-й стрелковой дивизии. Участок прорыва ударной группы всего лишь 8 км. Второй эшелон ударной группы — морская и 55-я стрелковые бригады.

— А удалось ли достичь артиллерийской плотности, указанной в письме Ставки? — поинтересовался Куликов.

— Плотности на один километр участка прорыва достигают 76 орудий и миномётов и 12,5 танка, — ответил я. — Таких плотностей удалось достичь впервые за войну. На поддержку прорыва выделен 601-й бомбардировочный авиаполк, а осуществлять противовоздушную оборону операции назначена 47-я истребительная авиадивизия. Да и большая часть авиации фронта будет брошена на помощь нашей армии.

— А корпус Плиева? — спросил Куликов.

— Усиленный гвардейский кавалерийский корпус планируется ввести на второй день операции, — ответил я. — Войска займут исходное положение для наступления в ночь с 8 на 9 января, а наступление начнётся утром 9 января после полуторачасовой артиллерийской подготовки, — огласил я концовку...»^{137}

А если уж говорить про «Спасителя Москвы», то, думаю, стоит ознакомиться и с аргументами писателя и фронтовика В. Богомолова: «В сообщениях Совинформбгоро в декабре 1941 года как “наиболее отличившиеся” в боях под Москвой армия К.К. Рокоссовского упоминалась четырежды, Д.Д. Лелюшенко — трижды, И.В. Болдина — дважды, Л. А. Говорова — один раз, армия же А.А. Власова, также как и армия Ф.И. Голикова и В.И. Кузнецова, не упоминалась ни разу. И награждены за бои под Москвой они были соответственно: Рокоссовский, Лелюшенко, Болдин и Говоров — орденами Ленина, а Власов, Голиков и Кузнецов — по второму разряду, т.е. орденами Красного Знамени»^{138}.

Кстати сказать, о награждениях Власова орденами много придуманного. Для тех, кто на «бронепоезде», лишь напомним. Андрей Андреевич был награжден:

во-первых, медалью «XX лет РККА» № 012543 Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1938 года, как лицо кадрового командного и начальствующего состава, прослужившее в рядах РККА к 23 февраля 1938 года 20 лет^{139};

во-вторых, орденом Ленина «За высокие показатели дивизии по боевой и политической подготовке в 1940 учебном году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1941 года^{140}; и, в-третьих, орденом Красного Знамени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1941 года «За бои с германским фашизмом»^{141}.

При этом в Красной армии Власов служил с 5 мая 1920 года, и двадцать календарных лет у него засчитывались только в мае 1940 года. За высокие показатели по боевой и политической подготовке в 1940 учебном году его представляли к награждению орденом Красной Звезды, однако маршалу Тимошенко этого показалось мало, и именно он наградил Власова орденом Ленина^{142}. А на орден Красного Знамени, полученный Власовым по итогам битвы под Москвой, в ЦАМО вообще нет наградного листа. Видимо, поэтому мы не имеем возможности в точности узнать, за что же конкретно наградили Андрея Андреевича^{143}.

И еще: утверждение о том, что орден Ленина за № 770 принадлежал генералу Власову, не более чем байка^{144}. Потому что, например, орден Ленина за № 889 был вручен 22 марта 1935 года парторгу одного из золотых приисков Л.З. Корытному. А орден Ленина № 3529 принадлежал М.А. Фортус, награжденной в декабре 1938 года за участие в боях в Испании^{145}.

Про присвоение Власову военного звания «генерал-лейтенант» также много надуманного, так как его он получил в соответствии с занимаемой должностью командующего войсками 20-й армии. Тем более что до этого он командовал 37-й армией. Никаких же сроков выслуги в звании «генерал-майор» тогда предусмотрено не было!

9 марта 1942 года Власов прилетел на Волховский фронт, куда был назначен заместителем командующего войсками этого фронта. «По свидетельству Героя Советского Союза генерала армии Николая Григорьевича Лященко, Власов после его назначения заместителем командующего фронтом считал, что как полководец он ещё не достиг самых больших высот, хотя якобы своих будущих амбиций не скрывал. Надеялся, что после того, как войска фронта овладеют Любанью, займёт более достойный для него пост...»^{146}.

20 марта генерал-лейтенант Власов вылетел во 2-ю ударную армию для организации её наступления, которое планировалось на 3 апреля в 30 км южнее Любани в направлении д. Апраксин Бор. Однако все усилия пехоты и артиллерии взять деревню оказались тщетными. Для выяснения неудач в армию прибыла комиссия фронта.

«Трое суток члены комиссии беседовали с командирами всех рангов, с политработниками, с бойцами. От меня потребовали письменное объяснение: почему артиллерия недостаточно надёжно подавляла огневые средства противника...» — вспоминал начальник артиллерии 2-й ударной полковник Г.Е. Дегтярёв^{147}.

А 16 апреля в связи с отправкой тяжелобольного командарма 2-й ударной генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова в тыл встал вопрос: кем его заменить? И тогда в телефонном разговоре с К.А. Мерецковым член Военного совета армии дивизионный комиссар И.В. Зуев предложил кандидатуру Андрея Андреевича^{148}.

Дело в том, что Власов, как заместитель Мерецкова (командующий войсками фронта), был тактическим советником (консультантом) 2-й ударной^{149}, и поэтому 20 апреля 1942 года начальник Генштаба маршал Шапошников с ведома Сталина вполне разумно санкционирует назначение Власова командующим 2-й ударной армией по совместительству^{150}, ведь он же уже был «Спасителем Москвы». И почему бы ему теперь не стать спасителем Ленинграда?

Сегодня некоторые исследователи сомневаются в болезни генерал-лейтенанта Клыкова. Они считают, что его банально отстранили от должности. Однако это не так. В 1942 году Николаю Кузьмичу было уже 54 года. Опытный военачальник, он ещё в Первую мировую войну дослужился

до командира полка, а в Гражданскую — до командира бригады. В межвоенный период Клыков командовал полком и дивизией, был комендантом Москвы и начальником отдела штаба МВО. С 1935 г. по 1936 г. по болезни находился в распоряжении управления по начсоставу РККА, а с 1936 г. по 1938 г. работал военным руководителем в Московском государственном университете. В декабре 1945 г. Н.К. Клыков был уволен в отставку по болезни^{151}.

Сам он спустя десятилетия вспоминал: «В апреле 1942 года я тяжело заболел. Пришлось отправиться в госпиталь. На мое место был назначен новый командующий. Перед отъездом я доложил обстановку командующему фронтом Мерецкову, обосновал необходимость создания опорных баз внутри расположения армии. Просил его хотя бы на время весенней распутицы отказаться от попыток захвата Любани...

Конец июня 1942 года. Закончить лечение не удалось. С фронта прибыла машина, и я выехал в Малую Вишеру. 2-я ударная армия после выхода из окружения восстанавливалась...»^{152}

Исхода из этого, можно предположить, что Власов рассчитывал остаться во 2-й ударной армии ненадолго. Но судьба распорядилась иначе. Его везение на этот раз закончилось!

О встрече комсостава с новым командующим рассказал бывший комиссар 59-й стрелковой бригады И.Х. Венец: «20 апреля нас собрали на командном пункте. Новый командующий. — высокий, рыжеватый, вышколенный — произнес речь. Помню её дословно. “Дорогие товарищи, — сказал Власов. — Условия у нас тяжёлые: болота засасывают, питание плохое. Что-либо предпринять без директивы Ставки мы не можем. Призываю вас лишь заботиться о солдатах, как заботится товарищ Сталин. Когда после ранения под Москвой я лежал в кремлёвской больнице, Иосиф Виссарионович нашёл возможность меня навестить”. Хотя в дальнейшем особой заботы командующего о людях мы не наблюдали, никаких подозрений он у нас не вызывал»^{153}.

Вот что вспоминал о Власове его адъютант майор Кузин: «Находясь при 2-й ударной армии, Власов давал понять, что он имеет большой вес, ибо он неоднократно говорил, что он имеет особое поручение Москвы и что он имеет прямую связь с Москвой.

Во 2-й ударной армии Власов хорошо дружил с членом Военного совета Зуевым и начальником штаба Виноградовым.

С Зуевым они вместе до войны работали в 4-м мехкорпусе. В беседах с Зуевым и Виноградовым Власов неоднократно говорил, что великие

стратеги — это по поводу Мерецкова — завели армию на гибель.

Власов по адресу тов. Мерецкова говорил: “Звание большое, а способности...” — и дальше не договаривал, но он давал понимать.

Судя по разговору Власова, он не хотел никого понимать и хотел быть хозяином.

Власов во 2-й ударной армии не любил начальника особого отдела Шашкова, это Власов не раз высказывал Зуеву, а один раз Власов скомандовал Шашкову выйти из землянки.

С первых дней моей работы Власов меня предупредил, что с ним живет жена, она же и доктор, начальник медпункта при штабе, это П. Агнесса Павловна. Впоследствии я узнал, что она с ним выходила из киевского окружения и он ее привёз в 20-ю армию. П. чувствовала себя хозяйкой, она в медпункте почти и не находилась, работал фельдшер, а П. занималась военторгом и АХО, чтобы были духи и прочее. Кроме этого, она набиралась нахальства отдавать приказания коменданту штаба, а также имела способность наклеветать на работников штаба, а Власов считал это нормальным явлением. В феврале месяце 1942 года она уехала в город Саратов.

После отъезда П. в этот же день в качестве личного повара из военторга перевели Марию Игнатьевну... Она считалась поваром-инструктором при военторге, а фактически не работала. Она почувствовала хорошее отношение Власова к пей, частенько устраивала истерику, а Власов за ней ухаживал, как за ребенком.

Настоящая жена Власова—Липа Михайловна Власова...»^{154}.

Бывший рядовой 285-го отдельного батальона связи 2-й ударной армии С.А. Сучелов увидел нового командарма таким: «Блиндаж командующего под семью накатами находился недалеко, но заходить туда могли только такие личности, как комдивы, комкоры, комбриги. Нам, маленьким исполнителям, редко удавалось кого-либо увидеть. Однако нового командарма я вскоре увидал.

Власов вышел однажды из своего блиндажа в сопровождении адъютантов и стал останавливать рядовых солдат, приказывая, чтобы мы проходили мимо него строевым шагом и отдавали честь.

Всех подробностей о Власове как командующем я знать не могу, но осталось впечатление, что именно со вступлением его в должность в армии стала ощущаться какая-то апатия и с завоеванной территории войска начали отступать. Начались трудности со снабжением...»^{155}.

В конце марта 1942 года двадцатилетняя З.И. Гусева лично

познакомилась с Власовым. Об этой короткой встрече она оставила следующее воспоминание:

«Он сел на край стола, я — около стола. Власов поинтересовался, откуда я родом.

— Из-под Пскова...

— Где родители?

— Отец в партизанах, мама с двумя братьями и сестрой в оккупации.

Генерал меня успокоил, сказав, что скоро Ленинградская область будет освобождена и я встречу с семьей.

— Где учились? — спросил.

Я ответила, что закончила Средкинскую среднюю школу... Власов надел на голову генеральскую папаху и спросил:

— Вы видели фильм “Разгром немцев под Москвой”?

— Пока нет, товарищ генерал.

— Так вот, когда будете смотреть, обратите внимание на генерала в папахе — это я.

— Обязательно, — отвечаю я и спрашиваю: — Товарищ генерал, вы, наверное, и с Иосифом Виссарионовичем встречались?

— Неоднократно. И разговаривал с ним вот так, как мы с вами сейчас говорим.

Потом Власов рассказал о Китае, где был военным атташе, какие китайцы работающие и как бедно живут; о Японии, быте и нравах японцев. Затем взглянул на часы и сказал: “Я вижу, вы грамотная девушка, вам надо учиться дальше. Завтра будет самолёт на Москву. Подготовьтесь и летите. Здесь скоро будут страшные бои, и вы погибнете”.

Я, недолго думая, ответила: “Нет, товарищ генерал, пока Родина в опасности, я с фронта никуда не уйду!”

Он задумчиво посмотрел мне в глаза и сказал: “Другого ответа я от вас и не ждал...” Проводил меня до двери, и больше я его не видела»^{156}.

В это время Власов ещё надеялся на чудо, был бодр и продолжал очень много внимания уделять себе. Об этом можно узнать из его писем женам, официальной и походно-полевой: (в апреле) «Сам здоров и бодр, чего особенно от души желаю тебе...»; «Ненавистных насильников-фашистов бьем по-прежнему и постараемся к 1-му Мая задать им большого жару»; «Сейчас я работаю недалеко уже от того места, где жила Надя! Работа идёт хорошо. Бьём ненавистных фашистов, расстроивших нашу счастливую жизнь, неплохо, а скоро готовим им удар ещё сильнее»; «На новом месте работа по объёму стала больше, ответственнее и почётнее. Но ты знаешь, моя любимая и дорогая Аня, что куда твоего Андрюшу ни пошлют

правительство и партия — он свою задачу выполнит с честью. Всё идёт хорошо... Скоро, очень скоро будет конец проклятым фашистам. Хватит им издеваться над нашей дорогой Родиной... Ты, Аник, не поверишь, как я поправился, это, видимо, от старости. Крепко поседел (много седины в башке стало) и полысел, а здоровье крепкое. Ничего не болит. Зубы в порядке. Одним словом, крепко поправился, пополнил и закалился. Сейчас у нас кругом вода — разлив в полном разгаре»; «Я сейчас выполняю ответственную задачу... Бъём фашистов крепко и готовим им крепкие весенние подарки ещё сильнее. Работаю примерно на той же должности, когда был с тобой вместе, только объёмом она гораздо больше, почётнее, ответственнее. Но ты прекрасно знаешь, что, куда твоего Андрюшу ни пошлют правительство и партия, — он всегда любую задачу выполнит с честью... У нас всё залило — водополье в полном разгаре»; «Спешу сообщить тебе, что я бодр и здоров. Бъём фашистов по-прежнему. Поздравляю с наступающим праздником 1-е Мая. Желаю провести его счастливо и радостно»; (в мае) «Фашистов бьём по-прежнему. В этом году надеемся ликвидировать их полностью. Такую задачу нам поставил наш Великий вождь, и мы сё должны во что бы то ни стало выполнить»; «Эта война особенно жестока. Сволочи фашисты ведь решили совсем варварски стереть с лица земли наш могучий народ. Конечно, это их бредни. Конечно, мы уничтожим эту гадину... У меня лично есть всё — обо мне не беспокойся»; «Одно скажу: ведь недаром я получил звание генерал-лейтенанта и орден Красного Знамени, и я два раза лично беседовал с нашим великим Вождём. Это, конечно, так не даётся. Тебе уже, наверное, известно, что я командовал армией, которая обороняла Киев. Тебе также известно, что я командовал армией, которая разбила фашистов под Москвой и освободила Солнечногорск, Волоколамск и др. города и села, а теперь также командую ещё большими войсками и честно выполняю задания правительства и партии и нашего любимого вождя тов. Сталина»; «Правда, сейчас обстановка немного лучше, чем тогда, когда мы начали бой, тогда, когда ты вместе со мной ехала в машине, но всё же обстановка серьёзная. Но, невзирая ни на что, мы проклятых извергов фашистов всё равно сотрём с лица земли. И это будет очень скоро. Поверь, что теперь немцы уже не те, что были раньше, да и мы крепко за прошедшее время научились кой-чему, как, главное, бить фашистов их же методами, создавая им мешки и окружения. Дорогой, родной, милый Аллюсик! Меня наш великий вождь послал на ответственное задание, и я его скоро, очень скоро выполню с честью. Тогда ты не будешь упрекать меня ни в чём, когда узнаешь, в какой обстановке мы находились. Скоро всё же фашистам на

этом участке конец»^{157}.

Так, наверное, и думал Власов. Однако обстоятельства оказались сильнее его хвастливых слов.

20—21 марта противнику удалось перерезать коммуникацию 2-й ударной армии, закрыв коридор, но 28 марта усилиями 2-й ударной армии и частей 52-й и 59-й армий коридор был открыт. 23 апреля Волховский фронт был ликвидирован, войдя в состав Ленинградского фронта, которым командовал генерал-лейтенант М.С. Хозин.

13 мая член Военного совета 2-й ударной армии ИЛ. Зуев, прибыв в Малую Вишеру, доложил о безвыходном положении армии, а 21 мая Ставка ВГК отдала приказ с 1 июня начал» отвод частей 2-й ударной армии в обратном направлении через коридор к Мясному Бору.

Официально части армии, выполняя приказ войскам Волховского направления Ленинградского фронта, изматывая части противника, выходили, отрываясь от него, на основной рубеж обороны Ольховка—Фенёв Луг. Неофициально массовый отход войск армии начался уже 24 мая.

Об этом говорит следующая телеграмма командующего войсками Ленинградского фронта командующему 2-й ударной армией от 24 мая 1942 г. 01 ч 35 мин:

«Ваше поведение непонятно. Уже третий раз вами своевременно не доносится об оставлении населенных пунктов. Вы оставили КП без разрешения и потеряли управление войсками на железнодорожном направлении, где обстановка осложняется.

Приказываю Припятть меры к планомерному выводу частей в соответствии с планом. Противника, пробравшегося в район Дубовик, ликвидировать, не допуская перехвата им путей отвода войск армии.

ХОЗИН

ЗАПОРОЖЕЦ

СТЕЛЬМАХ»^{158}.

2 июня на стыке 59-й и 52-й армий противнику удалось полностью перехватить пути подвоза 2-й ударной армии и соединить свои северную и южную группировки. Это значит, что в этот день немцы вторично закрыли коридор, осуществив полное окружение армии. Только 21 июня на узком участке, шириной 1—2 километра, в том же коридоре линия фронта противника вторично была прорвана и начался организованный вывод частей 2-й ударной армии. А 25 июня противнику в третий раз удалось закрыть коридор и прекратить выход частей^{159}.

Именно в июне 1942 года для Власова все шуточки закончились. Он

прекрасно понял, что его никто не сменит на этом посту, а значит, всю ответственность за вывод армии из окружения придется нести самому. И давайте не забывать, что он вполне мог быть обижен, потому что его лишили достаточно высокой (пусть не чётко очерченной) должности заместителя командующего войсками Волховского фронта, которой не стало вместе с фронтом 23 апреля. А ведь он долго надеялся на лучшее и уверовал в свою звезду. Когда 9 июня Волховский фронт был восстановлен, места для Власова уже не нашлось!

Генерал Хозин вспоминал: «Из документов того периода видно, что 19 июня 46-й стрелковой дивизии, 25-й и 57-й отдельным стрелковым бригадам 2-й ударной армии удалось сблизиться с передовыми частями 25-й кавалерийской дивизии 59-й армии, по развить успех они не смогли, И только 21 июня совместными ударами 59-й и 2-й ударной армий удалось разорвать кольцо окружения на ширину около 1 км. В образовавшийся проход к 20 часам 22 июня вышло из окружения около 600 человек.

24 июня связь со штабом 2-й ударной армии прервалась. Противник вновь прорвал фронт на основном рубеже ее обороны в районе Финёва Луга и начал развивать наступление вдоль железной дорога и узкоколейки в направлении на Новую Кересть. С 9.30 25 июня выход из окружения прекратился. Связь со штабом 2-й ударной армии восстановить не удалось»^{160}.

Тут надо отметить, что когда Власов докладывал Военному совету Волховского фронта об увеличении количества смертных случаев и заболеваемости от истощения в частях армии, то он имел в виду лишь ситуацию, в которой уже не мог полноценно управлять вверенными ему войсками. Ведь сам он был всегда сыт и в отличие от бойцов и командиров пользовался услугами походно-полевой жены, которая всегда находилась под боком, даже при выходе из окружения. И это важно.

Более того, до 20 июня Власов был еще уверен в прорыве окружения.

Офицер оперативного отдела 59-й армии капитан И. Катъшкин был свидетелем проведения боевой операции по выводу войск 2-й ударной армии из окружения под руководством будущего маршала Василевского. Автор книги о нём И.А. Слухай пишет: «Генерал А.М. Василевский, находившийся в этот момент на КП 59-й армии, приказал срочно связать его по радио с командующим 2-й ударной А.А. Власовым. Катъшкин с группой офицеров штаба находились неподалеку и стали свидетелями этих переговоров. Из реплик Василевского им стало ясно, что Власов фактически потерял управление своими войсками. В связи с этим ему было предложено встретить самолет, который доставит его и других членов

Военного совета в распоряжение 59-й армии. Однако Власов от самолёта категорически отказался, высокопарно сославшись на то, что, дескать, его место в войсках, сражающихся с врагом...

Командование Волховского фронта решило предпринять встречный удар 59-й и 2-й ударной армий вдоль узкоколейной железной дороги. Этот приказ был передан Власову. Войска 59-й армии атаковали противника, но согласованной атаки со стороны 2-й ударной не последовало, и встречный удар не получился. Соединениям 59-й армии тут же была поставлена задача установить наземной разведкой расположение частей 2-й ударной и собственными силами обеспечить их выход. Однако в ночь на 24 июня связь со штабом Власова странным образом нарушилась и больше не восстанавливалась»^{161}.

К слову сказать, некоторые исследователи не понимают или не желают понимать главного: вина Власова заключается не в том, что он не предотвратил окружения армии, а в том, как он ее выводил из него. Проще говоря, лично Власов как командующий для этого не сделал ничего.

В докладной записке «О срыве боевой операции по выводу войск 2-й ударной армии из вражеского окружения» не случайно указывается: «Положение 2-й ударной армии крайне осложнилось после прорыва противником линии обороны 327-й дивизии в районе Финев Луг. Командование 2-й армии — генерал-лейтенант Власов и командир дивизии генерал-майор Антюфеев — не организовало обороны болота западнее Финев Луг, чем воспользовался противник, выйдя во фланг дивизии.

Отступление 327-й дивизии привело к панике, командующий армией генерал-лейтенант Власов растерялся, не принял решительных мер к задержанию противника, который продвинулся к Новой Керести и подверг артиллерийскому обстрелу тылы армии, отрезал от основных сил армии 19-ю [гвардейскую] и 305-ю стрелковые дивизии...

Командный пункт армии оказался незащищённым, в бой была введена рота особого отдела в составе 150 человек, которая оттеснила противника и вела с ним бой в течение суток—23 июня с.г.

Военный совет и штаб армии вынуждены были сменить место дислоцирования, уничтожив средства связи и, по существу, потеряв управление войсками.

Командующий 2-й армией Власов, начальник штаба Виноградов проявили растерянность, боем не руководили, а впоследствии потеряли всякое управление войсками»^{162}.

Как вспоминал генерал-майор Афанасьев: «Нужно отметить, что тов.

Власов, несмотря на обстрел, продолжал стоять на месте, не применяясь к местности, чувствовалась какая-то растерянность или забывчивость. Когда я стал предупреждать — “надо укрыться”, то все же он остался на месте. Заметно было потрясение чувств...

Тов. Власов был безразличен, общим командиром был назначен, предложил свои услуги Виноградов. Меня тов. Власов предложил комиссаром»^{163}.

И еще: «При выходе Военного совета отсутствовала организация боя и управление войсками было потеряно...

Организация вывода 2-й Ударной армии страдала серьёзными недостатками. С одной стороны, в силу отсутствия взаимодействия 59-й и 2-й Ударной армий по обеспечению коридора, что в большей степени зависело от руководства штаба фронта, с другой стороны, в силу растерянности и потери управления войсками штаба 2-й Ударной армии и штабами соединений при выходе из окружения»^{164}.

Несмотря на некоторые принципиальные вопросы, попять Власова можно. Это было его самое большое поражение во всей жизни. Это был конец карьеры. Поставьте себя на его место, чтобы сделали вы? Но представить себя на месте Власова, видимо, невозможно.

А ведь ещё совсем недавно... Кинорежиссёр Роман Кармен рассказывал: «С Власовым я встретился под Волховом за несколько дней перед тем, как он попал в кольцо, и за месяц перед тем, как сдался. Мы провели всю ночь в его землянке накануне моего отъезда; знакомы были давно, с Китая ещё. Он был у меня на свадьбе с Ниной тамадой и посаженным отцом, так что говорили на “ты”... Стол был скромный: варёная картошка, банка мясной тушёнки и бутылка самогона... Как рефрен у меня до сих пор в ушах звучат его слова: “Ромка, всё равно мы победим, что бы ни случилось! Как бы страшно ни складывалась обстановка, мы сломи́м фрицам шею, если только с нами будет товарищ Сталин... Если судьба и дарила России гениев, то в его лице мы имеем самого выдающегося...”»^{165}.

«До 12 июля 1942 года генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов был вполне благонадежным советским генералом, не более того... — пишет Александр Орлов. — По пути следования с большой группой, в составе которой двигался генерал-лейтенант Власов, происходили всякие коллизии. Немцы были кругом. Пройти не удавалось. Напарывались на мины. Гибли. Посылали вперёд разведгруппы. Они не возвращались. Часть людей рассеялась, ушла своим путём. Немцы перекрыли все направления надёжно. Скитания продолжались уже не один день. Наконец, у Ольховских хуторов на реке Кересть (ныне не существующий населённый пункт. — А.О.) удалось перейти на западный берег... Генерал Афанасьев и ещё три человека ушли по своему маршруту. Им повезло, очень скоро они наткнулись на лужских партизан из отряда Сазонова. Власов, Виноградов, его ординарец и кухарка Власова Мария Воронова пошли своим путем. От того места, где они расстались с группой генерала Афанасьева, путь этот пролёг на юг в сторону деревень Туховежи — Ям-Тесово. Расстояние между этими деревнями километров 6—8. Судя по направлению движения, полковник Виноградов хотел выйти к позициям советских войск в район Луги. Этому не суждено было случиться...»^[166].

Читаем Карела Рихтера: «12 июля на рассвете офицер разведотдела XXXVIII армейского корпуса капитан Швердтнер пришел будить переводчика зондерфюрера Карла Поелхана.

— Вставай, едем в Ям-Тесово.

— Что случилось?

— Вчера вечером дозор застрелил там некоего мужчину. Похоже, это генерал Власов. Необходимо идентифицировать.

Штаб 38-го армейского корпуса немцев находился в те времена в деревне Раглицы... Именно отсюда и выехали на опознание якобы генерала Власова капитан Швердтнер и его переводчик. По пути они заехали в деревню Туховежи, где должны были взять автоматчиков сопровождения. В деревне к ним подошёл староста, который заявил, что он задержал двух подозрительных особ: мужчину и женщину, которые просили у него еду и ночлег, предложив в обмен серебряные часы. Часы староста показал немцам. Капитан Швердтнер ни слова не понимал по-русски да и к тому же очень торопился опознать труп генерала Власова. Он попросту отмахнулся от назойливого старосты. Правда, Поелхан приказал, чтобы задержанных

староста охранял, дабы не убежали, пока немцы ездят в Ям-Тесово.

В деревне Ям-Тесово немцам показали раненого русского солдата с рукой на перевязи, которого подстрелили при попытке к бегству, когда дозор крикнул двум людям в военной форме: “Стой!” Второй из убежавших был застрелен. Труп положили в сарай. Туда и новели капитана Швердтнера.

Мёртвый лежал на соломе, высокий, сутулый, одетый в плащ. Восковой бледности щёки покрывала густая чёрная щетина.

— Это твой командир? — перевёл Поелхан вопрос капитана Швердтнера.

— Да, — повёл опущенными плечами солдат.

— Генерал Власов? — Да.

Швердтнер махнул рукой:

— Можете пленного увести.

Склонился над убитым, минуту на него поглядел. Всё соответствовало описанию Власова: высокий, статный, тёмные волосы, высокий лоб, широкий нос, выступающие скулы.

Отсутствовали очки, но их можно потерять. Без сомнения, это Власов. Его ординарец это подтвердил. Да и плащ. На нём были три звезды, что соответствовало званию генерал-лейтенанта Красной Армии»^{167}. Абсолютно уверенный в том, что дозор застрелил в деревне Ям-Тесово именно Власова, Швердтнер приказал похоронить убитого, составив протокол опознания. По радио он известил командование корпуса, что тело генерала Власова успешно опознано. Обратная дорога снова лежала через Туховежи. И снова к ним подошёл надоедливый русский. Он подвёл немцев к двери пожарного сарая, запертого на висячий замок. Швердтнер взял автоматчика охраны и поставил их у дверей. Староста деревни снял замок. Переводчик крикнул:

— Выходите! Вы окружены!

Пару минут было тихо. Потом отозвался глубокий голос:

— Nicht schliessen, general Vlasov!»

Далее Александр Орлов пишет: «Путь группы, в которой шёл командующий 2-й Ударной армией генерал-лейтенант Власов, прослежен мною по карте. Группа прошла от рубежа реки Полисть до момента расставания с генералом Афанасьевым почти 70 километров. Место, в котором они распрощались навсегда («Это было 10—11 июля». — *Ген. Афанасьев*), отстоит от деревень Туховежи и Ям-Тесово в десяти километрах. Именно столько и можно было пройти за день изможденным и голодным людям, не больше. Всё сошлось. Сомнений нет. Власов попал в

плен в деревне Туховежи Ленинградской области, совсем неподалёку от границы нынешней Новгородской области. К западу от Мясного Бора, куда ему не суждено было выйти вместе с остатками своей изможденной армии. Староста деревни Туховежи запер его и Марию Воронову в сарае 11 июля, а в руки немцам сдал их 12 июля. От деревни Туховежи путь Власова повернул в другом направлении...

Осталось только объяснить читателю, кого же застрелили немцы в деревне Ям-Тесово и почему на убитом был плащ с генеральскими звёздами. Немецкий дозор застрелил полковника Виноградова, начальника штаба 2-й Ударной армии, и ранил его ординарца. Плащ на Виноградове был генеральский потому, что незадолго перед расставанием Власов дал его полковнику, которого сильно знобило. Так они и пошли по деревням искать пропитание: генерал — в гимнастёрке без знаков различия, полковник—в генеральском плаще. Внешне Виноградов был слегка похож на своего командующего...»^{168}

Говорят, что на месте Мясного Бора раньше была скотобойня. Отсюда и первоначальное название — Мясной Бой. По мнению местных жителей, в окрестностях этой деревни уже давно существуют два параллельных мира. Что и говорить, если «в местечке Остров подняли останки 36 комиссаров... Рядом не было ни одной немецкой гильзы, только советские. Как предполагают поисковики, офицеры оказались в ловушке и застрелились.

Только в 57-й и 59-й бригадах было 12 тысяч человек. Из первой выжили 85 человек. Из второй — 115. Погибшие остались в Бору и не были похоронены. За месяц до Любаньской операции выбросили десант (2-ю десантную бригаду, сформированную в Саратовской области). Из 3 тысяч человек вернулись 12. Под Новгородом осталась и 53-я отдельная стрелковая бригада, тоже из Саратова»^{169}.

В мае 2003 года поисковики отряда «Гвардия» под руководством А. Орлова недалеко от Мясного Бора нашли штаб 2-й ударной армии.

«Там же, неподалеку от деревни Замошье, в руки поисковиков попал архив НКВД. Читая его, следопыты открыли для себя по-настоящему неизвестную войну. Сохранились, например» документы, повествующие о пеком ефрейторе, арестованном за... каннибализм. Вырезав у убитого солдата печень, он приготовил се и съел. По законам военного времени его расстреляли без суда и следствия. В НКВД попал и интендант расквартированной в Замошье части. Ответственный за материальное обеспечение офицер продал машинное масло с собственного склада деревенским жителям, а на полученные деньги ушёл в загул. После чего

бегал по деревне, размахивая пистолетом. Когда его задержали, выяснилось, что без смазки его собственный пистолет заржавел настолько, что из него невозможно стрелять». [{170}](#)

Например, за 15 лет работы поисковиков организации «Долина» были найдены останки 67 тысяч советских воинов, более 13 тысяч из которых удалось опознать...

Получилось так, что «Долина смерти» в Мясном Бору стала «Долиной смерти» карьеры генерала Власова...

19 июля 1942 года в берлинской газете «Новое слово» была напечатана статья под броским названием «Как был взят в плен генерал Власов».

«Среди пленных, взятых германскими войсками при окружении большевиков в районе реки Волхов, находится и сам командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Власов, — пишет ее автор. — Отдельные разрозненные группы этой армии блуждали в лесах и по болотам и, в поисках пропитания, нападали на мирных жителей окрестных деревень.

Из донесений стало известно, что и сам командующий скрывался в волховских лесах. Германским солдатам были сообщены приметы генерала Власова. После одной из стычек с бродячей большевистской бандой разнёсся слух, что Власов был убит. Но слух этот не подтвердился. Германский офицер, выяснивший, что советский командующий жив, на обратном пути проезжал деревню, бургомистр которой сообщил ему, что в одном из домов скрывается большевистский командир и с ним какая-то женщина.

Офицер арестовал неизвестного. Последний был одет в длинную блузу, которую обычно носят чипы советского командного состава. Германский офицер сразу узнал Власова по роговым очкам, но топ; не дожидаясь вопроса, на ломаном немецком языке сказал:

— Не стреляйте! Я — генерал Власов.

Предъявленными им документами, а также очной ставкой с другими пленными командирами личность Власова была точно установлена.

Генерал-лейтенант Власов, Андрей Андреевич, и чине генерал-майора в декабре 1940 года командовал 99-й стрелковой дивизией, считавшейся лучшей дивизией Киевского Особого Военного Округа.

Готовясь к войне с Германией, советское командование заранее подобрало командный состав для Красной Армии. Генерал Власов, в начале войны командовавший дивизией, зимой получил в командование 2-ю ударную советскую армию, и на него было возложено выполнение важной операции. Он должен был прорвать линию германского фронта на Волхове, а затем разорвать кольцо, сжимающее Петербург. Задания этого Власову выполнить не удалось — армия его была уничтожена и сам он очутился в плену»^[171].

Не обращая внимания на пропагандистские трюки немцев, где явная

ложь смешана с правдой, отметим: в статье Власов подчеркнута назван командиром лучшей в Красной армии 99-й стрелковой дивизии!

Однако но каким именно причинам 99-я стала лучшей, можно только догадываться. Но ведь она никогда не была и худшей. С 1938 года по 1939 год этой дивизией командовал комбриг (затем комдив) Сергей Михайлович Честохвалов. После окончания Военной академии имени Фрунзе в 1934 году он был назначен сначала помощником командира 51-й Перекопской стрелковой дивизии, затем военным комиссаром Генштаба РККА (1937—1938 гг.).

Под его командованием 99-я стрелковая дивизия участвовала в походе 1939 года в составе Камепецкой армейской группы Украинского фронта под командованием командарма С.К. Тимошенко. В 1940 году Честохвалов будет выдвинут на должность командира 25-го стрелкового корпуса и станет генерал-майором. Но в отличие от Власова ему не повезёт. Сергей Михайлович пропадёт без вести 16 июля 1941 года в районе деревни Рибшево Смоленской области^{172}. И всё же «командир лучшей дивизии» Власов возник со страниц немецкой пропаганды как некая визитная карточка сдающихся в плен. В Красной армии почему-то меньше немцев знали такого генерала и такую дивизию. Зато сейчас многие исследователи козыряют этим фактом биографии предателя, совершенно не осознавая, откуда он вылез...

14 июля 1942 года Власова доставили на станцию Сиверская, в штаб 18-й армии, где он и был допрошен. Согласно Женевской конвенции, Андрей Андреевич был обязан сообщить только своё имя, воинское звание и наименование воинской части, которой командовал. Все остальные сведения сообщать он не был обязан. Однако про какие-либо конвенции малообразованный генерал ничего не знал, а потому рассказал немцам абсолютно всё, что знал. При этом старался зарекомендовать себя как можно более сговорчивым, угодливым и полезным. Что и подтверждает протокол его допроса^{173}.

Потом был Винницкий лагерь, где Власов скрашивал своё пребывание в нем «преферансом, приёмами высоких гостей, задушевными беседами и водкой»^{174}.

«Об этом его периоде жизни рассказал на следствии бежавший из гитлеровского плена батальонный комиссар Иосиф Яковлевич Кернес — постоянный партнёр генерала по преферансу, — пишет Павел Александрович Пальчиков. — В течение месяца они были вместе и почти каждый день расписывали “пульку”».

Судя по материалам уголовного дела Кернеса, Власов не хотел признавать себя побеждённым. Утверждал, что 2-я ударная армия высшим советским командованием была отдана на растерзание фашистам...

По словам Кернеса, в лагере Власов держался с достоинством, к немцам обращался без подобострастия: знал себе цену. Любил беседовать в обществе из пяти—восьми человек о своей службе в Красной Армии, о командировке в Китай, которая якобы спасла его от репрессий 1937—1939 годов. Отмечал, что не обижен в смысле своей карьеры, ибо очень быстро из командира дивизии и корпуса стал командующим армией и заместителем командующего фронтом, что путь от рядового бойца до командира соединения прошёл последовательно, не перепрыгивая через ступень.

В своих беседах Власов пытался найти хоть какие-либо оправдательные мотивы предательства. Все чаще заговаривал о том, что за многие годы службы в армии сумел накопить лишь несколько штанов да мундиров, приобрести самую посредственную домашнюю обстановку, в то время как соответствующие его рангу германские генералы имеют собственные виллы и крупные вклады в банках.

Однажды кто-то ему возразил, что “виллы” и старость себе и потомкам обеспечили многие из высшего генералитета — Ворошилов, Будённый, Кулик, Берия... В очень неплохих условиях до репрессий жили Тухачевский, Егоров, Дыбенко, Корк, Якир...

“О какой обеспеченной старости наших командиров можно говорить, — возмутился Власов, — если их могут в любой момент по одному подозрению, навету арестовать, а затем и расстрелять. И их настоящие заслуги перед Отечеством никто учитывать не будет. Другое дело — офицер германской армии, уважаемый, самостоятельный в своих действиях и обеспеченный крупной суммой накоплений и солидной пенсией при отставке!”

По предположению Кернеса, Власов, возможно, и не согласился бы возглавить РОА, если бы не один случай. Однажды во время традиционной игры в карты вошёл кто-то из новых партнёров и сообщил о приказе Сталина, объявлявшем Власова изменником Родины. Последний страшно возмутился: “Нет, вы только подумайте, как ценят людей в советской стране. Ни за грош заслуги! Десятки лет непорочной службы, а после пленения, в котором я совершенно не виновен и об обстоятельствах которого я готов отчитаться, меня поторопились произвести в изменники. У нас всё возможно, а уж врагом народа объявить могут и деревянный столб”»^{175}. А «3 августа 1942 года Власов обратился к немецким властям

с письмом, в котором предлагал приступить к созданию русской армии из советских военнопленных и белогвардейских формирований, находящихся на территории Германии...»^{176}. Терять ему уже, видимо, было теперь нечего!

В отличие от Власова другие советские генералы рассуждали иначе. Например, генерал Понеделин прекрасно знал, что объявлен Сталиным вне закона в приказе. В частности, он говорил подполковнику Новобранцу, «что там, в Москве, по-видимому, очень плохо знают, что происходило на фронте. Вернемся на Родину и во всем разберемся». В. Новобранец вспоминал: «Он рассказал мне, что немцы пытались склонять его на переход к ним на службу Понеделин ответил так, как должен был ответить мужественный и честный советский гражданин и воин:

— То, что я объявлен вне закона, — это наше семейное дело. По окончании войны народ разберется, кто изменник. Я был верным сыном Родины и буду верен ей до конца.

Фашисты грозили:

— Так и этак вы все равно погибнете: на Родине вас расстреляют, в плену вы тоже погибнете. Так не лучше ли служить нам?

— Нет, — отвечает генерал, — лучше смерть, чем измена!

Понеделин выдержал плен, был примером стойкости и мужества для всех пленных. Когда же вернулся на Родину, его арестовали. Вышел он из тюрьмы после XX съезда партии, по вскоре от многих испытаний заболел и умер»^{177}.

Власов «14 июля на допросе в штабе 18-й армии в Сиверской подробно разобрал ход боёв в июне 1942 г. на Волхове с командующим 18-й армией генерал-полковником Вермахта Г. фон Линдеманом, — считает историк из Санкт-Петербурга К.М. Александров. — Также перечислил номера армий фронта и фамилии их командующих, хорошо известные немцам. Кроме этого, охарактеризовал Мерецкова, Жукова и Сталина». А дальше у историка звучит вот такой перл: «Никаких секретных или ценных сведений противнику не сообщил»^{178}. То есть ничего не рассказал тот; кто рассказал всё, что знал. А тем более тот, кто «подробно разобрал ход боев в июне 1942 г. на Волхове с командующим» армией своего врага! Ничего себе заявление!

Дело в том, что Андрей Андреевич Власов военную присягу принял в феврале 1939 года. Это записано в его личном деле^{179}. А в тексте той новой присяги было чёрным по белому написано: «Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Словом, Власов в отличие от Александрова, который, видимо, не принимал никакой присяги, вполне знал, на что шёл. А когда ответил за это, то его постигли именно та суровая кара, именно та всеобщая ненависть и именно то презрение, о которых его предупреждала военная присяга. Так что не нужно сваливать с больной головы на здоровую, не нужно кивать ни на какие режимы и правительства, ведь речь идёт об обыкновенном законном обязательстве гражданина перед своим Отечеством, и не более.

Но и это ещё не всё.

«Я сжёг все мосты, связывающие меня с родиной, — жаловался Власов немецкому полковнику Гелену. — Я пожертвовал своей семьёй, которая сегодня в лучшем случае находится в лагере, а скорее всего, уничтожена»^{180}.

Поэтому он вполне сознательно предал не только своё отечество, но и

своих женщин, внебрачных детей и внуков.

Не зря после войны в народе ходил популярный анекдот:

«— Генерал Власов, почему вы перешли на сторону фашистов?

— Видите ли, всё зависит от окружения...»

Анна Михайловна Власова, официальная жена, была арестована в 1943 году и 5 лет отсидела в Нижегородской тюрьме. После освобождения работала в Балахне. Ходила по магазинам, морила крыс и мышей, собирала пустые бутылки. Жила неизвестно где, скиталась по баракам и сараям...

Агнесса Павловна Подмазенко — походно-полевая жена, также 5 лет провела в лагерях, а потом до 1959 года работала на Севере (Норильск, Дудинка). В мае 1963 года она устроилась на работу в Брестский областной кожно-венерологический диспансер, где оказалась отменным специалистом, и вышла на пенсию в 1991 году в возрасте 74 лет. 5 мая 1997 года она скончалась.

Из 300 домов села Ломакино, родины генерала Власова, на фронт ушли все мужики. Как вспоминает Василий Тулупов, домой вернулись всего пятеро, и все раненые. При этом никто из ломакинцев власовцем не стал. Все воевали честно^[181]. А значит, он предал и своих земляков.

Герой Советского Союза генерал армии Н.Г. Лященко в своих воспоминаниях отмечал цепкий ум Власова, хитрость, изворотливость, умение подчинять людей своей воле, говорить им то, что они хотели от него услышать...

Генерал-майор Д.И. Ортенберг писал, что Власов говорил много, грубовато острил, сыпал прибаутками. Худощавого мужчину высокого роста, в очках с тёмной оправой на морщинистом лице он назвал Артистом, который ведёт себя в соответствии с натурой.

Переводчик разведотдела штаба 20-й армии Г.Л. Рудой запомнил Власова высоким мужчиной со стрижкой «ежиком», в круглых очках в тонкой пластмассовой оправе, а ещё виртуозным матерщинником. Ходил Власов в валенках, стёганных ватных брюках и меховом жилете поверх гимнастёрки с генеральскими звёздами.

Монгольские скулы Власова, близорукие глаза за очками в огромной оправе — это первое впечатление поэта Е. Долматовского. Голенаст, костляв, молчалив и сдержан. При подчинённых позволял себе быть босым (словно демонстрируя плоские, давно не стриженные жёлтые ногти) и в расстегнутом кителе.

Офицер разведотдела 2-й ударной армии З.И. Гутин более двух месяцев по службе общался с Власовым. Он заметил его честолюбие и беспринципность. По его наблюдению, Власов заботился только о себе и о своей карьере. Даже принимая доклады подчинённых, будущий предатель позволял себе быть небрежно одетым (пуговицы мундира расстёгнуты или мундир накинут на плечи), а перед ним стоял подчинённый по стойке «смирно».

Особенно обращал на себя организованный со вкусом быт командующего. Зато когда армия оказалась в полном окружении, Власов как-то сразу растерялся и сник, практически потерял управление войсками.

Совершенно другим отмечал Власова Хрущёв. В Киеве в 41-м, докладывая обстановку, он показался ему спокойным и уверенным. Говорил, по мнению Никиты Сергеевича, со знанием дела.

Во второй раз Хрущёв заметил у Власова вырезанную трость из орешника, которой тот похлопывал себя по голенищу. Во время миномётного обстрела на вид держался вроде бы спокойно. Однако как-то сразу предложил во избежание неприятностей залезть в щель.

На одного из военных корреспондентов Власов произвёл любопытное впечатление. Обращали на себя самоуверенность и властность командующего 2-й ударной. При этом Андрей Андреевич стремился казаться человеком широкой души и демократом. На людях первым здоровался со встречными красноармейцами. Наград не носил (видимо, просто берёт их состояние, исходя из деревенского воспитания). Будущий предатель прекрасно понимал значение прессы, любил привечать журналистов и достаточно серьёзно заботился о своем имидже.

Писателя И. Эренбурга Власов изумил прежде всего ростом — метр девяносто, потом манерой разговаривать с бойцами — говорил оп образно, порой нарочито грубо и вместе с тем сердечно. Эренбург напишет о двойном чувстве: «Я любовался, и меня в то же время коробило — было что-то актерское в оборотах речи, интонациях, жестах».

В своих воспоминаниях Эренбург припомнит: «Мне принесли листовку, подобранную на фронте, она у меня сохранилась. В ней идёт речь обо мне: “Жидовская собака Эренбург кипитится”, подписана листовка “Власовцы”. Я вспомнил, как рослый генерал в бурке полгода назад при прощании меня трижды поцеловал...»

При этом никак нельзя забывать, что Андрей Андреевич терпеть не мог евреев. По наблюдению его адъютанта майора Кузина, командующий употреблял выражение «евреи атаквали военторг» и т.п. и ещё в 20-й армии буквально разогнал работников военторга, по национальности евреев. Андрей Андреевич любил повторять, что воевать будет кто-либо, а евреи будут писать статьи в газеты и за это получать ордена.

Недолюбливал генерал и комиссаров. Приезжая в дивизии, он с ними даже не разговаривал. А комиссары в отделах штаба армии просто боялись ему попадаться на глаза. Когда во фронтовой газете появилась карикатура на немецких генералов, то будущий предатель, рассматривая её, заявил: «Над кем смеетесь, над чем смеётесь? Немецкий генерал уйдёт в отставку, он дворником не пойдёт, ибо он имеет свой капитал, а если я, Власов, буду снят с работы и уволен, то мне придётся работать дворником, ибо специальности, кроме военной, нет, капитала тоже не имею».

По воспоминаниям Кузнецова, находясь один, Власов часто напевал «церковные богослужения». Был щедр на государственные средства на свои личные нужды и буквально экономил свои собственные средства. Отличался большим самолюбием. Некоторых подчинённых называл лодырями и дармоедами. Успехи его армии под Москвой буквально вскружили ему голову. После первой встречи со Сталиным Власов абсолютно всем рассказывал, как его принимал вождь, этим самым давая

понять великую поддержку. Теперь нередко в разговорах он употреблял новое выражение: «Могу с землёй смешать».

Автор книги о Власове Николай Коняев называет своего героя «чрезвычайно талантливым карьеристом, обладающим прирождённым даром очаровывать людей и при этом отличающимся завидной беспринципностью».

Говорят, одним из дежурных застольных выражений Власова в Германии у новых хозяев стали слова: «Водку кушать будем?!»

Неотвратимость наказания, которую он ощущал с момента перехода Красной армии государственной границы, вынуждала его всё чаще и чаще забываться...

В сущности, весь этот портрет Власова, составленный со слов знавших его людей, резюмирует документ, составленный 26 октября 1944 года сотрудниками Берлинского отделения (секция 4-Н) Тайной государственной полиции.

«...У него русско-народнический характер, он умён, с лёгким душком крестьянской хитрости. Он грубого и резкий, но в состоянии владеть собой. Оскорблений не забывает. Очень эгоистичен, самолюбив, легко обижается. В момент личной опасности несколько труслив и боязлив. Телом здоров и вынослив. Не особенно чистоплотен. Любит выпить. Переносит много алкоголя, но и тогда может владеть собой. Любит играть в карты. К женщинам не привязан. Дружбы с мужчинами не имеет. Человеческая жизнь для него малозначительна. Способен преспокойно выдать на повешение своих ближайших сотрудников. Особым вкусом не отличается. Одеваться не может. Может только различать старую и новую одежду. Способностей и интереса к иностранному языку не имеет.

Очень любит спорить, а войдя в азарт, может разболтать секреты. Однако это случается весьма редко. Может быть коварным, любит задавать заковыристые вопросы. Философию не любит. Его типично советское образование является поверхностным. К религиозным вопросам относится иронически и сам совершенно не верующ. К поставленной цели идёт неумолимо, в средствах при этом не стесняется. По тактическим соображениям может отказаться на некоторое время от проведения своих идей. К евреям относится не враждебно, ценит их как людей умных и пронырливых. Большой русский националист и шовинист. Принципиально настроен против разделения Великой России.

Его изречение: “Хоть по шею в грязи, но зато хозяин”.

Против коммунизма не по убеждению, а из личного безысходного положения и потому, что потерял личные позиции. Придерживается

мнения, что русский народ очень благодарен большевизму за многое хорошее. Советское воспитание оказало на него влияние. Будучи в Советском Союзе сравнительно не известен, получил отказ других советских пленных генералов сотрудничать с ним. Как командир хорош на средних постах (комдив), а на более высоких постах считается сравнительно слабым. Хороший тактик, средний стратег...»^{182}.

«Конечно, чужая душа потёмки; всё же я осмелюсь изложить мои догадки. Власов не Брут и не князь Курбский, мне кажется, всё было гораздо проще. Власов хотел выполнить порученное ему задание: он знал, что его снова поздравит Сталин, он получит ещё один орден, возвысится, поразит всех своим искусством перебивать цитаты из Маркса суворовскими прибаутками. Вышло иначе: немцы были сильнее, армия снова попала в окружение. Власов... испугался... Оказавшись в плену, он начал думать, что ему делать. Он знал хорошо политграмоту, восхищался Сталиным, но убеждений у него не было — было честолюбие. Он понимал, что его военная карьера кончена...» — точно подмечает детали предательства Власова И. Эренбург^{183}.

А ведь так оно и было на самом-то деле!

На допросе в контрразведке Смерш Власов расскажет, как в декабре 1942 года его куратор капитан вермахта Штрик-Штрикфельд организовал ему встречу в отделе пропаганды с генерал-лейтенантом Понеделеным — бывшим командующим войсками 12-й армии.

«В беседе с Понеделеным на мое предложение принять участие в работе по созданию русской добровольческой армии последний наотрез отказался, заявив, что немцы только обещают сформировать русские части, а на самом деле им нужно только имя, которое они могли бы использовать в целях пропаганды, — говорил Андрей Андреевич следователю. — Тогда же я имел встречу с генерал-майором Снеговым — бывшим командиром 8-го стрелкового корпуса Красной Армии, который также не согласился принять участие в проводимой мной работе, мотивируя свой отказ боязнью за судьбу своих родственников, проживающих в Советском Союзе.

После этого Штрикфельд возил меня в один из лагерей военнопленных, находившийся под Берлином, где я встретился с генерал-лейтенантом Лукиным — бывшим командующим 19-й армией, у которого после ранения была ампутирована нога и не действовала правая рука.

В присутствии немцев Лукин высказался враждебно по отношению к Советскому правительству, однако после того, как я изложил ему цель своего приезда, он наедине со мной сказал, что немцам не верит, служить у них не будет, и моё предложение не принял.

Потерпев неудачу в беседах с Понеделеным, Снеговым и Лукиным, я больше ни к кому из военнопленных генералов Красной Армии не обращался»^{184}.

Сам генерал-лейтенант Лукин об этой встрече поведал корреспонденту «Огонька» спустя два десятилетия: «В один из январских дней 1943 года ко мне явился генерал-предатель Власов. Его сопровождал фашистский майор...

Власов был в длинном пальто, которое делало его еще выше и сутулее, чем на заседании Военного совета Наркомата обороны в начале сорок первого, когда я видел его в последний раз. Он встретил меня стоя. Щёлкнул каблуками и приложил руку к полям фетровой шляпы на немецкий манер. Потом вытащил из кармана бумагу и театральным жестом протянул ее мне: “Прошу вас прочитать, господин генерал!”

Не отвечая на его приветствие, я молча взял бумагу и стал читать. Это

было так называемое “Воззвание к русскому народу”...

— Ну и что? — спросил я, кончив чтение.

— Прошу подписать эту бумагу! — торжественно провозгласил Власов. — Вам доверяется высокая честь — быть командующим РОА!

— Вот что, Власов, — сказал я громко, чтобы меня слышали в соседней комнате, в которой, как я знал, собирались мои товарищи по плену, генералы и старшие офицеры Советской Армии. — Вот что, Власов... Меня теперь уже не интересует вопрос, каким способом ты получил партийный билет и для чего ты его носил. В моих глазах ты просто изменник и предатель, и та шайка отщепенцев, которую ты наберешь под свое бесславное знамя, тоже будет не армией, а сборищем предателей... Ты вше скажи, Власов, как ты свой народ обманул?!

— Советы мне не доверяли! — пробормотал Власов, отводя от меня глаза. — Я был в загоне.

— Врешь! До войны ты командовал девяносто девятой дивизией. Потом принял корпус. В сорок первом армию получил! Какое же тут недоверие? А если бы и не доверяли, разве это оправдывает измену Родине?

— Меня в Смоленске на улицах встречали!

— ...в Смоленске выгоняли палками людей на улицу тебя встречать! Как ты мог в глаза смотреть этим женщинам и детям? Откажись, пока не поздно, от своего предательского дела!

— Вот видите, — сказал Власов, обращаясь к майору. — Видите, с какими трудностями мне приходится сталкиваться при формировании армии. А вы мне не верили! Я предлагал генералу Снегову, генералу Понеделину, генералу Карбышеву... Вот видите, теперь и Лукин отказывается!»^[185].

Чтобы понять, почему Власов щелкал перед Лукиным каблуками и так приветствовал его, достаточно ознакомиться с биографией этого чрезвычайно мужественного и незаурядного человека.

Итак, Михаил Федорович родился в 1892 году (был старше Власова на 9 лет).

В Первую мировую войну командовал ротой в звании поручика и был награжден тремя орденами. В Гражданскую войну: командир запасного батальона, помощник начальника штаба стрелковой дивизии, командир стрелкового полка и бригады 37-й стрелковой дивизии, начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии, затем в 11-й Петроградской стрелковой дивизии — командир 94-го стрелкового полка, затем 33-й стрелковой бригады.

Был ранен, контужен и за отличия в боях награжден 2 орденами

Красного Знамени.

В межвоенный период Лукин был начальником 92-х пехотных курсов, помощником командира 23-й стрелковой дивизии, начальником штаба 7-й стрелковой дивизии, начальником строевого отдела штаба УВО, начальником 1-го отдела в Главном управлении РККА, командиром 23-й стрелковой дивизии.

С 1935 г. он — комендант Москвы, с 1937 г. — заместитель начальника, затем начальник штаба, а с декабря 1939 г. — заместитель командующего войсками СибВО. С июня 1940 г. — командующий 16-й армией СибВО.

Военное образование Михаил Федорович получил следующее:

1916 г. — 5-я Московская школа прапорщиков;

1918 г. — курсы разведчиков при Полевом управлении Штаба РККА;

1925 г. — КУВНАС при Военной академии им. М.В. Фрунзе;

1931 г. — КУВНАС при Военной академии им. М.В. Фрунзе.

С начала войны генерал-лейтенант (1940 г.) Лукин продолжал командовать 16-й армией в составе резерва Ставки (с середины июля — Западного фронта).

В течение второй половины июля соединения его армии вели тяжёлые бои на подступах и на окраине Смоленска.

2 августа войскам армии удалось прорвал» кольцо окружения, выйти к Днепру, переправиться на левый берег и соединиться с основными силами фронта.

8 августа в ходе Смоленского сражения М.Ф. Лукин был назначен командующим 20-й армией этого же фронта, а с 10 сентября — командующим 19-й армией Западного фронта. 14 октября при выходе из окружения генерал Лукин был тяжело ранен и попал в плен^{186}.

Такую личность, как Михаил Фёдорович Лукин, противопоставлять Власову было бы по меньшей мере не этичным, однако мне это придётся сделать ради одного — понимания истинного отношения русских людей к измене. В немецком плену, безусловно, все вели себя по-разному. Но генерал Лукин был одним из редких и исключительных примеров стойкости и мужества в неволе. Передо мной его письмо из плена сестре, А.Ф. Лукиной, написанное им 10 июня 1943 года. Его невозможно читать без содрогания, но оно того стоит...

«Дорогая Шуручка!

Письмо твоё с оказией получил 4 июня, посланное тобой по почте я не получил. Ты, конечно, представляешь, сколько радости мне доставило твоё письмо; читая его, слёзы радости и умиления лились ручьём; ведь мало, что

оно от тебя, оно из родных краёв! Письмо я выучил наизусть. Я очень рад, что ты и твоё семейство живы...

Очень и очень жаль, что тебе не удалось получить ответа от моей мамуси. Где она теперь и как живет с моей дочуркой и старушкой Маней. 13 июня исполнится 2 года, как я покинул их. Ведь Юлечке в ноябре исполнится 16 лет — оставил её девочкой, а теперь взрослая девушка. Мысль о них причиняет мне острую боль, относительно их жизни строю всевозможные картины, одна другой ужаснее и больше всего страшусь мысли, как бы они не попали туда, где большая Шура, или в другое подобное место. От одной этой мысли сердце останавливается, кровь леденеет и разум мутится. Ведь, кроме Родины и моего народа, это самые близкие и родные мне существа. Дорого бы я заплатил, чтобы знать, что они живы и здоровы и вспоминают своего несчастного калеку папуся. Немцы написали в газетах, что ген.-лейт. Лукин, командующий 19 ар., взят в плен, но не написали, в каком состоянии. Обрадовались, что взяли мой труп! А раз в газетах написали, значит, знают и наши, и это может послужить основанием для репрессии моей семьи. Родная Шурочка, я ведь чист перед своей Родиной и своим народом, я дрался до последней возможности и в плен не сдался, а меня взяли еле живого. Моя мамуся не поверит, чтобы я, цел и невредим, мог сдаться в плен врагу, как это сделали многие генералы, она знает, как я честен в этом. Шурочка, ты знаешь, какой патриоткой оказалась моя мамуся. Я искренне ей горжусь. Выходя из первого Смоленского окружения, 2 августа 41 г. при переправе через р. Днепр, я получил перелом кости в ступне левой ноги и целых 7 недель не мог встать на ногу. Мне никто не предложил эвакуироваться, хотя Тимошенко и Булганин были у меня и видели, в каком состоянии я нахожусь. Самому просить было как-то стыдно, и поле боя я не оставил, хотя и имел все основания на поездку в тыл. Написал мамусе, и вот её ответ: “Родной мой папочка, если есть возможность остаться на фронте, как бы мне ни хотелось тебя видеть, оставайся. Я знаю, как нужны такие командиры, как ты; с презрением смотрю на людей, которые из личного благополучия устраиваются в тылу”. Вот какая моя мамуся! А как она была рада, как она гордилась мною, когда узнала, что я один из первых командующих армией был награждён орденом (это 4-м по счёту). Моя армия не была разбита, пр-к нигде не прорвал фронта моей армии. Моя армия была окружена под Вязьмой по вине моих соседей и, больше всего, по вине моего старшего н-ка, который неправильно меня информировал о положении на фронте и вовремя не дал мне приказа отступить. У меня не осталось ни одного снаряда, не было горючего в машинах, с одними

пулемётами и винтовками пытались прорваться. Я и к-ры моего штаба все время находились в цепи вместе с красноармейцами. Я с группой мог уйти, как это удалось сделать некоторым частям моей армии, но я не мог бросить на произвол, без командования большую часть армии. Мне были дороги интересы общего дела и моей армии, а не личная жизнь, когда прорваться не удалось, я, взорвав всю артиллерию и уничтожив все машины, решил выходить из окружения небольшими группами.

Родная Шурочка, каждый взрыв орудия и пламя горящих машин больно отзывались в моем сердце! Но я был горд сознанием, что ничего в целостности врагу не оставлю. Блуждая по лесам, в поисках выхода, 12 октября я был ранен в правую руку пулей. Рана пустяшная, на первый взгляд, кость не задета, но перебиты два нерва. Окружающие меня к(оманди)ры штаба в панике разбежались, оставив меня, истекающего кровью, одного. Бинта при нас не оказалось. Кровь лилась ручьём, остановить ее не могу, а шагах в 200 приближаются немцы. Первая мысль — бежать. Встал, сделал несколько шагов — упал из-за слабости (много потерял крови, от большой ходьбы левая нога болеть начала, еще не зажила как следует, несколько суток подряд не спал совершенно и в последние дни ничего не ел). Мелькает мысль: плен, но от нее прихожу в ужас. С быстротой молнии работает мозг. Перед глазами вереницей проходят мои родные и дорогие: мамуся, старушка мать, которую я много раз как сын обижал, дочурка Юлечка и все, все. Тяжело. В глазах муть. Хочется лечь и уснуть. Боль ноющая, глухая. Стрельба, всё усиливаясь, приближается. Совсем почти рядом рвутся снаряды, над головой непрерывно свищут пули. Стараясь преодолеть слабость, боюсь, как бы не заснуть. Мозг продолжает усиленно работать. Пытаюсь достать левой рукой револьвер из кобуры, думаю, живой не сдамся, последнюю пулю себе. Все попытки вынуть револьвер не удаются. Правая рука повисла, как плеть. Вдруг из кустов подошли две девушки санитарки, но у них не оказалось бинтов — все израсходовали. Наскоро сняли шинель, разрезали рукав кителя, оторвали от моей рубашки тряпку и перевязали. Взяли меня под руки и повели. Надо было уходить, немцы приближались. Сделал шагов 20—30, идти не могу. Положили меня на походную палатку и волоком потащили по земле. Спустились в овраг с кустарником, из ручейка напоили меня водой. Напившись, почувствовал прилив сил, пошли. Не прошли и 5 шагов, как я снова был ранен осколками снаряда: в правую ногу, выше колена, и в икру. Я упал. К счастью, девушки остались невредимыми. Дальше идти не могу, прошу их достать мне револьвер, чтобы покончить расчеты с жизнью, но оказалось, что мы револьвер оставили в суматохе на том месте, где они меня перевязывали.

Немцы опять близко, в кустах слышна их гортанная речь. Прошу, умоляю, приказываю им оставить меня, а самим спастись. Но милые, родные русские девушки, совсем ещё девочки, и слышать не хотели, даже обиделись: “За кого вы нас считаете!” Не бросили они своего истекающего кровью генерала, не уподобились горе-шкурникам, командирам моего штаба, а с нечеловеческими усилиями понесли меня. Подошел ген. Андреев. Встретился со своими, у которых оказались продукты, поел. Часа три уснул. Снова стрельба, и снова уходили. Бродили ещё 2 суток. Ходить дальше нет сил. Чувствую, что становлюсь обузой окружающим. Мысль о самоубийстве не покидает меня, думаю, рано или поздно придётся это сделать. На сердце тяжело. В одном небольшом лесу встретили нач(альника). О(собого) О(тдела) 24 армии Можина (мамуся его знает по Новосибирску), он тяжело ранен, ходить не может, лежал в землянке уже дней 5, сказал, что он послал верного человека через фронт к своим, чтобы прислали за ним самолёт, уговаривает и меня остаться с ним. Мелькнул луч надежды на спасение. Поели. Начали засыпать. Снова стрельба. 3 генерала, которые были со мной, выбежали посмотреть. Прошло минут 5 — не возвращаются, а стрельба уже совсем близко. Я решил уходить. Только я вышел из землянки с большим трудом, как шагах в 50 показались немцы. Выстрел, и я снова ранен в колено, и опять в правую ногу разрывной пулей. Упал. Мой сапог быстро наполнился кровью. Чувствую, начинаю терять сознание. Силы оставляют меня. Прошу находившихся кр-цев пристрелить меня, пока не подошли немцы, говорю им, что я всё равно больше не жилец и что этим они избавят меня от позора быть в плену. Никто не решился. Проходят не минуты, а какие-нибудь секунды, и за эти секунды успел посмотреть почти всю прошлую жизнь. Мамусю, маму, Юлечку, Маню видел в этот момент, как живых, склонившихся надо мной. И стало так мне легко на сердце, боли не чувствую. Помню ещё, как подошли немцы и начали шарить по карманам. Потерял сознание. Пришёл в себя на вторые сутки. Не понимаю, где нахожусь. Боли нет, ещё действовал наркоз. Входит врач, открывает одеяло. Вижу, нет правой ноги. Всё стало ясно: я в плену в немецком лазарете. Мозг начинает работать лихорадочно: плен, нет ноги, правая рука перебита, моя армия погибла. Позор! Сильные душевные муки. Жить не хочется. Наконец появляются физические боли, ужасные боли. Температура выше сорока. Не сплю несколько суток. Наяву галлюцинирую. Переезд в г. Вязму, из Вязмы в Смоленск на грузовой 5-тонной машине 200 км, дорога ужасная. В машине не только трясёт, а подбрасывает. Боли нестерпимые. Хочу одного: или потерять сознание, или умереть, лишь бы не чувствовать боли. 3 ноября, я в Смоленске, в русском

госпитале для пленных. Мороз 30 градусов. Госпиталь не отапливается, оборудован примитивно, переполнен до отказа, больные валяются кучами везде, даже все коридоры заняты, а раненые всё прибывают тысячами, медикаментов острый недостаток, уход очень плохой, хотя медперсонал весь русский из военноплен., питаемся супом из неочищенной картошки без мяса и жиров и вареной рожью, смертность доходит до 150 чел. в день. Боли ужасные, хочется кушать. Забыл, когда спал, снотворных, медикаментов нет. Отношение кр-цев и некоторых командиров явно враждебное к “старшим начальникам”. Говорят, продали их. Политработников и евреев выдают немцам, а с ними расправа короткая. Обидно! К физической боли присоединяется нравственная боль, а эта в тысячу раз хуже физической. Приходит комиссия международ. Кр. Креста, шведы и швейцарцы, осталась довольна. На наш вопрос, почему так плохо обращаются с ранеными, отвечают: “Ваше правительство отказалось подписать конвенцию о пленных, немцы делают всё, что в их силах и возможностях, вас — очень много”. Спасибо и на этом.

3 декабря. Положение моё почти безнадежное. Жду смерти, а умирать назло теперь не хочется, хочу жить, правда, жалею, что не был убит на поле боя, а теперь хочу жить. Приходят немецкие врачи и переводят меня в немецкий госпиталь. В комнате нас два генерала. Чистая постель, тепло, кормят хорошо, хорошо — это по-немецки, а по-нашему — сносно, хорошо как для пленного уход и лечение. К нам никого не допускают, тайком приходят немецкие раненые солдаты, приносят сигареты, конфеты. Сестра — сварливая ведьма даже для своих раненых, а ухаживает хорошо. Рана начинает заживать. Наши часто бомбят Смоленск.

3 февраля 42 г. переезд в Германию. Мороз 30—40 градусов. Товарные вагоны. Лагерь для пленных, госпиталь русский. Хлеб из бураков с примесью древесных опилок и какой-то части муки, брюква, макароны, овсянка, нечищенная картошка, дают немного маргарина и две ложки сахару в неделю. Жить можно, чтобы не умереть. Большинство больных опухшие и до последней степени истощённые, настоящие скелеты. Тиф. Смертность ужасающая. Рядом с нами лазарет и лагерь: отделённые от русских проволокой английские, французские и сербские пленные. Там другой мир. Их кормят несравненно лучше, обращаются с ними хорошо. Их правительства и междун. Кр. Крест присылают им посылки: всевозможные консервы, бисквиты, какао, кофе, шоколад, табак, обмундирование, и получают из дома, и пишут родным письма. Большинство из них никогда дома так не кушали, как едят в плену. Никто из них от голода и побоев не умер. Все они ненавидят и ругают немцев, ждут, чтобы русские пришли и

их освободили, но у себя советской власти не хотят. Сами не воевали как следует и не воюют теперь, а хотят, чтобы русские за них кровь проливали. Сволочи! Ненавижу их, в особенности англичан и французов! Сербь не прочь иметь у себя и советскую власть.

22 апр. 42 г. французский врач делал операцию руки (русс. врач отказался — неопытный, выпуска 40 г.). Прошло 14 месяцев, со времени операции, а рука в таком же положении, как и была после ранения. Я ею не могу писать, ни ложку взять, папиросу держать не могу, застегнуться тоже не могу. Значит, операция прошла неудачно. Немцы лечить не хотят. После полутора лет непрерывного лежания начал ходить на костылях. Очень неудобно: нет правой ноги и не работает правая рука. Метров 500 могу пройти и то ощущаю огромную радость: я хожу! Рана на ноге зажила, были осложнения: выходили осколки от снаряда, осталось два маленьких осколка. С 4 июня я в лагере пленных. Волосы на голове большую часть седые. (Я с конца 39 г. ношу причёску, ты меня с ней не видала.) Уже 5 мес. как ношу усы, говорят, очень приличные, буденновские. Бороду не отпускаю, вся седая. Вот и всё про свою жизнь, конспективно, конечно...»^{187}.

Мало кто сегодня знает о том, что генерал Лукин чудом избежал ареста в период репрессий. Как уже упоминалось выше, с 1935-го по 1937-й он был комендантом Москвы. Его лично знали Сталин и Ворошилов. А в 1937 году «за притупление классовой бдительности и личную связь с врагами народа» Михаил Фёдорович получил по партийной линии строгий выговор с занесением в учетную карточку, был снят с должности военного коменданта столицы и отправлен заместителем начальника штаба СибВо. «И вдруг в 1938 г. его по доносу Мехлиса вызывают в Москву, в Комиссию партийного контроля. И бывает же так в жизни — Лукин случайно в коридоре ЦК встретил Ворошилова и рассказал ему о том, в какую передрыгу попал. И Ворошилов прямо при Лукине позвонил одному из руководителей КПК: “Товарищ Ярославский, я знаю Лукина давно, с Гражданской войны. Это честный коммунист; и то, что вокруг него происходит, это—недоразумение. Прошу вас внимательно разобраться, и если он не виноват, написать об этом в округ”. Лукин позднее рассказал своей дочери: “Положив трубку, Климент Ефремович долго расспрашивал меня о положении в округе, потом вдруг сказал: “У меня уже третий раз просят санкции на ваш арест”. А тогда Ярославский прислал письмо в Новосибирск, будущий командарм Великой Отечественной войны был спасен...» — пишет О. Сувениров^{188}. Тогда его Бог, что называется,

миловал.

В апреле 1945 г. генерал Лукин был освобождён из плена американскими войсками и до 25 мая находился в Париже, а с мая по декабрь 1945 г. проходил проверку в органах Смерша в Москве.

В ходе проверки по делу Лукина было установлено следующее: «... Показал, что в октябре 1941 года в районе Вязьмы при попытке выхода из окружения был тяжело ранен и захвачен немцами в плен.

Показаниями арестованных Главным управлением “Смерш” одного из руководителей НТСНП белоэмигранта Брунста, изменника Родины Власова и бывшего начальника курсов мл(адпшх) лейтенантов 33-й армии Минаева устанавливается, что Лукин, пребывая осенью 1942 года в лагерях военнопленных в городах Цитенхорст и Выстрау, проявлял антисоветские настроения по вопросам коллективизации сельского хозяйства, карательной политики Советской власти и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Лукин, будучи допрошен по этому вопросу, отрицает преступную связь с этими лицами и проводимую им антисоветскую деятельность.

В результате ранения у Лукина парализована рука и ампутирована нога».

Как утверждают Л.Е. Решин и В.С. Степанов, «речь шла о том, что, находясь в бараке в обществе друзей по несчастью, Михаил Фёдорович искал объяснение причин поражения советских войск в начальный и последующие периоды войны.

В сотнях томов следственных дел, заведённых на советских генералов и офицеров — действительных и мнимых предателей, — не содержится и намёка на сотрудничество генерала Лукина с гитлеровцами или их пособниками. Он был верен своему солдатскому долгу, несмотря на негативные высказывания о колхозах или о репрессиях. Об этом говорили на допросах все, от офицера-патриота до предателя Власова...»^{189}.

После проверки генерал Лукин был возвращён на действительную военную службу в Красную армию и зачислен в распоряжение ГУК НКО, а в ноябре 1946 г. уволен в запас.

За страдания плена, за преданность своему Отечеству Бог подарит ему ещё целых 24 года жизни. 25 мая 1970 года Михаил Фёдорович скончался в Москве, прожив более 77 лет.

А 1 октября 1993 года ему вполне заслуженно присвоят звание Героя Российской Федерации^{190}.

Только такой русский человек и генерал, будучи инвалидом, мог

написать из неволи, в сущности, простые и одновременно великие слова: «Вот только здесь, на чужбине, в неволе, начинаешь по-настоящему чувствовать, что такое Родина. Какой она кажется милой, родной, что лучше сё нет ни одного уголка на всём земном шаре. А эта родина и мой народ переживают ужасную трагедию. Как хочется вступить ногой на родную землю, растянуться на ней и целовать каждый её вершок. Как хочется, чтобы мой народ не переживал ужасов войны и зажил спокойно. Ни на один момент не поколебалась вера в конечную нашу победу, наш великий народ не может погибнуть; взойдёт заря пленительного счастья и для него. За свою Родину, за мой народ я, калека, готов отдать каплю за каплей свою кровь вновь, а если нужно, то и саму жизнь! Родина и свой народ — это пока всё!»^{191}.

Не потому ли, размышляя о предательстве генерала Власова, И. Эренбург после войны напишет: «Можно ли ответить на вопрос: что такое человек, на что он способен? Да на всё, решительно на все. Может низко пасть, как пал Власов, может и подняться так высоко, что об этом не расскажешь. Я часто думаю, как различны люда, выросшие на одной земле, ходившие в те же школы, повторявшие те же слова. Именно поэтому я решил рассказать о Власове...

Птицы летают, рептилии ползают. А человек не только всеядное существо, он воистину всеуш — он и парит высоко, и умеет пресмыкаться; это известно всем, а привыкнуть к этому нельзя, это всякий раз поражает не только ребёнка, но и старого человека, казалось бы, давно потерявшего дар удивления»^{192}.

А теперь скажите, разве мог Власов стать «агентом влияния» или полководцем?

Нет! Он только и мог стать предателем, оставаясь посредственностью в роли свадебного генерала, каким всегда и являлся. Другого предназначения у него никогда не было.

К сожалению, сегодня его именем продолжают будоражить умы, вновь и вновь расшатывая извечные общечеловеческие законы, по которым предатель, изменник всегда и во все времена будет оставаться таковым. Для чего это делается, лично мне понятно. Но ложь — это не история. На ней мы снова можем «заехать не в ту степь», как это было уже не однажды. Ибо бесконечное сотрясение воздуха иногда приводило к потрясениям России... Врагов у неё сегодня, как всегда, в избытке, и особенно среди тех, кто её никогда не защищал!

ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА ИЛЬИНСКОГО

Он шёл знакомой ему дорогой, которой ходил по меньшей мере десятки раз. Когда они приехали сюда с родителями и сестрой, то старший брат, показывая город, поведал, что в семнадцатом веке её называли Крапивенской, в восемнадцатом — Киевской, и только после революции в 1918-м её переименовали в улицу Коммунаров. Из новых зданий он увидел лишь кинотеатр «Центральный», который открыли в декабре 1951 года. Эта улица Тулы всегда считалась одной из наиболее красивых и значительных. Что и говорить про приезжих, если сами старожилы гордились её великолепными постройками, пестрящими «современной монументальностью и старинной оригинальностью». Что называется, «ни дать ни взять»!

Когда-то он прочитал в словаре Владимира Даля, что означает слово «Тула»: скрытное, недоступное место, затулье, притулье для защиты, приюта или для заточения.

Нет, он не верил в последнее или не хотел верить. Война, разделившая его жизнь надвое, научила многому... В парке культуры и отдыха у него должна была состояться встреча с сестрой. И всё же какие-то сомнения были. Родную сестру Валентину он нашёл только с третьей попытки в октябре 1952 года. Она прекрасно знала о его работе в немецкой разведке и сразу же предложила сдать её «органам». Помогать родной человек категорически отказался. Так, ни о чём не договорившись, Борис и Валентина решили встретиться ещё раз.

Он шёл достаточно медленно, профессионально вглядываясь в лица прохожих, как вдруг раздался негромкий, но повелительный голос: «Гражданин, предъявите ваши документы».

Это было настолько неожиданно, что он всё-таки растерялся. Во рту как-то нехорошо пересохло, застучало в висках... И он всё понял: она сдала его!

В Тулу они переехали из Горького в 1927 году, когда ему было уже 16 лет. Старший брат был в этом городе не последним человеком. С 1932-го по 1937 год Александр Николаевич Ильинский возглавил здесь знаменитую школу оружейных техников, то есть стал ее начальником и военным комиссаром. После аттестации с введением персональных военных званий ему присвоят высокое звание «бригадный комиссар». Известно, что за время своего существования ТОНН провела 17 выпусков и дала войскам 1596 оружейных техников кадра и около 600 запаса. 16 марта 1937 года её переименуют в Тульское оружейно-техническое училище (ТОТУ) имени Тульского пролетариата.

Не без помощи старшего брата Борис Ильинский поступит в фабрично-заводскую школу при Тульском оружейном заводе и с 1929 года останется здесь работать слесарем.

Через три года по «комсомольской путёвке» он поедет в Ленинград поступать в Школу связи ВМС РККА. К слову сказать, в мае 1932 года Революционный Военный совет СССР принял очередное постановление «О кадрах командного состава ВМС РККА и о расширении военно-морских учебных заведений». Именно этот документ и определил начало формирования в Ленинграде при Военно-морском инженерном училище им. Ф.Э. Дзержинского Школы связи для подготовки «начальствующего состава связи». Для начала новому учебному заведению передали все помещения третьего этажа восточного крыла здания Главного Адмиралтейства — от башни Адмиралтейства до Дворцового проезда и бокового фасада.

Всего на первый курс Школы при штате в 100 курсантов были набраны 109 человек, которых распределили по четырём группам: радиотехническое отделение — 25 человек, телемеханическое отделение — 40, гидроакустическое отделение — 10 человек и отделение проволочной связи — 27 человек.

В следующем году курсант Ильинский ещё не раз пожалел о поступлении в это учебное заведение. В феврале, согласно директиве начальника ВМС РККА, все четыре отделения были сведены в одно командное, правда, и срок обучения увеличивался до трёх с половиной лет, с началом обучения 1 октября и выпуском 1 апреля. Но зато какое образование получали выпускники по меркам тех лет!

В марте 1933-го пришла еще одна новость: 29-го числа был подписан приказ начальника ВМС РККА о преобразовании Школы связи в самостоятельное учебное заведение — училище связи ВМС РККА. А с июня по сентябрь Ильинский и его товарищи проходили практику на линейном корабле «Октябрьская революция» и в Кронштадтском районе Службы наблюдения и связи Морских сил Балтийского моря.

1 октября только 87 курсантов, полностью сдавших зачёты и испытания по 1-му теоретическому курсу и летней практике, были переведены на 2-й курс обучения. К этому времени училищу предоставили отдельное здание в квартале Адмиралтейства — в самом торце Азовского переулка.

В январе 1934 года курсант Ильинский на зачётной сессии отчитывался по знанию математики, военной сухопутной тактики, истории народов СССР и по дисциплине «Электротехника», сдавал зачёт по технологии электрических материалов, проволочной связи и теории переменного тока.

В сентябре этого года училище наконец-таки получило здание краснофлотских казарм на Екатерининском проспекте, 22, где была полностью развёрнута учебно-лабораторная база.

Выпуск Бориса Ильинского стал первым в училище. И 5 ноября 1936 года 72 новоиспечённых морских связиста в одном строю с выпускниками других училищ были построены в Ленинградском доме Красной Армии.

Направление по распределению перспективный флотский командир Ильинский получил на службу в Штаб военного Черноморского флота в Севастополь. Уже через два года его, что называется, заметили и направили на разведывательные курсы Наркомата обороны в Москву, где он достаточно успешно изучил тонкости агентурной разведки и радиоразведки. Теперь его назначили на весьма ответственную работу — помощником информационного отделения разведывательного отдела Черноморского флота.

Но блестящая карьера молодого офицера едва не оборвалась на взлёте. Осенью 1938 года был арестован его брат; Александр Николаевич Ильинский. Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 7 октября 1938 года ему дали 15 лет исправительно-трудовых лагерей. Естественно, с такими родственными связями работал в разведке Борис Ильинский не мог, и его переводят в Одессу на должность командира роты.

По одним данным, вскоре с Александра Ильинского все обвинения были сняты, и его освободили. По другим, судьба старшего брата Бориса так и не установлена до сих пор. И тем не менее вскоре Борис Ильинский

вновь возвращается в разведотдел Черноморского флота и сразу же после начала войны назначается на должность начальника 2-го (информационного) отделения. Находясь в этой должности, капитан-лейтенант Ильинский также исполняет обязанности помощника оперативного дежурного Штаба Черноморского флота по разведке.

В 1942 году он, что называется, «канет как в воду». Его интенсивные поиски приведут к весьма неоднозначным выводам. Не потому ли в различных фондах Центрального военно-морского архива до сих пор можно прочитать следующие записи: «Ильинский Борис Николаевич. Дата рождения: 1911 г. Место рождения: Горьмовская область г. Канавино. Дата и место призыва: 1932 г. Последнее место службы: ЧФ, развед. отдел. Военное звание: капитан-лейтенант. Причина выбытия: пропал без вести. Дата выбытия: 03.07.1942 г.».

«Ильинский Борис Николаевич. Дата рождения: 1911 г. Последнее место службы: ЧФ 2 отделение РО. Военное звание: капитан-лейтенант. Причина выбытия: перешёл на сторону врага. Дата выбытия: не позднее 08.06.1943 г.».

Следует отметить, что там же есть и другие записи: «Причина выбытия: убит. Дата выбытия 06.1942 г.». «Причина выбытия: измена Родине. Дата выбытия не позднее 08.06.43 г.».

В современной книге памяти Нижегородской области (том 15) о нём записано более чем странно: «Ильинский Борис Николаевич. Дата рождения: 1911. Дата выбытия: 1945...»

Чудеса, да и только!

Пройдут десятилетия, прежде чем люди узнают, что город Севастополь оказался самой неприступной крепостью мира в годы Второй мировой войны. Германская армия никогда до этого не сталкивалась с обороной такой силы, с таким массовым героизмом и самопожертвованием.

«Весь город был объят пламенем пожаров, то и дело слышались разрывы авиационных бомб и тяжёлых снарядов, — напишет в своих мемуарах Иван Фёдорович Хомич. — Огня уже никто не тушил, да и тушить его было невозможно. Матери, прижав малышей к груди, с маленькими узелками искали укрытий; мужчины, подобрав винтовку или автомат убитого бойца, размещались в больших воронках и вели огонь по врагу. Старики и старухи прятались в катакомбах, пещерах города. Всё делалось молча, без криков, казалось, людей покинул страх. К нашим окопам подходили, подползали мужчины, женщины, даже подростки с одной просьбой:

— Товарищ, дай патрон или гранату.

Но боеприпасы кончались и у нас. Оставалась неизменной только стойкость да воля к победе».

А утром первого июля 1942 года в разрушенный город вступили немцы...

Теперь начиналась агония осажденного Севастополя...

Как отмечают очевидцы, накануне, то есть в течение 30 июня, шла скрытая работа по подготовке списков на эвакуацию. В первую очередь ей подлежали высшее командование и командный состав, от командира полка и выше, а также ответственные партийные и государственные работники города. В первоочередном списке значилось: от Черноморского флота 77 человек, от Приморской армии 78 человек.

Вечером этого же дня Москва подтвердила добро на выезд руководящего состава из Севастополя.

Для эвакуации выдавались посадочные талоны отдельным людям по спискам. Как отмечали очевидцы, среди связистов таких оказалось больше из-за того, что они обслуживали флагманский командный пункт: Такой талон получил и Борис Ильинский. Это была действительно его последняя надежда. Официально эвакуация началась с 21.00 все того же 30 июня.

Поочерёдно с интервалом по времени заходили на посадку на Херсонесский аэродром двухмоторные транспортные самолёты «Дугласы».

После посадки они не глушили моторов из-за периодического обстрела аэродрома и сразу же после выгрузки боеприпасов принимали пассажиров. Но агония уже сделала свое чёрное дело. Масса неорганизованных военнослужащих с оружием, легко раненые, а также военные и гражданские лица с пропусками любым способом пытались попасть на самолёт. И, как правило, туда попадали те, кто оказался носильнее. Доходило до того, что не понравившихся пассажиров выталкивали и били сапогами по голове люди из команды по посадке. Других просто оттесняли назад. Даже посадке высшего командования реально мешала многотысячная толпа неуправляемых бойцов и командиров, из которой единицы умудрились открыть огонь по взлетающему самолёту.

Что и говорить, если сам комендант Херсонесского аэродрома майор Попов, на которого была возложена организация посадки, не только самоустранился от своих обязанностей» но и улетел самым первым рейсом. В такой дикой и неуправляемой обстановке многие, имеющие посадочные талоны, так и не смогли быть эвакуированы. Не смог сесть в последний самолёт и капитан-лейтенант Ильинский.

Согласно архивным документам, в ночь на 1 июля из Краснодара в Севастополь 13 самолётов доставили 23,65 тонны боеприпасов и 1221 килограмм продовольствия. Обратным рейсом они вывезли 232 человека, в том числе 49 раненых, и 349 килограмм важного груза, среди которого находились чемоданы секретных документов разведывательного отдела Черноморского флота.

К утру 1 июля не улетевшая масса людей укрылась в различных местах Херсонесского полуострова, под скалами и в укрытиях, землянках и других местах, прячась от авианалётов. Часть из них, в которой находился Ильинский, прослышав о приходе в ночь с 1 на 2 июля кораблей, ушли в район берега 35-й батареи.

А перед этим, в 2 часа 59 минут 1 июля, подводная лодка Щ-209, приняв на борт Военный совет Приморской армии со штабом (всего 63 человека), вышла в Новороссийск. Вторая подводная лодка, Л-23, приняла на борт еще 117 человек руководящего состава обороны Севастополя и, находясь на рейде до получения радио от командующего Черноморским флотом вице-адмирала Октябрьского, прилетевшего в Краснодар, в 8.47 вышла в рейс.

Сам командующий ЧФ успел улететь после взлета последнего транспортного самолета, а значит, на дополнительном «четырнадцатом»...

Оказавшись на 35-й батарее, Ильинский только теперь начал понимать всю трагедию происшедшего. Реально оценивая обстановку, он с ужасом

для себя заметил, что надежд выбраться на Большую землю не оставалось уже почти никаких.

Все помещения батареи были буквально переполнены, в основном высшим и старшим комначсоставом Приморской армии. Все ожидали прихода тральщиков и сторожевых катеров. Однако вместо четырёх тральщиков придут только два, а из десяти сторожевых катеров — восемь. В ночь с 1-го на 2-го началась посадка на катера с причала. В это время все стояли уже на берегу. Ильинский встретил много знакомых ему командиров из политуправления и оборонительного района. Он находился среди сослуживцев из разведотдела флота, которые пока держались ещё вместе. Но и на этот раз Борис не смог эвакуироваться, так как было принято решение пропустить вперёд только раненых, а самим остаться на защите батареи до прихода следующей партии кораблей.

— Товарищи! Корабли не придут, связи больше нет, документы шифросвязи уничтожены, — кто-то из командиров выпалил залпом.

И только теперь Ильинский понял, что это конец. Чуда не произойдёт.

— На тебе лица нет, — сказал ему рядом стоящий морской командир. — Что с тобой?

Но Борис уже не хотел ни с кем разговаривать. Было очень страшно перед наступающей неизвестностью. Кому не хочется жить? Хотел и он.

Когда корабли ушли с рейда 35-й батареи, на полуразрушенном причале и возле него продолжали стоять плотной стеной тысячи бойцов, командиров и гражданских людей в какой-то туманной надежде, что ещё будет помощь. Они стояли упорно, практически не двигаясь с места, вглядываясь в темноту ночного моря. И никто, и ничто не могли уговорить их разойтись.

Многие из них так никогда и не узнают, что не эвакуированными из Севастополя будут более 32 тысяч человек. Среди них только начальствующего состава — 2813. Одним из таких будет Борис Ильинский.

И в момент небывалого отчаяния вдруг найдётся какой-то командир в плащ-палатке, с орденом Ленина на груди, который на рассвете 2 июля позовёт всех, у кого есть оружие и боеприпасы, присоединиться к нему, чтобы пробиваться в горы через Балаклаву.

Это утро Ильинский запомнит на всю оставшуюся жизнь: воздух был чист, тихо плескались волны, и ни одна из сторон долго не открывала огня.

А 3 июля капитан-лейтенант Ильинский пропал без вести.

Плен для Ильинского оказался совершенно новым жизненным испытанием. когда он шёл в колонне таких же, как и он, усталых людей с безнадёжно опущенными плечами, то понимал, как мучительно трудно теперь сохранять своё офицерское достоинство. Он шел в разорванном кителе, будто в бреду, что-то бормоча себе под нос, моля кого-то о помощи и матерясь. И лишь потом станет ясно одно: жить хочется, выжить нужно во что бы то ни стало, чтобы бороться с ненавистным врагом. Так он сначала оказался в лагере военнопленных, а затем в симферопольской тюрьме.

«Ещё на подходе к Симферополю гитлеровцы то и дело принимались искать комиссаров и евреев, но люди укрывали товарищей в гуще толпы, — свидетельствует И.Ф. Хомич. — В тюрьме устраивались обходы, отвратительные осмотры. Евреев нещадно били и истязали без всяких допросов, политработников избивали и запирали в подземные камеры. Камер не хватало, и значительная часть заключённых обитала просто во дворе тюрьмы.

Жара стояла страшная, по ночам в камерах становилось нестерпимо душно, мучила бессонница. Слишком уж большой груз горя, нравственных и физических потрясений лёг за последние недели на плечи каждого из нас. Невозможно было привыкнуть к бесправному положению, к унижительному, скотскому обращению, к постоянному голоду и грязи...

В большой камере немцы разместили более ста наших офицеров. К камере примыкал небольшой дворик, где бродили всегда голодные пленные. Высокая, глухая наружная стена сверху обнесена колючей проволокой. По ушам — часовые с автоматами и пулеметами.

К вечеру становилось холодно. Голодный человек легко мерзнет; а на пленных только и было — летняя гимнастерка да брюки. По ночам люди жались друг к другу и утром не могли согреться, съедая черпак чуть теплой невкусной баланды».

В симферопольскую тюрьму Борис Ильинский попал по подозрению в организации побега сотрудника особого отдела НКВД, которому не просто помог, а еще и отдал свою пайку хлеба. Для начала его разместили в одиночной камере, в которой он провел больше месяца. Таким образом, одиночкой его начали давить психологически.

По воспоминаниям очевидцев, участие в боях и в рукопашных

схватках в плену казались гораздо менее страшным испытанием, чем пытка одиночкой. А тут еще голод, болезни и нудное ожидание самой глупейшей на свете смерти...

Как вспоминал И.Ф. Хомич, «угодив в симферопольскую камеру, я сразу заболел. Вдобавок к общему для всех истощению меня свалила с ног дизентерия...

Два месяца тяжелейшего недоедания, можно сказать, голода, сами по себе не могли пройти бесследно. По тюремному дворику, под ласковым крымским небом, бродили теперь прямо-таки тени, с землистыми лицами и неприятно блестящими от голода тазами. Одежда на всех — как с чужого плеча. И бродят, бродяг из конца в конец, от забора к забору, где каждая щербина, каждая дырочка от выпавшего сучка запомнилась уже на всю жизнь».

А тут одиночка! Более того, Бориса Николаевича сразу же опознали также попавшие в плен моряки-шифровальщики, прекрасно знавшие его по службе в разведывательном отделе Черноморского флота.

После пытки одиночкой капитан-лейтенанта срочно доставляют в симферопольский штаб немецкой морской разведки (НБО — «Нахрихтенбеобахтер»), размещают в отдельной комнате, кормят, одевают и оказывают медицинскую помощь.

Абверкоманда НБО как морская разведывательная абверкоманда была сформирована в конце 1941-го — начале 1942 года в Берлине, затем направлена в Симферополь, где находилась до октября 1943 года по улице Севастопольской, дом 6. В оперативном отношении непосредственно подчинялась Управлению «Абвер-заграница» и была придана штабу адмирала Шустера, командовавшего немецкими военно-морскими силами Юго-восточного бассейна. До конца 1943 года команда и ее подразделения имели общую полевую почту № 47585, с января 1944 года — 19330. Позывной радиостанции — Татар.

До июля 1942 года начальником команды был капитан морской службы Боде, а с июля 1942 года — корвет-капитан Рикгоф.

Команда НБО имела достаточно разветвленную структуру: управление в количестве 90 сотрудников, две разведывательные команды, одна диверсионная, груши по вербовке захваченных моряков, лагерь военнопленных и школа подготовки агентуры.

В состав одной из разведкоманд входили группы по радиоразведке и связи с агентурой, захвату и изучению документов затонувших судов, по опросу пленных, вербовке агентуры, по контрразведывательной защите.

Как утверждает И. Иванников, «помимо данного подразделения на

этом же участке фронта действовала специальная морская разведывательная команда на Черном и Азовском морях — “Маринэ айнзацкомандо дес Шварцен Меере” (фельдпост № 12965) во главе с корветтен-капитаном доктором Ротта и его заместителем капитан-лейтенантом Граслером. Команда численностью 40 человек подчинялась “Абвер-загранице” и была придала штабу адмирала Карла Георга Шустера, командовавшему германскими военно-морскими силами юго-восточного направления.

“Морская команда Черного моря” в 1941—1942 годах первоначально располагалась в Бухаресте (Румыния) и являлась самостоятельным подразделением. Основной задачей “зондеркоманды ОКВ” был сбор информации о военном и торговых флотах данных морей, о портах, портовых сооружениях и предприятиях судостроительной промышленности, об организации и состоянии обороны побережья.

С началом войны против СССР “Морская команда” передислоцировалась на советскую территорию и разделилась на две группы. Первая группа (форт-группа, “передовая группа”) во главе с лейтенантом Германом Бирманом выехала в Одессу, другая, во главе с Ростом, в Николаев.

Позднее обе группы соединились в Николаеве, откуда переехали в Ялту (находились на территории санатория “Угольщик Донбасса”). С декабря 1941-го по февраль 1942 года группа Роста находилась в Николаеве, а потом была распущена. По приказу адмирала Шустера сам Рост с частью группы выехал в Софию (январь 1942 года), личный состав был передан в сухопутную контрразведку и НБО.

В 1941—1942 годах в команду вошли около 30 белоэмигрантов, участников болгарского отделения Русского общевойскового союза (РОВС), завербованных “АСТ София”, так называемая “русская группа”, состоявшая в основном из белоэмигрантов, проживавших в Болгарии (руководитель Клавдий Фосс). Позднее “русская группа” была включена в “Абвершталле Юга Украины”».

В такой серьёзной организации и начались перекрестные и изнурительные допросы Бориса Ильинского, на которых он неоднократно предупреждался: «Лучше говори правду, мы уже допрашивали сотрудников разведотдела штаба, и нам всё известно! Соврёшь — пеняй на себя».

Следует отметить, что немецкие разведчики достаточно быстро сломали Ильинского. Ведь такую «птицу» поймал» и выпустить было не в их интересах. По своим должностным обязанностям Борис Николаевич полностью владел всей поступавшей в штаб Черноморского флота

разведывательной информацией и составлял для командующего флотом ежедневные сводки.

Сломленный окончательно, он выложил всю известную ему информацию об организации разведотдела флота и задачах, решаемых всеми его подразделениями. Более того, капитан-лейтенант назвал имя начальника радиостанции разведывательного отдела штаба, который находился в плену вместе с ним.

Результатом допросов Ильинского стали мгновенная смена техники шифрования у румын, сокращение радиообмена, а также утрата возможности получения ценных разведданных в самый разгар Сталинградской битвы и сражения за Кавказ.

Буквально через неделю после первого допроса Ильинского доставили к зондерфюреру разведывательной команды Николаю Келлерману. Именно здесь и произошла окончательная вербовка.

Келлерман, как достаточно опытный разведчик, был вежлив и обходителен.

— Добрый день, господин Ильинский. Садитесь, пожалуйста, — мягко сказал он Борису Николаевичу при первой встрече. — Я надеюсь, что теперь вы чувствуете себя неплохо! Может быть, сигарету?

В ходе долгого разговора Келлерман предложил Борису Николаевичу «работать» в его команде. Теперь уже ему ничего не оставалось делать, как только согласиться.

Команду морской фронтовой разведки «Марина абверайнзатцкомандо» с сентября 1942 года возглавлял обер-лейтенант Цирке. Когда туда попал Ильинский, где ему был присвоен псевдоним Сидоров, она обрабатывала советских военнопленных в Мариупольском (с августа 1942 г.) лагере. Из Мариуполя команда перебрасывала агентуру в тыл частей Советской армии, действовавшей на побережье Азовского моря и на Кубани. Подготовка разведчиков проводилась в Тавельской и других школах НБО. Помимо этого, команда готовила агентуру и самостоятельно на конспиративных квартирах в г. Мариуполе по следующим а/фесам: улица Артема, дом 29; улица Толстого, дома 157 и 161; улица Донецкая, дом 166; улица Фонтанная, дом 62; улица 4-я Слободка, дом 136; улица Транспортная, дом 166.

Плодотворно поработав с Ильинским в течение двух недель, обер-лейтенант Вольф Цирке по указанию руководства отправляет Сидорова в Берлин, где его допрашивают старшие офицеры штаба германского военноморского флота о состоянии Черноморского флота и тонкостях советской радиоразведки. Была и поездка в Бухарест.

О положительных результатах этих допросов говорит прибавка 300 рейхсмарок к ежемесячному жалованью Ильинского.

Известно, что одной из задач, решаемых командой Цирке, были допросы военнопленных в лагерях. Ильинский, как бывший офицер советской военно-морской разведки, и должен был помочь абверу на этом поприще, получив должность «опрашивающего».

Конкретно ему была поставлена следующая задача: «Выявлять из числа военнопленных тех, кто работал на военных заводах Советского Союза, опрашивать их по вопросам, интересующим немецкую разведку, и записывать показания».

Ильинский должен был «выжимать» максимум из своих соотечественников, находящихся в неволе, собирая информацию для новых хозяев о вооружении Красной армии, состоянии военной промышленности СССР на Урале и Дальнем Востоке. Кроме того, ему приходилось не просто обрабатывать эту информацию, но ещё соответствующим образом оформлять её в виде донесений-отчётов, которые, проходя все инстанции абвера, уходили наверх, в Берлин.

«Детальный инструктаж по поводу предстоящей работы предатель

прошел в Ростове-па-Дону, куда в составе группы Цирке попал на своё первое задание, — пишет А. Варенков. — О топкостях ведения допросов Сидорову рассказали жители Болгарии Александр р и Иван Стоянов, которые также работали в команде Цирке. Именно через болгар собранная рядовыми «опрашивающими» информация попадала в верха немецкой разведки».

Именно в Ростове-на-Дону при активном участии Бориса Ильинского была разработана «инструкция по допросу советских военно-пленных», которая получила одобрение у немецкого командования и впоследствии использовалась другими немецкими разведорганами.

К слову сказать, все разведки мира обработке военнопленных, в том числе и первичной, придавали особое значение. Нередко при целом допросе, помимо обычных сведений, интересующих разведывательные органы, узнавался целый ряд данных о готовящихся противной стороной диверсионных и террористических акциях.

Сам же по себе допрос пленных считался одним из важнейших источников добывания сведений о противнике. Например, именно посредством допроса подтверждались и проверялись номера частей и соединений противника, что давало возможность в самые короткие сроки перепроверить его группировку.

Особое значение придавалось правильному отбору военнопленного. Поэтому навыки «опрашивающего» в отборе (по внешним признакам) из общей массы пленных именно тех, которые могли сообщить наиболее ценные сведения, имели решающее значение. Это и умение «читать по лицам», а значит, буквально по внешнему виду определить особенности характера военнопленного. Что достигалось прежде всего опытом.

Такой опыт и был приобретен Сидоровым. И он добивается в стане врага определенных успехов. По крайней мере офицеры абвера им вполне довольны.

Когда «в начале 1943 года разведкоманда вместе с немецкими войсками начала отступление, фронт двинулся к границам СССР. В Мариуполе Группа Цирке» задержалась до лета 1943 года. Позже она была передислоцирована сначала в Мелитополь, затем были Херсон, Николаев и Одесса», — пишет А. Сафронов.

Теперь уже Сидоров вместе с Вольфом Цирке занимается подготовкой и переброской в тыл Красной армии немецких диверсантов.

Как рассказывает А. Варенков, «во время работы в разведгруппе Цирке Ильинский носил военную немецкую форму без знаков отличия. Официальной зарплаты у предателя не было. Но немцы регулярно — два

раза в месяц — платили своему агенту по 500 советских рублей или по 200 марок».

В июне 1943 года ОКР Смерш Черноморского флота была установлена измена Родине капитан-лейтенанта Ильинского. Именно «это лишило наши разведорганы одного из основных источников добычи ценных сведений о группировке и намерениях немецко-румынских войск в Крыму и на Юге», — в своем донесении резюмировал начальник Разведуправления Главного морского штаба ВМФ капитан 1-го ранга Воронцов.

Дальше — больше. В 1943 году Управление контрразведки НК ВМФ Смерш точно установило участие Ильинского в заброске немецкой агентуры в тыл Красной армии.

Как известно, основу деятельности контрразведчиков, в том числе и Черноморского флота, составляла борьба с агентурой противника, забрасываемой в районы дислокации частей флота. О том, каким был этот противник, на стороне которого эффективно работал предатель Ильинский, достаточно ознакомиться с его деятельностью.

«...активной подрывной деятельностью против Черноморского флота отличался дислоцирующийся на территории Румынии немецкий разведорган МАК (“Марине Айнзацкомандо дес Шварцен Меер”). В сфере внимания этого подразделения, созданного при штабе командующего Юго-Западным морским театром, находился сбор данных о состоянии советского военно-морского и торгового флотов, его военно-морских баз на Чёрном море, о численности и оснащённости кораблей и состоянии береговой обороны на Черноморском побережье СССР.

Информация добывалась главным образом путем допросов советских военнопленных, прослушивания советских радиопередач, просмотра газет, издаваемых в воинских частях Черноморского флота. Все собранные из этих источников материалы обобщались, анализировались и в обработанном виде передавались непосредственно руководителю Абвера адмиралу Канарису.

В феврале 1943 г. МАК расформировали, а руководящий и личный состав вошёл в абверкоманду “Нахрихтенбеобахтер” (НБО).

Значительную активность в проведении разведывательных акций проявляла немецкая морская разведка “Кондор”...

Она не ограничивалась ведением разведработы против Черноморского флота, одновременно осуществляя разведку против Турции и Англии. “Кондор” находился в непосредственном подчинении немецкого

разведштаба, дислоцировавшегося в Вене, где размещалась и разведшкола.

Этот разведорган осуществлял разведку по Черноморскому флоту вплоть до вступления частей Красной армии в Болгарию. В последний период войны “Кондор”, предвидя развитие ситуации не в пользу фашистской Германии, стал проявлять большую активность по вербовке и насаждению в черноморских портах СССР, Болгарии и Румынии агентуры на длительное оседание.

Одним из основных разведывательных органов противника на Черноморском театре являлся названный выше разведорган НБО, сформированный немцами в начале 1942 г. в Берлине. Его основными задачами были: сбор разведанных о советских ВМС, проведение разведки глубокого тыла частей и прибрежной полосы, организация диверсионно-террористических актов. Немцев интересовали и средства, применяемые Черноморским флотом против подводных лодок и минной опасности...

В наиболее важных в тактическом отношении пунктах деятельность НБО против Черноморского флота проводилась через специальные команды, дислоцировавшиеся в Керчи и Мариуполе. В деятельности НБО особое место отводилось подготовке и заброске диверсантов и террористов в расположение частей и соединений советского флота. Для этого НБО координировал свою работу с армейской разведкой — командой “Абвера-2”, специально прикрепленной для этой цели к НБО.

Подготовкой агентуры НБО занимались четыре специальные школы разведчиков, диверсантов и радистов в посёлке Тавель, радистов — в Евпатории, разведчиков — в Симеизе и Мариуполе. В этих школах обучались главным образом бывшие военнослужащие советского Военно-Морского Флота, попавшие в плен или добровольно перешедшие на сторону противника. Однако, начиная с 1944 г., школы стали укомплектовываться за счёт белоэмигрантов и гражданских лиц, которые по той или иной причине стали сотрудничать с гитлеровцами...

Разведывательные мероприятия против Черноморского флота осуществляла также румынская “Специальная служба информации” (ССИ), которая являлась органом совета министров Румынии...»

Зафронтовая работа контрразведки Черноморского флота хоть и велась в течение всей войны, однако лишь с 1943 года она стала в полной мере решать контрразведывательные задачи. Именно начиная с этого года в тыл противника стали забрасываться специально подготовленные агенты. Например, если в 1941 году в тыл противника были брошены 19 агентов, то в 1942 году — только 9.

Теперь же при ОКР Смерш ЧФ была создана специальная школа

зафронтовых разведчиков, рассчитанная на обучение IS человек. Ог-бор кандидатов в неё производился в основном из советских граждан, проживавших на оккупированной территории и хорошо знакомых с районом намеченной выброски.

Как сообщается в книге Смерш, «в 1943—1944 гг. было подобрано и после специальной подготовки в спецшколе переброшено в тыл противника 12 зафронтовых агентов. Перед ними ставились следующие задачи: внедрение в разведорганы противника, перевербовка вражеской агентуры, а также выявление агентуры, намеченной к оседанию на Черноморском побережье...

Удачно была проведена зафронтовая операция под кодовым названием «Вперед». Она предусматривала выявление официальных сотрудников немецкого разведывательного органа НБО и проведение перевербовок вражеской агентуры в Николаеве. В феврале 1944 г. в оккупированный город проникли зафронтовые агенты «Ястреб» и «Грозный». «Ястреб», используя свои довоенные связи, устроился на работу в водную полицию переводчиком. Ему удалось выявить восемь агентов подразделения НБО...

В свою очередь, важные сведения, добытые агентом «Грозным», использовались в розыскных мероприятиях ОКР Смерш Черноморского флота и в органах НКГБ СССР».

Благодаря этой операции и был опознан Ильинский, он же Сидоров.

В Николаеве из разведкоманды через линию фронта бежали личный шофер Цирке — Ткаченко и сотрудник Филиппов. «О начальнике разведкоманды было известно, что он уроженец Прибалтики, бывший офицер царской армии и армии генерала Н. Юденича.

Во второй половине июля 1944 года через Днестр были переброшены четыре немецких агента. Уже 29 июля они давали показания офицерам Смерша, в которых подробно описали Сидорова, Дальнейшая работа контрразведчиков только подтвердила перекалфикацию Ильинского».

Тогда и было установлено личное участие «Сидорова» в заброске немецкой агентуры в тыл Красной армии.

В 1943 году начальник разведки 6-й гвардейской механизированной бригады гвардии капитан Гордон, раненный в ногу, оказался в плену. В больнице Елановских карьеров, где Юрий лежал с тифом, его арестовала немецкая жандармерия. Как выпускник мореходного училища, то есть судоводитель, знающий акваторию Черного и Азовского морей, он не мог не заинтересовать немецкую разведку. А именно — то самое подразделение, которым командовал обер-лейтенант Цирке. Позже, на допросах в Смерше он покажет: «По существу, это не была вербовка. По

лагерю объявили, чтобы все моряки построились, а когда все имеющие отношение к морю выстраивались, их опрашивали... и просто уводили из лагеря. Многие попадали и без морской специальности.

...Я добровольно поступил не в разведку немцев, а в военно-морскую часть, оказавшуюся позже, как я узнал, разведгруппой Цирке. Я поступил в немецкую часть добровольно, потому что не хотел возвращаться в лагерь военнопленных и считал, что служба у немцев давала возможность при удобном случае перейти на сторону наших советских войск. Я не ставил перед собой задачи бороться с советской властью и помогать врагу. Уйти из немецкой военно-морской разведки я не мог в силу того, что это означало бы лишиться жизни. Кроме того, я решил действовать на свое усмотрение и, имея кое-какой опыт в разведывательной работе, собрать сведения, с которыми потом перейти на сторону советских войск».

Таким образом, Гордон попал в качестве матроса на немецкий катер, на котором перебрасывали шпионов и диверсантов через Азовское море в тыл Красной армии. Но, будучи разведчиком, он сумел установить контакт с двумя агентами разведцентра, бывшими военнопленными Геращенко и Коровиным, убедив их, оказавшись в тылу Красной армии, добровольно прийти в военную контрразведку Смерш. И надо сказать, что это сработало. Оба диверсанта, оказавшись на советской территории, явились в советскую контрразведку, а затем под её контролем «выполнили» все задания немцев и вновь вернулись к Цирке, но уже в другом качестве...

Через них было передано задание Ю. Гордону от руководства Разведуправления Черноморского флота.

Всё же о высокой квалификации агентуры НБО говорит следующий факт: за период с 1943-го по 1945 год ОКР «Смерш» ЧФ выявил всего 44 агента, из которых только 17 явились с повинной.

Так Ильинский, он же Сидоров ещё раз попал в перекрестие Смерша.

Факт работы Ильинского на немецкую разведку был достоверно установлен в 1943 году после захвата штабных документов немцев в Сталинграде. К концу Великой Отечественной войны в органах Смерша на него было заведено дело, где была накоплена вся информация из показаний арестованных немецких агентов, от бежавших из плена, от жителей оккупированных городов, где он работал, а также от заброшенной в тыл врага своей агентуры.

Отступление германской армии напрямую влияло и на передвижение группы Цирке. Она уходила всё дальше на Запад. Например, с сентября по декабрь 1944 года группа располагалась в Вене, но уже никакой работы не вела. В итоге её расформировали. Часть сотрудников ушла в части РОЛ Власова, а сам Сидоров как ценный специалист был переведён в разведгруппу капитана Рикгофа (МАК-169), дислоцировавшуюся на Балтике. Там он находился до февраля 45-го, пока по указанию одного из немецких штабов остатки группы не направились обратно в Австрию. Но там уже шли бои, и Ильинский принимает решение затеряться среди беженцев и военнопленных. До победы он преспокойно работал у австрийского крестьянина на хуторе, расположенном в 30 километрах от Зальцбурга.

Однако перед тем как осесть, Борис Ильинский с разрешения своего начальника выезжал в Италию, где близ Милана в немецкой части служила его любовница — Валентина Лазарева. Став опытным разведчиком, Сидоров готовится к приходу Красной армии. И, надо сказать, готовится основательно. Только этим можно объяснить его появление в лагере для военнопленных в Зальцбурге, подлежащих отправке на Родину. Уж для кого, но для него это был неоправданный риск. И тем не менее...

Он шел на явный риск. Шел уверенно, с каким-то внутренним чутьём на успех. И, надо сказать, оно не подвело его.

Через две недели Ильинского в числе прочих военнопленных передали советскому командованию. В лагере для репатрируемых он назвал себя Лазаревым. Под этой фамилией и проходил фильтрацию. Сама по себе эта процедура, если её так можно назвать, была достаточно жесткой. Она включала в себя обычные допросы, иногда даже с пристрастием. Очные ставки с присутствием свидетелей. А самое главное — проверку данных бывшего военнопленного. Каким образом Ильинскому, Сидорову и Лазареву удалось се пройти, остаётся великой загадкой, так как вычислить его было делом обыкновенной техники. И всё-таки ему удалось то, что даже не удавалось обыкновенным военнопленным, на которых могли что-то нехорошее показать товарищи. На него показать было абсолютно нечего. Другая фамилия, чужая биография. Одним словом, профессионально подготовленная легенда, в которую поверили!

Л! ведь он должен был рассказать об обстоятельствах пленения, о том,

какие документы и вооружение имел при себе. Подробно рассказать о пребывании в плену, где подвергался регистрации, где подвергался аресту и допросам. В фильтрационном деле перечислялись люди, с которыми военнопленный был в неволе. Также пребывание в плену должны были подтвердить как минимум два человека, показания которых подшивались в фильтрационное дело.

В результате в нём появлялся следующий документ:

«Утверждаю

Нач. отдела контрразведки

СМЕРШ ...

Заключение

...я, старший оперуполномоченный... рассмотрев материал на бывшего военнопленного Лазарева Бориса Николаевича НАШЁЛ:

Что по состоянию на... 1945 года компрометирующих данных на проверяемого не добыто

По учёту розыска агентуры противника не проходит.

ПОСТАНОВИЛ:

Лазарева Б.Н. отнести к... категории и передать командованию... по нарядам... с последующей разработкой на месте работы.

Оперуполномоченный (личная подпись)».

Легенда сработала!

В августе 1945 года Борис Лазарев прибыл в венгерский город Секишвар для прохождения службы на должность бойца караульной роты в 356-й батальон аэродромного обслуживания 5-й Воздушной армии. В новом подразделении он абсолютно на хорошем счету, где не просто отлично служит, а еще и участвует в спортивных соревнованиях по футболу и волейболу. Нареканий никаких. На то он и разведчик!

В ноябре 1945 года Лазарев демобилизуется из армии. В военкомате Горьковской области, куда он вернулся из Венгрии, ему выдадут военный билет, в котором будет записано, что весь период Великой Отечественной войны он прослужил в полевой авиаремонтной мастерской.

Одним из первых документов, который еще раз закрепил новую фамилию Ильинского после возвращения в Горький, стало удостоверение, выданное ему как Лазареву Б.Н. 5 февраля 1946 года, «в том, что он действительно работает в жилищной части КЭЧ гарнизона г. Горького в должности ст. кочегара. Удостоверение действительно по 15 апреля 1946 г.

Начальник жил. части Горьковского гарнизона Иванов».

В течение семи лет Ильинский—Лазарев умело скрывался от органов государственной безопасности. В течение семи лет он менял места работы, разъезжая по всей многонациональной стране. Больше чем на год он не задерживался нище. Менял, как перчатки, женщин, у которых находил своё временное пристанище. Так и жил, чередуя общежития и частные дома, города, женщин и работу.

Но судьба матери и близких не давала ему покоя. Впервые в Тулу Ильинский приехал в 1945 году. Второй раз он вернулся в родные края через четыре года. Но так как ни в 45-м, ни в 49-м он не смог найти свою родню, приехал туда и в третий раз...

Безнаказанность в течение всего этого времени несколько успокоила Ильинского. Возможно, что он уверовал в свою непотопляемость. Но третий раз стал последним.

Потому что в третий раз он нарушил правило, которое твердо знал сам и разъяснял своим подопечным — агентам перед отправкой за линию фронта: ни при каких обстоятельствах не встречаться со своими близкими и знакомыми.

12 октября 1952 года по справке адресного бюро Ильинский разыскал родную сестру Валентину, у которой хотел узнать адрес своей жены, проживающей в Ленинграде. Но та сообщила в Управление МГБ, и он был задержан.

3 марта 1953 года Военный трибунал Московского военного округа приговорил Ильинского к высшей мере наказания — расстрелу. В жалобе на суровый приговор он писал: «Второй раз я стою перед расстрелом, может быть, поэтому я из серьёзного человека сделался наивным и не в состоянии правильно мыслить».

И чудо произошло: Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 5 июня 1953 года ходатайство о помиловании было удовлетворено, расстрел заменили на 25 лет лагерей.

Отбывать срок Ильинского отправили в особый лагерь МВД СССР, где он опять-таки сумел пристроиться на блатную работу счетовода. Вполне можно предположить, что и там ему удалось сыграть очередную роль, подготовку к которой он блистательно прошёл у обер-лейтенанта Цирке.

ИСТОЧНИКИ

1. *Варенков А.* Слобода, № 49, 5 декабря 2007 г. — 12 декабря 2007 г.
2. *Варенков А.* Слобода, № 50, 12 декабря 2007 г. — 19 декабря 2007 г.
3. *Иванников И.* Тайная война немецких спецслужб на море. В мире спецслужб, № 6, 13 июля 2005 г.
4. *Маношин И.С.* Интернет: Героическая трагедия о последних днях обороны Севастополя 29 июня — 12 июля 1942 г. Военно-историческое исследование.
5. *Рассадин С.А.* Интернет: Прогулки по улицам Тулы.
6. *Сафронов А.* Родина № 12, 2008 г. (Архив УФСБ РФ по Тульской области. Ф. 1. Он. 5586. Т. 3.)
7. *Сувениров О.* 1937. Трагедия Красной Армии. М., 2009.
8. *Сурин С.И.* Интернет: Допрос военнопленных. 1 часть.
9. СМЕРШ. М., 2003.
10. *Ставицкий В.* Интернет: Игра на чужом поле.
11. Тульская школа оружейных техников. Интернет: Википедия,

12. Хазов П. Интернет: И один в ноле воин.
13. Хомич И.Ф. Мы вернулись. М., 1959.
14. Школа связи ВМС РККА. Интернет: Военно-морской институт радиоэлектроники.
15. ЦВМЛ. Ф. 3. Оп. 1.Д.6.
16. ЦВМА. Ф. 920. Оп. 2. Д. 25.
17. ЦВМА. Ф. 920. Оп. 2. Д. 469.

ТЕРРОРИСТ ИЛИ АВАНТЮРИСТ?

«...7 декабря 1941 г. 02 ч 35 мин.

Ставка Верховною Главнокомандования приказала перебросить по жел. дороге в Ваше распоряжение для развития наступления на тургиновском направлении 359-ю и 375-ю стр. дивизии.

359 сд: станция погрузки — Рыбинск, станция разгрузки — Кулицкая. Ориентировочное время прибытия: головы — утро 11.12, хвоста — утро 13.12;

375 сд: станция погрузки — Ярославль, ст. разгрузки — Кулицкая, Крючково. Ориентировочное время прибытия: головы — утро 14.12, хвоста — утро 15.12.

Прикрытие с воздуха погрузки и в пути — распоряжением начальника ПВО территории страны, выгрузки — распоряжением командующего Калининским фронтом.

Командующему Калининским фронтом организовать прием дивизий. Дивизии придут обмундированными и вооруженными полностью.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования Начальник Генерального штаба Б. Шапошников № 005444...»

Известно, что 359-я стрелковая дивизия в состав действующей армии вошла 10 декабря 1941 года. Сформированная на Урале за счет необстрелянных и не имеющих боевого опыта бойцов и командиров, воевала она под Калинином и Ржевом, в 1941—1942 гг. сражаясь в составе 30-й и 31-й армий Калининского фронта.

Вечером 17 мая 1942 года в 20 часов 15 минут атака противника по переднему краю и глубине обороны 1196-го стрелкового полка была особенно сильной. Более часа немцы вели артиллерийскую подготовку, а затем с трёх сторон в наступление пошла их главная группировка. Свыше двух батальонов в стык между 2-м и 3-м стрелковыми батальонами полка, до батальона пехоты разом навалились на 6-ю стрелковую роту, которая держала оборону в отдельном ротном районе, и, наконец, две роты пехоты со стороны рощи атаковали 1-й стрелковый батальон полка.

А кроме того, еще один батальон немецкой пехоты наступал совершенно на отдельном направлении на стык участков обороны между 1-м стрелковым батальоном 1196-го полка и 2-м батальоном соседнего, 1198-го полка. К слову, обстановка тогда складывалась однозначно критическая, и главная задача была хотя бы задержать наступающего противника на

ближайшем выгодном оборонительном рубеже в тылу.

Мощный огонь артиллерии и авиации создал ощутимую угрозу устойчивости обороны всей дивизии. Между тем 359-я дивизия смогла отразить наступление превосходящих сил противника и удержать плацдарм на западном берегу Волги, а 1196-й полк успешно отбил атаки немцев на всех трех направлениях.

29 мая 1942 года — обычный и ничем не примечательный день, если не учитывать, что на фронте было спокойно. Безусловно, затишье было временным. Но именно в этот день уполномоченный Особого отдела НКВД лейтенант госбезопасности Васильев, а на армейский манер — капитан, вызвал для беседы командира 5-й пулеметной роты 1196-го стрелкового полка старшего лейтенанта Таврина. Разговор предстоял деликатный...

Само по себе положение оперуполномоченного обязывало постоянно изучать морально-политическое состояние подразделений.

С личным составом систематически проводилась предупредительная профилактическая и разъяснительная работа. И очень важно было быстро, а иногда немедленно реагировать на поступающие сигналы во избежание возможных нежелательных последствий. При этом многообразие информации отягощало жизнь особиста. Мелкие кражи в подразделениях, мелкие злоупотребления, воровство и жульничество отвлекало, а порой и принижало его основное предназначение.

Агентурно-осведомительная сеть буквально забрасывала разного рода информацией. Но, как известно, чем таковой больше, тем сложнее и дольше оказывался путь ее проверки на объективность. Ведь частенько бывало, что секретная информация оказывалась заведомо ложной, иногда просто ошибочной. И вот попробуй, так сразу отдели правду от сплетен или слухов.

Никаких дел на оперативном учете на Таврина заведено не было. В сейфе у Васильева хранились дела оперативной проверки по проявлениям антисоветской агитации, где в основном проходили красноармейцы. Были на оперативном учете и наблюдательные дела на командиров, когда-то побывавших за границей и проходивших по показаниям арестованных...

Таврин воевал в 1196-м полку, что называется, с первого дня. В конце августа 41-го прибыл на формирование дивизии в Уральском военном округе. Нормально выдержал 50-километровый марш в условиях лютой зимы, без горячей пищи, с одним только 2-часовым отдыхом под открытым небом. После смены 247-й стрелковой дивизии, когда 359-я 15 декабря, перешла в наступление на левом фланге 31-й армии, участвовал практически во всех боях. Ничего отрицательного замечено не было.

Таврин участвовал в кровопролитных боях за д. Иванцово, где 19 и 20 декабря только его полк потерял 126 человек убитыми и 348 ранеными.

Тогда оборону противника просто не смогли подавить огнём артиллерии дивизии. Участвовал он и в боях за д. Чухино, которые шли в течение пяти суток.

За взятие д. Почурино получил благодарность от Военного совета Калининского фронта.

За успешное отражение наступления противника и удержания плацдарма на западном берегу Волги—ещё одну от Военного совета 30-й армии. Досрочно присвоено звание «старший лейтенант». Командир полка подполковник П.С. Хаустов никогда не жаловался на Таврина. А ведь сам отличался решительностью и настойчивостью. Был самым опытным комполка в дивизии. Сменивший его 10 марта 1942 года подполковник Василий Иванович Кожанов, бывший комбат 3-го батальона, тоже.

Десятки раз командир роты мог погибнуть, но повезло. Это при том, что дивизия с 15 декабря 1941 года по 15 марта 1942 года потеряла 14 535 человек. Убитыми — 3424 человека, ранеными — 7493 человека, пропавшими без вести — 1359 человек. Заболевшими и обмороженными соответственно: 310 и 9.

Мог Таврин струсить, дезертировать. Такие случаи, к сожалению, были. Но нет, служил, воевал, тянул ляжку, как все. И всё же что-то настораживало в этом человеке.

А особенно после поступившего сигнала. По каким-то причинам Таврин сменил свою настоящую фамилию.

Таврин, войдя в блиндаж, который занимал Особый отдел, прошел через небольшой коридорчик мимо дежурного и оказался в «хозяйстве» Васильева, где так же, как и во всех полковых временках, пахло табаком, едой и еловыми брёвнами. Только здесь ещё были добротный стол и внушительный по толщине стен сейф.

Поговорив с Тавриным на отвлеченные темы, вроде бы о настроениях в роте, о состоянии обороны, Васильев вдруг неожиданно спросил:

— Скажите, Пётр Иванович, а зачем вы поменяли свою подлинную фамилию Шило на Таврин?

Вопрос был, конечно, интересный. Но, видимо, некто на передовой увидел человека, которого прежде знал под другой фамилией. И очень был удивлен этому факту. А на фронте такие вещи всегда вызвали любопытство. Из-за него и шли «куда следует», где высказывали свои сомнения. Если бы было иначе, то не стал бы Васильев вызывать Таврина и спрашивать прямо, в лоб. За разоблачением последовал бы арест со всеми отсюда вытекающими последствиями.

И хотя ясности беседа в Особом отделе не внесла, решение возникло молниеносно. Почему, попятно. Будут проверять, а когда выяснят, однозначно — решетка. Статей Уголовного кодекса там было в избытке — на всю катушку. А тут реальная возможность бежать, пока особист свой недостаток теоретической подготовки будет восполнять повседневным опытом. Словом, время поджимало, и откладывать в долгий ящик побег было нельзя.

В течение всего периода обороны на правом берегу р. Волги (март—май 1942 г.) велась непрерывная разведка силами разведроты 359-й дивизии и полков. Согласно положению боевого устава пехоты Красной армии (8 глава, 306 пункт), «получив задачу, командир пулеметной роты обязан произвести разведку местности и противника, решить, как целесообразнее в данной обстановке использовать пулеметную роту, и свои положения доложить командиру батальона. В зависимости от обстановки командир роты производит разведку один или с командирами взводов».

Офицер сказал — офицер сделал...

Рано утром 30 мая 1942 года старший лейтенант Таврин в составе группы вышел в разведку. Выбрав позицию, которая не была замечена товарищами, ползком с листовкой в кармане ушел за линию фронта.

Что произошло в то утро, достоверно не известно, но так как без вести пропавшим считался тот военнослужащий, который отсутствовал в части по неизвестной причине, и поиск его в течение 15 дней не дал результата, то в полковых документах было отмечено: «Старший лейтенант Таврин Петр Иванович — командир роты 359-й стр. дивизии. Пропал без вести 12.6.42 г.». А из списков части перебежчика исключили только 30 сентября 1942 года. Факт примечательный!

Пройдет всего два года, и имя Таврина попадет на страницы двух весьма серьезных документов. Документ первый — это «Спецсообщение», подписанное заместителем начальника Управления НКВД Смоленской области, начальником отдела по борьбе с бандитизмом УНКВД Смоленской области. В нем говорится следующее:

«5 сентября с.г. в 6 часов утра начальником Кармановского РО НКВД — ст. лейтенантом милиции ВЕТРОВЫМ в нос. Карманово задержаны агенты немецкой разведки:

1. ТАВРИН Петр Иванович.
2. ШИЛОВА Лидия Яковлевна.

Задержание произведено при следующих обстоятельствах:

В 1 час 50 мин ночи 5 сентября Начальнику Гжатского РОНКВД — капитану госбезопасности тов. ИВАНОВУ по телефону с поста службы ВНОС было сообщено, что в направлении гор. Можайска на высоте 2500 метров появился вражеский самолёт.

В 3 часа утра с поста по наблюдению за воздухом вторично по телефону было сообщено, что самолёт противника после обстрела на ст. Кубинка, Можайск—Уваровка Московской обл. возвращался обратно и стал приземляться с загоревшимся мотором в р-не дер. Яковлево—Завражье Кармановского р-на Смоленской обл.

Об этом Нач. Гжатского РО НКВД информировал Кармановское ГО НКВД и к указанному месту падения самолета направил опергруппу.

В 4 часа утра командир Запрудковской группы охраны порядка тов. АЛМАЗОВ по телефону сообщил, что вражеский самолет приземлился между дер. Завражье и Яковлево. От самолета на мотоцикле немецкой марки выехали мужчина и женщина в форме военнослужащих, которые остановились в дер. Яковлево, спрашивали дорогу на гор. Ржев и интересовались расположением ближайших районных центров. Учительница АЛМАЗОВА, проживающая в дер. Алмазово, указала им дорогу в районный центр Карманово, и они уехали по направлению дер. Самуйлово.

На задержание 2-х военнослужащих, выехавших от самолета, Начальник Гжатского РО НКВД кроме высланной опергруппы информировал группы охраны порядка при с/советах и сообщил Начальнику Кармановского РО НКВД.

Получив сообщение от Начальника Гжатского РО НКВД, начальник Кармановского РО — ст. лейтенант милиции т. ВЕТРОВ с группой работников в 5 человек выехали для задержания указанных лиц.

В 2-х километрах от пос. Карманово в направлении дер. Самуйлово нач. РО НКВД тов. ВЕТРОВ заметил мотоцикл, движущийся в пос. Карманово, и но приметам определил, что ехавшие на мотоцикле являются те лица, которые выехали от приземлившегося самолета, стал на велосипеде преследовать их и настиг в нос. Карманово.

Ехавшие на мотоцикле оказались: мужчина в кожаном летнем пальто, с погонами майора, имел четыре ордена и Золотую звезду Героя Советского Союза.

Женщина в шинели с погонами младшего лейтенанта.

Остановив мотоцикл и отрекомендовав себя начальником РО НКВД, тов. ВЕТРОВ потребовал документ у ехавшего на мотоцикле майора, который предъявил удостоверение личности на имя ТАВРИНА Петра Ивановича. — Зам. Нач. ОКР Смерш 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта.

На предложение тов. ВЕТРОВА следовать в РО НКВД, ТАВРИН категорически отказался, мотивируя тем, что ему, как прибывшему по срочному вызову с фронта, каждая минута дорога.

Лишь при помощи прибывших работников РО УНКВД ТАВРИНА удалось доставить в РО НКВД.

В Райотделении НКВД ТАВРИН предъявил удостоверение за № 1284 от 5ЛХ-44 г. со штампом начальника п.п. 26224, что он командирован в гор. Москву, Главное управление НКО Смерш и телеграмму Главного Управления КРО Смерш НКО СССР № 01024 и такого же содержания командировочное удостоверение.

После проверки документов через Начальника Гжатского РО НКВД тов. ИВАНОВА была запрошена Москва и установлено, что ТАВРИН в Главное Управление КРО Смерш НКО не вызывался и таковой на работе в КРО Смерш 39 армии не значится, он был обезоружен и сознался, что он переброшен на самолете немецкой разведкой для диверсий и террора.

При личном обыске и в мотоцикле, на котором следовал ТАВРИН, обнаружено 3 чемодана с разными вещами, 4 орденских книжки, 5 орденов, 2 медали, Золотая звезда Героя Советского Союза и гвардейский значок, ряд документов на имя ТАВРИНА, денег совзнаками 428 400 руб., 116 мастичных печатей, 7 пистолетов, 2 охотничьих ружья центрального боя, 5 гранат, 1 мина и много боепатронов...»

Документ второй — это «Докладная записка», прежде всего товарищу

Сталину И.В. из НКГБ СССР, датированная 30 сентября 1942 года. В ней уже немного другое содержание:

«5 сентября с.г. близ районного центра Смоленской области — с. Карманово сотрудники НКВД—НКГБ задержали показавшегося подозрительным неизвестного в форме майора Красной Армии. Он следовал на мотоцикле с коляской по дороге на Ржев и предъявил документы на имя Героя Советского Союза Таврина Петра Ивановича. Вместе с ним была задержана женщина, следовавшая в коляске мотоцикла, назвавшаяся женой Таврина — Шиловой Лидией Петровной. При обыске задержанных изъято:

а) специальный аппарат “панцеркнаке” с 9 зарядами. При исследовании установлено, что снаряд “панцеркнаке” калибр 30 мм, длиной 170 мм, весом 235 граммов является бронебойно-фугасной гранатой кумулятивного действия с бронепробиваемостью стрельбы до 300 метров. Аппарат соединен тонким проводом с электрической батареей и приводится в действие нажатием кнопки...

С сентября 1943 года по август 1944 года включительно (Таврин) сначала в Пскове, а затем в Риге и Берлине под руководством начальника Восточного отдела СД Грефе, сотрудника СД (принимавшего участие в похищении Муссолини) Скорцепи и начальника рижского СД майора СС Крауса проходил в индивидуальном порядке особую подготовку как террорист для совершения террористических актов против руководителей СССР.

Кроме того, обработку Таврина на протяжении длительного времени вел находящийся в Германии изменник Родины — бывший секретарь Ростокинского райкома ВКП(б) г. Москвы Г.Н. Жиленков.

В ночь с 4 на 5 сентября с.г. он был переброшен через линию фронта с Рижского аэродрома на четырехмоторном транспортном немецком самолете, оборудованном для посадки на непригодных площадках, и высажен вместе с мотоциклом в районе с. Карманово. Переброску организовал германский разведывательный орган СД в Риге, условно именуемый “Цеппелин”.

Цель переброски — организовать и осуществить террористический акт против т. Сталина, а при удобном случае также и других членов правительства — Берии, Кагановича и Молотова. Прилагается альбом вещественных доказательств по делу.

Для выявления дальнейших намерений германской разведки по делу Таврина начата радиоигра с немцами. 25 октября с.г. радиоцентром противника установлена двусторонняя связь. В качестве радистки

используется жена Таврина — Шилова Лидия Яковлевна (арестована), которая прошла у немцев курс радиодела и была выброшена в тыл вместе с Тавриным...»

Таким образом, возвращение Таврина на Родину стало приятным сюрпризом для её спецслужб и «киндерсюрпризом» для самого «героя». Не ожидал он такой встречи с «оркестром и цветами», потому как планы у него были совершенно земные, но бес, что называется, попутал...

Сегодня кто-то бы сказал по поводу задержания Таврина: «Попал под замес!» Но что есть, то есть. Однако запомним содержание двух документов. Оно нам еще обязательно пригодится.

В немецком плену Шило-Таврина, как оказалось, не ждали с распростёртыми объятиями. Это только в листовках были шуточки да прибаутки. В реальности все оказалось куда сложнее. Но здесь для него было своего рода спасение.

«Будучи сыном сапожника, немцам он говорит, что его отец полковник царской армии, и поэтому, дескать, он, Пётр Шило, постоянно преследовался органами советской власти, — пишет А. Михайлов. — Чтобы набить себе цену, рассказывает небылицы о положении советских войск на том участке, где воевал. Врал самозабвенно, не думая о последствиях. Чем выше уровень допросов, тем шире был размах его вранья. Слушая его, немцы только покачивают головой. Наконец офицер, осуществлявший опрос, не выдерживает. Он расстилает перед Тавриным карту.

— Это вот данные вчерашнего дня нашей авиаразведки, которые не подтверждают такого числа советских войск в местах, которые вы назвали. Разрешите вас спросить: чему же верить?

“После этого, — показывал позже уже советским следователям Таврин, — меня больше нигде не вызывали и ни о чем больше не спрашивали”.

Это но военным вопросам. Но ведь Таврин выдавал себя еще и за инженера-геолога, который стоял у истоков строительства Магнитогорского мартиновского завода, разведывал запасы горы Магнитной.

И вот однажды, — рассказывал Таврин, — майор, который меня допрашивал, велел мне подробно описать мартиновский завод, сделать на листе ватмана его эскиз, а также изобразить разрез горы Магнитной. Вот тут-то я и подзадумался.

Художничал три дня, писал и рисовал, что в голову пришло. Майор посмотрел мою писанину и спрашивает: “А где же рудодробильная фабрика?” Я же и понятия не имел, что есть такая. Хотел возразить майору, что, мол, нет такой фабрики на Магнитогорском заводе, но майор рукой махнул: “Что касается горы “Магнитной”, то, по моим расчётам, общий баланс выражался в миллиардах тонн руды, в то время как у майора в его справочнике значилось всего в десятках миллионов”».

Ближайший сподвижник изменника генерала Власова Георгий Жиленков, также находившийся одно время в лагере для военнопленных

вместе с Тавриным, подметил за ним те же пороки: «Таврин рассказывал, что он до войны проживал в Воронеже и работал в местном управлении НКВД, занимая должность начальника личной охраны тогдашнего секретаря Воронежского обкома Варейкиса.

В период войны, рассказывал Таврин, он служил командиром батальона, входившего в состав войск Центрального фронта, имел звание старшего лейтенанта, отличился в боях, за что был награждён орденами.

Должен сказать, что к рассказам Таврина я относился с недоверием, считая, что Таврин приписывает себе заслуги, которых в действительности у него не было. В этом мнении меня особенно укрепило то обстоятельство, что Таврин вскоре после прибытия в лагерь был изобличён в краже 130 рублей денег, а затем военнопленными был избит за шулерство при игре в карты».

Или ещё один характерный случай: вымолив у начальства лагеря для себя лёгкую работу «набивать номера на жетоны военнопленных, он был вскоре изгнан, так как воровал в каптёрке картошку и вермишель, а потом нагло поёдал всё это на глазах товарищей. Приходится удивляться немцам, которые закрывали глаза на все эти “шалости” Таврина. Много, очень много сходило ему с рук. Сегодня, зная его историю, можно предполагать, что эта лояльность связана была с выполнением Тавриным деликатных поручений гитлеровской контрразведки», — заключает А. Михайлов.

Сегодня известно, что Таврин-Шило в знаменитом офицерском лагере военнопленных Хаммельбургс, через который прошли все пленные советские генералы, пытался «работать» с генерал-майором И.И. Мельниковым. 1892 года рождения, участник ещё Первой мировой войны, он был командиром 246-й стрелковой дивизии, которая 19 февраля 1942 года попала в окружение в районе города Ржев. А 1 марта раненый генерал попал в плен.

К слову, по признанию, сделанному Тавриным уже в Лубянской тюрьме, он очень уважал Мельникова «за его простоту, доброту и почти отцовские советы. Он не был кичлив, как многие другие советские генералы, к тому же был старше всех по возрасту и пользовался всеобщим уважением».

Новая жизнь Таврина, полная приключений, началась в Восточной Пруссии, в Летцинской крепости, где судьба его свела с Жиленковым. Об этом человеке следует сказать несколько слов. Георгий Николаевич родился в 1910 году, в партии состоял с 1929-го. До войны был секретарем Ростокинского райкома ВКП(б) города Москвы и членом Московского городского комитета ВКП(б). С начала войны бригадный комиссар и член

Военного совета 32-й армии. Кавалер ордена Трудового Красного Знамени.

7 октября 1941 года при выходе из окружения присоединился к небольшой группе красноармейцев, а 14 октября без сопротивления сдался немцам в районе Волостопятница.

На допросе выдал себя за рядового Максимова и поступил на немецкую службу, где работал шофёром в транспортной колонне 252-й пехотной дивизии.

Из пленных шофёров организовал подпольную группу, которая, с его слов, совершила несколько диверсий. В мае 1942 года был выдан лесником Гжатского лесничества Черниковым. На этот раз назвал свои подлинные фамилию и должность. Согласился работать на немцев. Сначала содержался в ставке главного командования сухопутных войск Германии в Ангенбурге-Летцене, а уже в июне приступил к работе в отделе пропаганды вооруженных сил Германии. Там редактировал листовки и брошюры, распространявшиеся в тылу Красной армии. С января 1943 года находился в Берлине.

В феврале 1943 года вместе с Власовым, Малышкиным и Благовещенским обратился к германскому командованию с докладной запиской о создании Русской национальной армии. Тогда же носил форму немецкого генерала, будучи сподвижником Власова.

Известно, что «Особый лагерь для подготовки офицерского состава частей РОЛ» был создан в августе 1942 года в Летцене. При нём в изолированных бараках была организована спецшкола для подготовки контрразведчиков РОА и для лагерей военнопленных. Школа находилась в непосредственном подчинении командующего Восточными войсками генерала Кёстринга. В школе одновременно обучались до 150 человек. Срок обучения — 6 месяцев. В учебную программу были включены изучение методов работы советской, французской, английской разведок, способы добывания и передачи агентурных сведений, вербовка агентуры и работа с пей, изучались контрразведка в частях РОЛ, подрывное дело, материальная часть оружия, приемы самбо.

В августе 1943 года после долгих мытарств, неудач, выполнения разного рода мелких поручений немцев Таврина наконец-то переводят в специальный лагерь СД близ города Зандберг и зачисляют в так называемую Особую команду. Или Замберг?

Именно в этом местечке весной 1943 года на базе личного состава Бухенвальдского и еще нескольких предварительных особых лагерей «Цеппелина» был создан приёмно-распределительный лагерь, расположенный в 1,5 километра от станции Брайтенмаркт (Верхняя

Силезия). Официальное наименование органа «СС зондерлагерь “Замберг”», или «Военный лагерь РОА».

Основная задача органа — проверка и фильтрация всех активистов, завербованных во фронтовых лагерях военнопленных, но по разным причинам не используемых на местах.

Итак, Таврин попадает в серьёзную организацию «Цеппелин». Он же разведывательно-диверсионный орган. Создан Главным управлением имперской безопасности Германии для подрывной деятельности по политическому разложению советского тыла в 1942 году.

В своей работе против СССР «Цеппелин» действовал в тесном контакте с абвером и командованием вермахта, а также с имперским Министерством по делам оккупированных восточных областей. Он был подчинён IV управлению РСХА и на правах особого подразделения — VI Цет — входил в группу (отдел) VI Ц, проводившую политическую разведку против Советского Союза и стран Ближнего Востока.

В повседневной деятельности «Цеппелин» руководствовался так называемым Планом действий для политического разложения Советского Союза. Достижение цели предполагалось осуществить путём заброски специально обученной агентуры в глубокие тыловые районы Советского Союза, имеющие важное оборонное значение, а также в национальные области и республики. Например, перед агентами ставились такие задачи, как: сбор разведывательных данных о политическом положении в СССР, проведение националистической антисоветской пропаганды, организация повстанческого движения и осуществление террористических актов против партийных и советских лидеров.

Зондеркоманды «Цеппелина» занимались отбором военнопленных для подготовки агентуры в учебных лагерях, собирали сведения о политическом и военно-экономическом положении СССР путём опроса военнопленных, проводили сбор обмундирования для экипировки агентуры, различных воинских документов и других материалов, пригодных для последующего использования.

Весной 1943 года зондеркоманды были расформированы, а вместо них на советско-германском фронте созданы две главные команды — «Русланд Норд» и «Русланд Зюйд». Эти команды сосредоточили свои действия только на важнейших направлениях: северном и южном.

Но вернёмся к нашему герою. Во время пребывания в Зандбергском особом лагере Таврин имеет беседу с первым начальником отдела IV-C (Восточный отдел) разведоргана «Цеппелин» РСХА штурмбаннфюрером СД Вальтером Куреком, в дальнейшем состоится знакомство с двумя другими руководителями этого подразделения СД:

оберштурмбаннфюрером СД Хайнцом Грефе и его преемником — штурмбаннфюрером СД доктором Эрихом Хенгельхауптом.

В конце августа Таврина доставляют в Берлин к Хайнцу Грефе. По каким-то причинам он лично желает познакомиться с агентом по кличке Полипов. Это была пока ещё первая поездка, так сказать ознакомительная.

Согласно личному делу, которое лежало перед оберштурмбаннфюрером на столе, у Таврина отмечали природный ум, инициативность и прирожденный дар провокатора. Выглядит на тридцать пять, крепкого телосложения, широкоплеч, спокоен. Лоб высокий, лоснящийся, выпуклый. Морщин нет. Взгляд открытый, располагающий. Волосы тёмные, аккуратно зачёсаны назад. Слегка заметна седина. Экземпляр, безусловно, интересный.

Грефе разговаривал непринуждённо, плавно переходил от одного вопроса к другому. Его интересовало всё. Биографические данные, причины, побудившие агента дать согласие на сотрудничество с германской разведкой. И только в конце разговора он перешёл к главному. Грефе рассказал о заданиях, которые могут быть даны Таврину для работы на территории СССР.

— Я могу вас использовать для разведки, диверсии или террора. Но вам необходимо хорошо подумать и взвесить, в каком качестве вы бы хотели работать сами. Что вас больше всего бы устроило, — заключил Хайнц Грефе.

Напоследок он обещал вызвать Таврина ещё раз.

В первых числах сентября 1943 года в лагерь, где находился Таврин, вместе с Власовым приезжает и Жиленков. Они передавали немцам один из сформированных ими отрядов из русских военнопленных. После символической церемонии Жиленков ходил по лагерю и лично беседовал с военнопленными. Таврин, как рассказывал на Лубянке, сам подошёл к нему, и они разговорились.

В разговоре он поведал старому знакомому о том, что согласился работать на германскую разведку и зачислен в «Особую команду» в составе 23 человек. Бывший советский партработник одобрил это решение и заявил:

— Наконец-то я увидел тебя там, где ты должен быть давно.

— Георгий Николаевич, спасибо за поддержку, — заулыбался Таврин. — Но я вам не сказал главного. Меня вызывают к Грефе, где состоится разговор о моей работе в советском тылу.

— Я тебе лично сам рекомендую согласиться, потому что сейчас самой важной задачей является совершение террористического акта против

Сталина. Только с его устранением может последовать развал всего Советского государства. А это для нас теперь единственное спасение. Когда я вернусь в Берлин, я лично приму необходимые меры к ускорению твоей переброски в СССР.

Закончив разговор, Жиленков что-то записал в свою записную книжку.

Таким образом, не кто иной, как сам Жиленков подсказал Таврину его плавную задачу: уничтожение самого Сталина. Таврин, несмотря на свою авантюрную жилку, самостоятельно додуматься до такого не сумел.

Очень скоро после отъезда Власова и Жиленкова Таврина снова вызывают в Берлин к Грефе. При встрече он интересуется жизнью агента в лагере. В общем, обычные слова.

Но скоро переходит к делу:

— Вы подумали над моим предложением? Так каким же будет ваше решение?

— Я готов принять ваше задание по террору, — мгновенно ответил Таврин.

А дальше интереснее. Получив согласие, Грефе «предложил разработать и представить ему в письменном виде конкретный план совершения террористического акта, а также указать, какие средства мне необходимы для этой цели».

А что делает Таврин?

«Получив от ГРЕФЕ задание составить план совершения террористического акта, я был доставлен одним из сотрудников ГРЕФЕ в гостиницу, где меня поселили. В тот же день ко мне приехал ЖИЛЕНКОВ, которому я рассказал о задании, полученном от ГРЕФЕ, а также о трудностях, возникших у меня при попытке написать план совершения террористического акта. Тогда ЖИЛЕНКОВ предложил мне свою помощь и увёз к себе на квартиру. Там он написал этот план, поручив мне переписать его своей рукой и вручить ГРЕФЕ», — припомнит на следствии Таврин.

О плане он расскажет кратко: «Большая часть была посвящена всякого рода клеветническим выпадам против Советского правительства и декларированным утверждениям о необходимости совершения террористического акта против И.В. СТАЛИНА. Затем было указано, что террористический акт должен быть совершён путём проникновения на какое-либо торжественное заседание. Всё это было написано ЖИЛЕНКОВЫМ, я лишь дописал о средствах, необходимых для его выполнения».

Когда Таврина спросят: «Следовательно, вы по своей инициативе потребовали от немцев такие средства, как отравленные разрывные пули и

бронебойные снаряды?» «Нет, я этого не требовал. Всё это мне дали немцы незадолго перед переброской через линию фронта. В плане я написал лишь о том, что мне необходимы 500 тысяч рублей денег, документы и пистолеты», — ответит он.

Словом, он банально переписал план совершения террористического акта своей собственной рукой, так как додуматься до такого его больная на воображение голова не смогла. Однако приписал нужную для себя сумму в 500 000 рублей. Только после этого Таврина направляют в распоряжение начальника главной команды «Цеппелин» («Норд») Крауса. И всё же роль Жиленкова в деле Таврина была установлена. Жиленков убедил немецкое командование поверить Таврину. Как утверждают немецкие исследователи, именно он предложил идею теракта в Кремле начальнику одного из управлений абвера Эрвину Лахузену, а Петра Таврина — на роль его исполнителя.

23 сентября 1943 года Таврин приезжает на место, где до 6 ноября занимается физической подготовкой и тренируется в стрельбе из различных систем оружия.

Затем третья поездка в Берлин. Сам Таврин полагал, что Грефе хотел лично проверить», как идет его подготовка, так как в беседах только об этом и шла речь. Более того, немец приказал ускорить окончание подготовки. Об особой миссии, которую готовили Тавриду, говорит множество фактов, в том числе и такие: по указанию Грефе в Берлине ему была куплена гражданская одежда и обувь хорошего качества. Также по его указанию в Берлин была вызвана жена Таврина — Лидия Яковлевна Шилова (жена с ноября 43-го). Вместе они провели десять дней. В Берлине в это время также находился и Краус, который известил агента о его переводе в Ригу, так как в Пскове было замечено множество советской агентуры.

5 декабря 1943-го Таврин прибыл в Ригу, куда 20 января 1944-го была переведена из Пскова вся команда «Цеппелина».

Там в рижском военном госпитале под наркозом ему были сделаны большая рана на правой части живота и две небольших раны на руках. Пролежав в госпитале 14 дней, Таврин выписался со следами на теле, схожими с зарубцевавшимися ранами.

Сам факт такой операции говорит о тщательной подготовке немцев к предстоящей операции. То есть легенда отработывалась вплоть до незначительных мелочей. Правда, изначально речь шла о выброске Таврина под видом инвалида войны, в связи с чем от агента требовали согласиться на хирургическую операцию, в результате которой он должен был стать хромым. Но Таврин уперся, и остановились на обыкновенных рубцах.

Безусловно, Таврин был авантюрист, но не настолько, чтобы вернуться на родину инвалидом.

К слову, легенда прикрытия, как и задание, для каждого агента отрабатывались по окончании теоретического курса и практических занятий. Нередко для некоторых агентов готовили две, а то три легенды. Этого требовали условия, в которых они могли оказаться на советской территории. Также тщательно готовились экипировка и фальшивые, но достаточно надежные и безукоризненно сработанные удостоверения, справки и разного рода аттестаты.

Кто знает, но, может быть, в ходе подготовки Таврину доводилось читать специальную памятку под следующим названием: «Размышления разведчика». В ней говорилось: «Запомни раз и навсегда, что отныне ты воин тайного фронта, что на твоём пути будут одни трудности и преграды, которые ты должен умело и эффективно преодолеть. Забудь свое прошлое. В основе твоей жизни лежит легенда. Твоя работа требует от тебя силы воли и твёрдого характера, а поэтому, не откладывая, берись за устранение своих уязвимых сторон. Важное значение в твоём деле может иметь случай, поэтому никогда не упускай удачного случая. Возьми для себя за правило не выделяться из окружающей среды, подстраиваться под массу... Не вербуй себе в помощники неразвитых людей. Но в то же время не забывай, что под глупой физиономией может скрываться золотой человек. Никогда не назначай встречи в одном и том же месте, в одно и то же время. Если ты хочешь что-либо узнать о постороннем, говори с собеседником так, чтобы не чувствовалось твоих наводящих вопросов. Если ты хочешь чем-то поделиться, подумай: “Я это скажу через пять минут”. По прошествии этого срока ты убедишься, что у тебя пропало желание откровенничать. Развивай свою память и наблюдательность. И научись молчать, ибо способность молчать и запоминать будет твоим первым и лучшим помощником. Если ты любишь женский пол, то никогда не влюбляйся и чаще меняй женщин. Имей в виду, что объект твоей любви может оказаться на службе в контрразведке, и тогда ты пропал».

Первые сведения о готовившейся акции и наводке на самого Таврина были получены через агентуру Ленинградского управления НКВД, действовавшую в Пскове. Об эффективности работы этого управления говорит и то, что сведения о предполагаемых забросках в Ленинград вражеской агентуры, пунктах перехода ею линии фронта чекистский аппарат стал получать заблаговременно.

Во время подготовки Таврина к операции из Риги было получено сообщение о странном заказе, который сделал неизвестный посетитель в одной из пошивочных мастерских, входивших в систему немецких спецслужб. Он попросил сшить ему кожаное пальто по русской моде, но с расширенным правым рукавом и широкими удлиненными карманами. Заказчик подозрительно не оставил ни своего адреса, ни своего имени, а лишь сказал, что сам придёт за пальто. Портной удивился необычности кроя и анонимности заказчика и сообщил «куда надо». Кроме того, за странным клиентом проследили. Из мастерской он направился в отель «Эксельсиор», что располагался на Гоголя, дом 5, известный как пристанище германских разведорганов. Так видный мужчина, выше среднего роста, широкоплечий, с благородными, привлекательными чертами, с большим лоснящимся лбом и розовощёкий попал на заметку.

Как пишет Г. Конев, «операцию готовили по-немецки тщательно, но немецкая мелочность не всегда хороша в разведке. Под “панцеркнаке” нужен был плащ: в рукаве обычной шинели ствол не спрячешь. На складе трофейных регланов не нашли, решили шить на месте — в Риге. Каноническая легенда гласит, что хозяин мастерской, к которому поступил подозрительный заказ (“И вот эти советские клейма пришейте на него”)! был связан с советским подпольем».

Для совершения террористического акта Таврин будет снабжён в Риге пистолетами с комплектом отравленных и разрывных пуль, специальным аппаратом под названием «панцеркнаке» и бронебойно-зажигательными снарядами к нему.

«Панцеркнаке» состоял из небольшого ствола, который при помощи специального кожаного манжета закреплялся на правой руке. Аппарат был настолько портативным, что мог быть замаскирован в рукаве пальто. В ствол помещался реактивный снаряд, который приводился в действие путем нажатия специальной кнопки, соединенной проводом с

электрической батареей, спрятанной в кармане одежды. Стрельба производилась бронебойно-зажигательными снарядами.

Во время тренировок в стрельбе из «панцеркнаке» Таврин пробивал бронированные плиты толщиной 45 мм. При этом воспользоваться специальным оружием он мог только в том случае, если бы ему представилась возможность совершить террористический акт на улице во время прохождения правительственной машины.

Отравленные и разрывные пули для стрельбы из автоматических пистолетов должны были применяться на близком расстоянии от объекта террористического акта.

Для доставки Таврина на советскую территорию также был оборудован специальный четырёхмоторный транспортный самолёт «Арадо-332», который благодаря двадцатиколёсному шасси и особым каучуковым гусеницам мог приземлиться не только на непригодной площадке, но и в случае необходимости даже на пахотном поле.

Для отхода от места посадки ему также подготовили закамуфлированный мотоцикл М-72 советского производства.

Летом 1944 года начальнику Главного управления контрразведки Смерш принесли расшифрованную радиограмму. Текст был следующим: «IV отделом РСХА подготовлена группа, цель которой — ликвидировать Верховного. Группа состоит из двух человек. Заброска будет осуществлена воздушным путём. Район — северо-западные области. Срок — первая половина сентября. Фрау».

«Посадку самолета должна была обеспечивать заранее заброшенная аэродромная команда, — пишет Н.А. Зенькович. — По плану ее выбросили первой. Однако ей не повезло — переловили сотрудники СМЕРШ. На допросах аэродромщики особо не упирались и выложили всё, что им было известно. Они признались, что прибыли с целью встретить другой самолёт. Кто на нём должен прилететь, понятия не имеют.

Контрразведчики поняли, что может пожаловать важная птица, и предложили радисту группы передавать в разведцентр ту информацию, которую ему дадут. Началась радиоигра. Радист сообщал: все зер гут, подготовка к приёму самолёта идёт по плану.

Не заметив подвоха, разведцентр дал добро на вылет...»

В период подготовки Таврина к специальному заданию ему довелось даже трижды встречаться с самим Скорцени. Сам факт таких встреч говорит не только о серьёзности всех проводимых мероприятий «Цеппелином», но прежде всего о реалистичности плана террористического акта против Сталина, который поручался Таврину.

«СКОРЦЕНИ был известен мне из газет, как руководитель и личный участник похищения из Италии МУССОЛИНИ, после того, как он был взят в плен англичанами, — рассказывал Таврин на допросе. — В первой беседе со мной в ноябре 1943 года в Берлине СКОРЦЕНИ расспрашивал о моём прошлом и беседа носила больше характер ознакомления с моей личностью. Цель этого свидания стала для меня ясна несколько позже, после встречи со СКОРЦЕНИ...

В январе 1944 года, находясь в Риге, я получил приказ КРАУСА выехать в Берлин. Сопровождал меня переводчик “СД” ДЕПЛЕ. По прибытии в Берлин я узнал от ДЕПЛЕ, что полковник ГРЕФЕ погиб в начале января 1944 г. во время автомобильной катастрофы и что вместо него назначен майор “СС” ХЕНГЕЛЬ-ХАУПТ.

ДЕПЛЕ мне сообщил, что ХЕНГЕЛЬ-ХАУПТ вызвал меня для личного знакомства, но придётся подождать некоторое время, так как он занят и не может меня принять.

Через два-три дня мне была организована встреча со СКОРЦЕНИ...

...ДЕПЛЕ привёз меня в служебный кабинет СКОРЦЕНИ на Потсдамельштрассе, № 28. Кроме СКОРЦЕНИ в кабинете находились ещё два неизвестных мне работника “СД”.

В беседе СКОРЦЕНИ объяснял мне, какими личными качествами должен обладать террорист. По ходу разговора он рассказывал о деталях организованного им похищения МУССОЛИНИ. СКОРЦЕНИ заявил мне, что если я хочу остаться живым, то должен действовать решительно и смело и не бояться смерти, так как малейшее колебание и трусость могут меня погубить. СКОРЦЕНИ рассказал, как во время похищения МУССОЛИНИ он перепрыгнул через ограду замка, очутился в 2-х шагах от стоявшего на посту карабинера. “Если бы я тогда хоть на секунду замешкался, — заявил СКОРЦЕНИ, — то погиб бы, но я без колебаний прикончил карабинера и, как видите, выполнил задание и остался жив”.

Весь этот разговор сводился к тому, чтобы доказать мне, что

осуществление террористических актов в отношении специально охраняемых лиц вполне реально, что для этого требуется только личная храбрость и решительность и что при этом человек, участвовавший в операции, может остаться живым и стать “таким же героем”, каким стал он — СКОРЦЕНИ...

...Третья встреча со СКОРЦЕНИ состоялась также в январе 1944 года в Берлине...

СКОРЦЕНИ в этот раз расспрашивал меня о Москве и пригородах и под конец прямо поставил передо мной вопрос — возможно ли осуществление в СССР такой операции, какую он провёл в Италии? Я ответил, что затрудняюсь судить об этом, но, по моему мнению, проведение такой операции в СССР значительно сложнее, чем похищение МУССОЛИНИ из Италии...»

«Скорцени лично был достаточно осведомлён о “радиоиграх” как форме контрразведывательных мероприятий, проводимых германской разведкой на Западе. Правда, они его интересовали чисто с “технической” стороны как возможность получить прямо из рук противника “новинки” для подрывного дела, — утверждают В. Макаров и А. Тюрин. — Так, в ходе “радиоигры” с английской разведкой в руки немцев попадали не только радиостанции, взрывчатка, амуниция, но и новейшие образцы вооружения, изготовленные небольшими партиями для проведения специальных операций.

Скорцени, получив эти сведения, быстро нашёл возможность их применения в усовершенствовании экипировки своих разведчиков-диверсантов. Об этом он написал в своих мемуарах: “Нам стало известно, что английские агенты используют в спецоперациях пистолеты с глушителями. В Германии такое оружие не производилось. Не попадали к нам трофейные образцы и во время пашей компании на Западе. И тут меня осенило: “А что, если “затребовать” глушитель прямо у англичан?” Наш голландский филиал предпринял попытку реализации этой идеи. Меньше чем через 2 недели я держал в руках секретное оружие. Это был револьвер калибра 7,75, грубо и примитивно сработанный, но простой и безотказный в употреблении. На имя перевёрбованного агента по кличке “Сокровище” оружие было доставлено по воздуху из Великобритании и с благодарностью принято нами!»

К словам Скорцени можно добавить, что примерно таким же образом поступала и советская контрразведка в ходе проведения “радиоигр” с абвером и СД, то есть с самим же Скорцени. Среди оружия и взрывчатых веществ, изымаемых советскими контрразведчиками, часто встречались

образцы вооружения, изготовленные в Великобритании.

Например, в числе семи пистолетов, изъятых у Шило-Таврина, которого Скорцени лично готовил к покушению на Сталина, был пистолет системы “Верблей-Скотт”, снаряжённый специальными отравленными разрывными пулями. Особенность конструкции этого пистолета состояла в том, что во время выстрела отпирание ствола происходило после его короткого отхода назад с одновременным снижением. Возвратная пружина двуперая, V-образная, расположена в рукоятке под правой щёчкой. Её усилие на затвор передаётся через рычаг. Курок смонтирован на подвижной детали. Другими словами, в умелых руках пистолет этой конструкции являлся мощным и надёжным оружием.

“Излишки” оружия и взрывчатки, которые германские спецслужбы “получали” от англичан, оказывались у агентов, забрасываемых в советский тыл».

В апреле 1944 года подготовка Таврина была почти завершена. Его снова вывозят в Берлин, где утверждается план, а также ему выдают «панцеркнаке» и пистолеты. Затем следует заключительный инструктаж от Хенгельгаута.

«По прибытии в Москву, — вспоминал Таврин, — я должен был установить знакомство с лицами, преимущественно женщинами, работающими в правительственных учреждениях. При этом он рекомендовал мне устанавливать с женщинами интимные отношения с тем, чтобы расположить их больше к себе и исключить подозрения. Он лично снабдил меня возбуждающими средствами, которые при подмешивании их в вино вызывают сильное половое возбуждение.

Через своих знакомых я должен был в осторожной форме выяснить место и время торжественных заседаний с участием членов советского правительства, а также маршруты движения правительственных машин.

Узнав точно, где происходит торжественное заседание с участием членов правительства, я должен был проникнуть в помещение, приблизиться к Сталину и стрелять в него из автоматического пистолета отравленными пулями. Если бы я не смог приблизиться к Сталину, я должен был стрелять в Молотова, Берия или Кагановича».

В отличие от сотен других агентов, отправляемых в советский тыл со специальными заданиями, Таврин получил вместо поддельных орденов настоящие: орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского и орден Красной Звезды. Кроме того, ему были выданы настоящая Золотая звезда Героя Советского Союза, орденские книжки на соответствующие награды, а также специально сфабрикованные вырезки из

газет с текстами указов о награждении этими наградами.

Первая попытка перебросить Шило-Таврина через линию фронта была предпринята в июне месяце. Сам Таврин на допросе покажет: «6-го июня 1944 года я прибыл из Риги в Минск, откуда должна была осуществиться переброска меня на самолёте через линию фронта. ЯКУШЕВ, работавший тогда в Минском отделе “СД”, производил окончательный осмотр правильности оформления моих документов и обмундирования. В связи с тем, что по техническим причинам переброска меня из Минска через линию фронта не состоялась, я вернулся в Ригу...»

Дело в том, что первая попытка оказалась неудачной. Самолет, вылетевший с минского аэродрома, в воздухе был обстрелян, получил повреждения и вынужден был вернуться обратно.

«Вскоре был назначен новый срок, но он несколько раз переносился из-за неготовности самолёта. Таврин стал нервничать, — пишет А. Михайлов. — По свидетельству его жены Шиловой-Адамович, однажды, вернувшись домой в особо подавленном состоянии, он сказал: “Не знаю, чего дождётся от этих немцев, то ли самолёта, то ли пули*”».

Именно в это время Таврин поставил перед Краусом условие, чтобы в советский тыл в качестве радистки вместе с ним летела жена. Это была неприкрытая авантюра.

Из показаний Шиловой-Адамович:

«Спешно стали меня обучать радио. И в 16 дней сделали радисткой, проверили меня, как я могу держать связь. В последний момент перед отъездом (за 2 часа) устроили мне связь с Берлином. Но связаться-то я связалась и телеграммой обменялась, а принять — половину не приняла. Какой-то страх нашёл, руки совершенно не повиновались. Не смущаясь этим, они сами (то есть по приказу Крауса) ответили за меня Берлину. Сказали, что я настоящий радист, работала раньше. И Берлин дал тоже разрешение на мой отъезд с мужем».

Известно, что Таврин с Лидией Шиловой познакомился в Пскове в конце 43-го. Молодая и красивая, она во время оккупации работала по разнарядке немецкого коменданта сначала в офицерской прачечной, потом в швейной мастерской. Там-то и вышел конфликт. Один из германских офицеров попытался склонить Лидию к сожительству, а получив категоричный отказ, добился ее перевода на лесозаготовки. На тяжелых работах она таяла на глазах, пока случай не свел её с Тавриным.

Но прошло время, и 5 сентября 1944 года на рижском аэродроме стоял в готовности к вылету четырёхмоторный военно-транспортный самолёт...

Вскоре прибыли Таврин с женой в сопровождении Отто Крауса. Они

попрощались, один из членов экипажа заdraил люк. Всё! Загудели моторы, и после короткого разбега самолёт взял курс на восток.

То, что их ждали, в этом нет абсолютно никаких сомнений. Но если задача советских контрразведчиков была их поймать, то — германской разведки: ждать сообщений о ходе выполнения задания. Однако была ещё и третья задача — самого террориста или диверсанта, если хотите, Таврина: исчезнуть как можно быстрее и от тех, и от других.

Итак, в 1 час 50 мин ночи 5 сентября начальнику Гжатского РОНКВД с поста службы ВНОС было сообщено, что в направлении города Можайска на высоте 2500 метров появился вражеский самолёт.

В 3 часа поступило следующее сообщение: самолёт противника после обстрела на ст. Кубинка, Можайск — Уваровка Московской области возвращается обратно и стал приземляться с загоревшимся мотором в районе деревни Яковлево-Завражье Кармановского района Смоленской области.

«К месту посадки мы прибыли где-то около часу ночи. Перед посадкой самолет сделал несколько кругов и начал снижаться, — расскажет на допросе Шилова-Адамович. — Но пилот, видимо, не рассчитал площади посадки, да и для четырёхмоторного самолёта место было выбрано неудачно.

Казавшийся сверху ровным луг на самом деле был весь в глубоких канавах, поросших высокой травой. Когда самолёт приземлился и побежал, то нас несколько раз подбрасывало вверх, потом что-то затрещало. Я подумала, что полопались колёса, но нет, самолёт бежал. На пути стояли ели — он их переломал и продолжал катиться дальше.

Лётчик дал полный газ, намереваясь взлететь, но поздно — впереди совсем рядом был лес. Видя нашу гибель, я ухватилась за мужа и опустилась на дно кабины. Раздался сильный треск, посыпались стёкла, и машина остановилась.

Прошла, видимо, одна секунда, когда все молчали. Потом я услышала: “Прыгай!”

Я выскочила, муж, состав экипажа, а их было 6 человек. Все ожидали взрыва, но нет, бензинный бак выскочил раньше и отлетел в сторону, это нас спасло.

Немцы помогли вытащить мотоцикл, потом стали бросать свои документы в огонь. По радио они не смогли сообщить о произошедшей катастрофе.

Как только мы немного отъехали от самолёта, муж тоже выбросил в кусты радиостанцию, потому что она лежала сверху и была тяжёлая, а дороги не было...»

Кроме выброшенной радиостанции, в самолете Таврин оставил ещё и «панцеркнаке» и многое другое. Но не потому что так ему было легче уходить от погони, а просто за ненадобностью.

Однако спустя два дня ему снова не повезло...

«Часов в 6 утра, когда уже стало светло, у села Карманово навстречу нам попался вооружённый мужчина на велосипеде. Я снова справился о дороге, он показал, но я, очевидно, проскочил мимо поворота. Пришлось возвращаться обратно, и тут мы снова встретили того же мужчину. Он предъявил документы на имя начальника Кармановского РО НКВД Ветрова и сказал, что в этом районе приземлился самолёт и от него отделился мотоцикл с людьми. Я предъявил ему свои документы и предупредил, что спешу. Но Ветров потребовал, чтобы я поехал с ним в РО НКВД. Я подчинился», — вспомнил Шило-Таврин, видимо, сожалея об этом. Но ведь тогда он ещё был уверен в силе своих документов, звания, должности и наград. Совершенно не осознавая, что теперь-то он попал уже окончательно.

«Был обычный летний вечер, — запишет рассказ очевидца С. Кокоттина. — Жители деревни Яковлево собрались на посиделки... Примерно в час ночи внимание людей привлёк незнакомый гул самолёта, пролетавшего низко над лесом и, судя по всему, идущего на посадку. Самолёт скрылся за лесом, а через какой-то промежуток времени оттуда послышались взрывы и появилось пламя. Молодёжь побежала на зарево.

Тем временем из леса выехал мотоцикл, в коляске которого сидела женщина, а за рулём — человек в форме советского офицера. Он спросил дорогу на Карманово. Показать дорогу вызвалась молодая учительница Анастасия Малинина. Она проводила мотоциклистов до деревни Сидорове

Ребята, которые побежали на зарево, обнаружили в лесу разбитый немецкий самолёт и, вернувшись в Яковлево, позвонили через Ветрово, Мало-Носовые и деревню Никульники в точки воздушного наблюдения. У нас о готовящейся акции немцев знали, поэтому все посты наблюдения были приведены в состояние боевой готовности и сразу же начали действовать.

Ночью меня разбудила первый секретарь Кармановского райкома комсомола М.Ф. Попова, сказав: «Вставай, пойдем ловить диверсантов». Когда я пришел в назначенное место, там уже собрались 18 призывников-комсомольцев и отряд милиции во главе с начальником милиции Павлом

Евстафьевичем Ветровым и начальником отделения НКГБ (к сожалению, фамилию его я не помню). Мы устроили в Карманове засаду. Одна группа перекрывала дорогу на Гжатск, а вторая укрылась в парке.

Примерно в 16 часов мотоцикл Таврина по мосту пересек реку Язу и въехал в посёлок. П.Е. Ветров и начальник отделения НКГБ, переодетые в гражданскую одежду, пошли ему навстречу, но как бы на колонку за водой. Поравнявшись с ними, Таврин остановился и спросил дорогу на Ржев. В этот момент Ветров взял мотоцикл за руль, а начальник НКГБ потребовал у приехавших документы, а затем пригласил их пройти в милицию, якобы для обычной проверки.

В милиции, кроме П.Е. Ветрова и начальника НКГБ, присутствовал еще первый секретарь Кармановского райкома партии С.И. Родин. При допросе Таврин сказал, что едет с важным поручением для Москвы со стороны Гжатска, по ехал он с противоположной стороны, от Самуйлова. При проверке документов внимание оперативников привлёк партийный билет — формат его оказался не соответствующим нашему стандарту. Когда Таврин начал что-то объяснять, С.И. Родин в упор спросил его: “А чей самолет горит в лесу?” Эти слова очень сильно подействовали на диверсантов, и он во всем начал признаваться.

Как выяснилось из рассказа Таврина, готовящаяся акция имела далеко идущие планы. Немцы разработали несколько вариантов высадки своих диверсантов. По первоначальному замыслу Таврин и Шилова должны были высадиться в районе Лужники — Сокольники. Но наша авиация знала о готовящейся акции, поэтому были приняты все меры, чтобы не допустить диверсантов в Москву.

Немецкий самолёт был обстрелян, перелетая оборонительный пункт под Можайском, и повернул назад, высадив Таврина и радистку у деревни Завражье Подъялковского сельсовета (в двух километрах от деревни Яковлево). Таврин и Шилова, благополучно выгрузив свою технику, отправились в сторону Карманова. А самолёт при неудачном взлёте, задев верхушки сосен, потерпел аварию, что и привлекло внимание жителей деревни Яковлево...»

Вспоминает Клавдий Федорович Федосеев:

«Я тогда работал начальником Кармановского райотдела НКВД. Рано утром, ещё не было четырёх, позвонили из Гжатского райотдела НКВД и сообщили, что на высоте 2500 метров обнаружен вражеский самолёт.

Потом опять звонок: “Самолёт совершил посадку недалеко от Карманова. Предполагается, что в нём находятся немецкие диверсанты. Срочно организуйте поиск”.

Я сразу же поднял своих людей — человек двадцать. Собрались все у здания райотдела. Обсуждаем, куда нам идти. Начало светать. Было прохладно, стояли первые дни осени. Вдруг вдалеке показался мотоцикл. Он ехал в нашу сторону. На скорости пронёсся мимо. Мы только заметили, что за рулём сидел майор в кожаном пальто и рядом с ним молодая женщина-лейтенант. Дорога, по которой он ехал, вела в сторону соснового бора и там заканчивалась. Это мы знали. “Значит, сейчас развернётся и подъедет к нам”, — решил я. Так оно и получилось. Майор остановил мотоцикл возле нашей группы. Спросил, как проехать в Ржев. Это меня сразу насторожило. Может быть, это была его первая ошибка. Я представился, объяснил ситуацию и попросил предъявить документы. Он спокойно подаёт. Смотрю, майор из СМЕРШ. О, птица какая! Говорю, пойдёте, вместе с нами подумаем, как разыскать диверсантов. И ваш мотоцикл очень кстати будет. Мы, мол, безлошадные. Он на ходу расстегнул своё кожаное пальто. Блеснула Звезда Героя Советского Союза на гимнастёрке. Поговорили мы

несколько минут. Я вижу — он очень торопится. И нервничает. Опять у меня подозрение появилось. Извинился перед ним—всё-таки майор, а я старший лейтенант. Сказал, что должен ещё задать несколько вопросов его спутнице — лейтенанту. Он пожал плечами. “Пожалуйста”, — говорит.

А у меня, пока я с ним говорил, созрел план. Он ушёл. Вошла женщина. Я перед ней разложил на столе карту и попросил показать, по каким дорогам они уехали от дислокации своего штаба до Карманова. Она на секунду замерла, вроде бы как растерялась, и тут же взяла себя в руки. Сказала, что она не может раскрыть маршрут передвижения. “Почему?” — спрашиваю я. “Это тайна!”

Какая же это тайна, думаю. Нет, тут что-то не то.

Её отправили вниз. Кивнул трём вооружённым ребятам, чтобы поднялись ко мне. Из окна попросил майора пройти ещё для одного вопроса. Он вошёл. На столе по-прежнему лежала карта.

“Ваша спутница, — говорю, — отказалась сообщить маршрут, по которому вы ехали, покажите, пожалуйста”. Вижу, и он замялся, скосив таза на карту. Дорог там много. Почти все просёлочные. Я-то их хорошо знаю. А чужому человеку сразу и не разобрать. Прошли несколько напряжённых секунд. И тут я понял, что передо мной — враг. Вскинув пистолет, я крикнул: “Руки вверх!”»

В Москве Таврина допрашивали представители сразу трёх спецслужб: начальник отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом — комиссар госбезопасности 3-го ранга Леонтьев, заместитель начальника 2-го управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности Райхман и начальник отдела ГУКР Смерш НКО полковник Барышников. То есть и от Берии, и от Меркулова, и от Абакумова. Так уж получилось. Но, кроме того, что им пришлось выяснить (весьма обширные знания агента как германских разведывательных органов, их задач, форм и методов работы, так и их руководителей), Таврин оказался очень любопытным экземпляром.

В Центральном архиве ФСБ хранятся три пухлые папки уголовного дела о подготовке покушения на И.В. Сталина. При этом полтома его показаний перечеркнуто жирной красной чертой — «липа». То есть Таврин и советской контрразведке врал, как прирожденный Хлестаков. Прямо, как гоголевский знаменитый персонаж, он так входил в роль, что в конце концов мог себе позволить чуть ли не свысока разговаривать с чиновниками. Однако это был такой же трусливый, робкий и лживый человек.

В нём где-то глубоко было заложено желание перестать быть тем ничтожеством, что он собой представлял. Он безумно хотел хотя бы с помощью фантазии подняться выше, блеснуть, пустить пыль в глаза собеседнику. Но всё так же врал, врал вдохновенно, не задумываясь над сказанным. И чем больше ему верят, тем больше он расплывается. Но на Лубянке «Хлестакова» быстро прижали и узнали о нём такое!

«В 1931 году, работая в Глуховском районе Черниговской области уполномоченным в отделе труда, который занимался вербовкой рабочей силы для строительства промышленных предприятий, Пётр Шило проиграл в карты 5000 казённых денег. Попытался скрыться, но в Саратове был арестован.

Сидеть в камере не входило в его планы. Взломав вместе с находившимися с ним уголовниками кирпичную стену тюремной бани, Шило бежал.

Скрывался в Иркутске, потом в Воронежской области. Воспользовавшись пожаром в квартире, обжег верх своего паспорта и получил новый на фамилию своей жены — стал Гавриным. Позже переправил букву Г на Т, получилось — Таврин. Под этой фамилией

устроился на учёбу в Воронежский юридический институт. После окончания первого курса был принят на должность старшего следователя в Воронежскую прокуратуру. За самовольное оставление работы был вновь арестован, однако наказания избежал. В сороковом году уехал в Свердловск, где по подложному паспорту устроился на работу в трест “Урал-золото”, откуда 14 июня 1941 года и был призван в Красную Армию. Воевал, и даже неплохо», — пишет А. Михайлов.

«Враньё и авантюризм были натурой этого человека. Одна женщина, знавшая его но Свердловску, рассказывала, что знакомым женщинам Таврин представлялся сотрудником НКВД.

“Меня, правда, удивляло, — добавляла она, — что такой ответственный товарищ не упускал случая слямзить что-нибудь по мелочам. Пользуясь моим отсутствием, унёс мою кожаную куртку, кое-что из белья. Хозяйка квартиры лично приготовила ему из моей муки на дорогу булочки”».

Самое интересное, что один из ветеранов контрразведки, имеющий отношение к задержанию и допросам Таврина, рассказывал, «что ему показалось, что тот был не способен ни заложить бомбу в месте, куда приедет Сталин, ни стрелять из компактного фаустпатрона по машине вождя».

«Не тот он был человек, — говорил ветеран. — Не того склада. Согласиться мог, тренироваться мог, а пожертвовать собой — нет» (Е. Жирнов).

«При аресте Шило-Таврина и его спутницы в руки контрразведчиков попали шифры, кодировочные таблицы и специально оговорённые на случай провала способы оповещения. Шифровальный “лозунг” радистки — “Привет от дамы”. Шилова также была проинструктирована в “Цеппелине”: если работают под контролем, то в конце радиограммы будет подпись “Л. Ш.”, а при самостоятельной работе — “Л. П.”. Но это были не все меры предосторожности, которые предусмотрели в “Цеппелине”...

Позже в ходе следствия удалось также установить, что “Цеппелином” разработана ещё одна предосторожность на случай провала, о которой знал только Таврин. Перед заброской в советский тыл, Шило—Таврин согласовал с немецким командованием условный сигнал, который он должен был применить в случае своего ареста советской разведкой. Его жена, заброшенная вместе с ним в качестве радистки, не знала о наличии этого условного сигнала.

Принцип шифровки условного сигнала состоял в следующем: берётся слово, в котором имеются две одинаковые буквы рядом, например,

“русский”, “коммуна” и т.п. Для подачи сигнала немцам о работе под диктовку Таврин должен был внести в текст радиограммы два слова, начинающиеся с этих букв, например, “милая мама”, “сильный снегопад”, и вставить их в определённое место радиограммы. Однако более подробно и конкретно объяснить способ кодировки условного сигнала Таврин на следствии отказался», — рассказывают В. Макаров и А. Тюрин.

После задержания Таврина и его жены следствие по делу оказалось в ведении НКВД—НКГБ, а «радиоигра» — с противником в Смерше.

Радиостанции был присвоен псевдоним «Туман» (прежде — «Семейка»). В историю отечественной контрразведки она и вошла именно с этим названием. Цель заключалась в вызове на советскую сторону германской агентуры и сё последующем аресте.

Последнее сообщение, отправленное Шиловой, ушло в «Цеппелин» 9 апреля 1945 года, но ответа уже не было.

Расстреляют «семейку» только в 1952 году. Его 28 марта, а её 2 апреля. Таврина за что, понятно. А вот сё? В своём последнем заявлении Шилова писала: «Все эти годы оккупации я мечтала о родной земле и родных людях. Я не жалею о том, что прилетела. Если нужно будет умереть, умру, но зато буду знать, где умерла и за что. Прошу об одном: предоставил» мне возможность разделить судьбу с мужем, какова бы она ни была. Я верю в то, что с момента вступления на родную землю он ничего бы не сделал против Родины».

Что ж, она говорила правду. Таврин-Шило действительно не собирался работать на немцев на советской территории. Он действительно хотел затеряться и порвать с немцами всякую связь.

Но ошибся лишь в одном — уж слишком высоко забрался. Переиграв «Цеппелин», он уже никак не мог переиграть советские спецслужбы. Такова истина.

Удивительно, но в двадцать первом веке «дело Таврина» получило своё продолжение. Как пишет И. Ландер» «официальная историография тщательно стремилась повысить рейтинг этой незатейливой операции и приукрасить её, для чего к ней пристёгивались некие акции зафронтальной и даже внешней разведки. Всё это делалось для создания иллюзии важной роли органов госбезопасности в аресте террористов.

В 2000 году «дело Таврина» начали подвергать ревизии. Обнародованные документы оказались небезупречными, логические схемы не увязывались, и самые радикальные исследователи договорились даже до утверждений о фальсификации всей этой истории. В это время я работал над трёхтомником «Негласные войны. История специальных служб. 1919—1945» и, естественно, заинтересовался поиском истины. Подробное исследование привело меня к неожиданному заключению о том, что хотя официальная версия действительно не отражает реальный ход событий, мы имеем дело отнюдь не с банальной фальсификацией. «Дело Таврина», подобно матрёшке, скрывает в себе несколько интересных агентурно-оперативных комбинаций, проводившихся с обеих сторон фронта. Равно как и является наглядным образцом методики, по которой спецслужбы фабрикуют приемлемую для обнародования версию и скрывают под ней реальные события.

Всё это побудило меня приступить к написанию новой книги под условным названием «Фальшивый террорист»...»

Что ж, писать книги, бесспорно, дело непростое, но нужное. Вот только по «делу Таврина» что ещё можно узнать, кроме того, что уже известно? Безусловно, что-то ещё можно сфантазировать, но, увы, уже невозможно доказать сам факт заброски к немцам в качестве агента советской разведки беглого растратчика, да к тому же банального авантюриста — Таврина-Шило. Это примерно как генерала Власова в качестве «агента влияния» «отправили» к немцам — за ненадобностью его участия на фронтах Великой Отечественной войны. Генералов-то у нас достаточно много, чтобы их по немецким тылам разбрасывать. Но а растратчиков в разы больше. Чего ж добру-то пропадать!

Ирония — иронией, однако давайте смотреть правде в глаза. Таврин был авантюристом, а такие типажи всегда находят своих хозяев. Нашёл и он. Его же последняя авантюра, авантюра, на которую пошли в

«Цеппелине», и работа советских спецслужб — всё это именно тот клубок, намотанный в другие времена, и даст сегодняшним вдумчивым исследователям сомнения в достоверности «дела Таврина». Воспоминания очевидцев лишь добавляют противоречий. Почему? Да потому что иногда людей подводит память.

Например, Клавдий Фёдорович Федосеев, рассказывая про задержание Таврина, утверждает: «Вскинув пистолет, я крикнул: “Руки вверх!”

У дверей стояли наши ребята с винтовками на изготовку. “Вы с ума сошли, капитал. Вы ответите за это!” — закричал он. Но я своё: “Руки вверх или стреляю!”

Тут он поднял руки, а в рукаве какое-то странное сооружение. Потом узнали, что это снаряд, пробивающий броню...»

А ведь «панцеркнаке» Таврин оставил в самолёте!

Далее Федосеев вспоминает: «Но я вот что никак не могу понять: когда передавали оружие, вещи, документы и деньги смоленским чекистам, дважды пересчитал купюры, в мотоцикле у Таврина был один миллион рублей. Сам видел. А когда, в восьмидесятых годах приехал в Москву, пошёл на Лубянку, где мне дали из архива папку с моим допросом Таврина, я вдруг читаю, что у него изъято 428 400 рублей».

Как вы думаете, могло вообще такое быть при Сталине, чтобы вот так вот легко исчезло полмиллиона при передаче купюр сотрудниками органов из Смоленска в Москву?

Ведь сам Таврин просил в «Цеппелине» всего полмиллиона. Ему дали чуть меньше. Тогда о каком миллионе речь?

Вот вам и сомнения в достоверности. На самом же деле всё очень и очень просто, как в нашей с вами жизни. Великие произведения прошлого живут, как продолжают жить и их герои: Хлестаковы, Остапы Бендеры и прочие. При этом спецслужбы делают свое дело, как обычно. Словом, жизнь продолжается.

ИСТОЧНИКИ

1. Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. 1944—1945. СПб., 2001.
2. Боевой устав пехоты РККА. Часть 2. М., 1942.
3. Болтromeюк В., Виноградов В. С кем мы сражались? Служба безопасности № 6, 1993 г.
4. Жирное Е. «Власть», № 44, 12 ноября 2007 г.

5. *Зенькович Н.А.* Интернет: Покушения и инсценировки: от Ленина до Ельцина.
6. *Конев Г.* «Вести сегодня» № 75,29 марта 2006 г.
7. *Кокотина С.* Интернет: Это было так.
8. *Ландер И.* «Совершенно секретно» № 01,2008 г.
9. *Макаров В., Тюрин А.* ВПК № 32,13—19 августа 2008 года.
10. *Михайлов А.* Интернет: Хлестаков из Цеппелина.
11. *Пронин А.* «Братишка», март 2003 г.
12. *Решин Л.Е., Степанов В.С.* ВИЖ№ 1,1993 г.
13. *Сергеев Ф.* Интернет: Тайные операции нацистской разведки 1933—1945 гг.
14. СМЕРШ. М., 2003.
15. *Смыслов О.С* Генерал Абакумов. М., 2005.
16. *Телицын В.* Смерш: операции и исполнители. Смоленск, 2002.
17. Убить Сталина. Документы. Служба безопасности № 3, 1993 г.
18. *Федосеев С.* «Калейдоскоп» № 4—5,1998 г.
19. *Харитонов П.* Генералы пропали без вести. (Интернет)
20. *Ховрин Г.С.* Священная память Урала. (Интернет)
21. ЦАМО РФ Ф. 48 а. Оп. 3408. Д. 5.
22. ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 57.
23. *Чуев С.Г.* Спецслужбы III рейха. Книга II. СПб/ 2003.

**ЖАДНОСТЬ ФРАЕРА СГУБИЛА, ИЛИ
ШПИОН «ПО БЛАТУ»**

При председателе КГБ В.Е. Семичастном был пойман один из самых знаменитых шпионов XX века полковник ГРУ Олег Пеньковский. Его арестовали осенью 1962 года, а 7 мая 1963 года состоялось первое заседание Военной коллегии Верховного суда СССР по его делу...

После ареста Пеньковского привезли сразу же к Семичастному. По его воспоминаниям, он просто хотел на него посмотреть. Полковник что-то невнятное бормотал, «что он ничего плохого не сделал, ни в чём не виноват и готов помочь родине».

— Какой вред принёс Пеньковский? — спросил однажды Семичастного Леонид Млечин.

«— Он давал информацию американцам и англичанам и об атомных делах, и о ракетных, об их дислокации. Но это что ему перепадало, так сказать, с маршальского стола. Я имею в виду маршала Варенцова, который командовал артиллерией и ракетными войсками сухопутных войск. Доступа к высшим секретам у Пеньковского не было. Скажем, о переброске ракет на Кубу Пеньковский не знал. Так что Пеньковский не был той фигурой, какой его изображают. Почему же мы его всё-таки расстреляли? Потому что он был хорошим для них агентом. И плохим для нас сотрудником...

Пеньковский среди прочего провалил лучшего советского агента в Швеции. Когда советник шведского правительства по вопросам разоружения и друг короля Густава Адольфа, полковник Генерального штаба Стиг Эрик Констанс Веннерстрем был арестован в Стокгольме, опризнался, что работал на Москву пятнадцать лет. По объёму информации, которую он давал, Веннерстрема сравнивали с Кимом Филби.

С ним работал генерал Виталий Александрович Никольский из Главного разведывательного управления Генерального штаба. В 1960 году его назначили военным атташе в Швеции.

— Швеция как таковая особого интереса не представляла, — рассказывает генерал Никольский. — Практически всю информацию об армии и флоте можно было получить из открытых источников. С помощью шведов мы пытались найти ключи к секретам НАТО и США. Веннерстрём и был нам нужен именно для этого. Пять лет он служил военно-воздушным атташе в Вашингтоне, закупул самолёты для шведских ВВС и имел, следовательно, доступ ко всем американским новинкам. Потом он

четыре года возглавлял отдел вооружений военно-воздушных сил в Министерстве обороны — сами понимаете, какими возможностями он обладал.

Например, наших военных в то время очень интересовала новая американская ракета “Хок”. Мы попросили Веннерстрёма, и он добыл то, что нам было нужно.

— Самый опасный для агента момент—передача информации.

— Где вы встречались с Веннерстремом? — спросил я Никольского.

— Мы виделись с ним очень часто, раза два в неделю, на всевозможных приёмах, куда обязательно приглашают военного атташе. В этой толчее он передавал мне информацию, а я ему — задания Центра. Веннерстрем работал в военном атташате в Москве, хорошо говорил по-русски, и его контакты с русскими выглядели естественно.

— Почему он провалился?

— Информацию о новейших западных вооружениях» которая поступала от Веннерстрёма, Главное разведывательное управление передавало тем, кого она больше интересовала, то есть советским производителям оружия. К этой информации имел доступ и полковник Пеньковский, который в конце концов установил, что немалая часть секретных сведений поступает из Швеции, и сообщил об этом своим английским связным».

По подсчетам некоторых исследователей, целых восемь месяцев Пеньковский пытался стать агентом иностранной разведки. За это время он предпринял «шесть инициативных подходов, пять раз пытался передать секретные документы и трижды посещал гостиничные номера иностранцев». Всё это начинается 12 августа 1960 года, когда Пеньковский подходит к двум американским студентам и просит передать ЦРУ письмо. Место — Красная площадь. Но только в апреле 1960 года настырному полковнику повезёт, когда в Москву приедет английский коммерсант Гревилл Винн, сотрудник МИ-6. Именно его руководство Госкомитета по науке и технике поручит заботам Пеньковского. При этом сам Винн имел при себе инструкции на установление контакта с Пеньковским. Но советского полковника прежде проверяли досконально и долго! Там, на Западе...

Вербовка Пеньковского была проведена по всем канонам в Лондоне в апреле 1961 года, где он находился в составе советской делегации. С ним встретились два сотрудника ЦРУ и два сотрудника МИ-6. Сопровождая советского полковника по стране в течение пятнадцати дней, они провели с ним семнадцать встреч.

В Москве связь с Пеньковским осуществлялась на моментальных личных встречах в различных местах столицы, а также на приёмах, в том числе в резиденции посла США в Москве. Во время четырёх выездов за границу (три в Лондон и один в Париж) «у Пеньковского брали информацию, отработывали условия безличной связи, знакомили с московскими связниками, обучали работе с шифрами и оперативной техникой. Также всячески развлекали, вплоть до предоставления платных интимных услуг. В Москве у него был один тайник на случай экстренной связи: пространство за чугунной батареей отопления в подъезде дома № 5 на Пушкинской улице. После закладки туда спичечного коробка с письменным тайнописным сообщением он должен был выставить сигнал — чёрный крест на фонарном столбе № 35 у остановки троллейбуса на Кутузовском проспекте. Появление сигнала ежедневно проверялось сотрудником резидентуры и привлечённым специально для этого врачом посольства.

Согласно инструкции, выданной Пеньковскому, находящейся ныне в архивах ЦРУ и рассекреченной в соответствии с Законом о свободе информации, этот тайник должен был использоваться в случаях: во-первых, получения им информации от ответственных советских официальных лиц, что СССР предпримет нападение на Запад (требовалось указать план, дату и время нападения, подробности получения информации); во-вторых, получения информации о том, что СССР нападёт на Запад, если Западом не будут выполнены определённые конкретные условия или если Запад предпримет некоторые действия или будет проводить определённую политику; и в-третьих — для сообщения о переводе из Москвы, но только при невозможности сообщить об этом через связника. Для каждого сообщения был предусмотрен «сигнал срочного раннего оповещения»».

«После шестидневной оперативной проверки материал Пеньковского был признан надёжным, — пишут Дж. Шектер и П. Дерябин. — Документы, которые он сфотографировал совсем недавно, были переведены и распространены среди сообщества разведслужб. Англичане и американцы согласовали комплекс “дальнейших планов” в отношении Пеньковского, где предусматривалось следующее:

1. Связь с “Героем” должна поддерживаться в любом случае.
2. На “Героя” не должно оказываться никакого давления с целью получения разведданных, особенно в том случае, если ему придётся уйти в отставку.
3. Если “Герой” выедет за границу, мы должны быть готовы к тому, что он пожелает там остаться, и мы не должны принуждать его к возвращению

в СССР.

4. Если “Герой” останется в Комитете, мы приложим все усилия к тому, чтобы ограничить личные контакты с ним светским и профессиональным общением.

5. Мы рассмотрим возможности тайного вывоза его из СССР в случае его отставки.

6. Роль Винна в дальнейшем будет сводиться к поддержке “Героя” в Комитете, а его роль тайного связного прекратится».

«Прошло два года, и дело шпиона Пеньковского начинало уже забываться, — вспоминал Н.Ф. Чистяков, в прошлом начальник следственного отдела КГБ СССР. — Но в 1965 году о нём заговорили за рубежом в связи с выходом в свет так называемых “Записок Пеньковского”... Речь шла о том, что предатель Пеньковский за время сотрудничества с английской и американской разведками якобы вёл секретный дневник, который им в 1962 году был передан этим разведкам. Вот этот “дневник” и преподнесён английской и американской секретными службами как “Записки Пеньковского”. Сначала “Записки” были напечатаны по частям американскими и английскими газетами, а потом в ноябре 1965 года в Нью-Йорке и Лондоне они вышли отдельной книгой. “Записки Пеньковского”! Захватывающий рассказ о советской разведке, потрясающая история друга Запада из Москвы! Один против всех!» — с явным сенсационным накалом американской газеты...

Бывший сотрудник американской разведки Пол Плэкстон в журнале «Уикли ревью» писал, что утверждение издателей «Записок» о том, что Пеньковский передал информацию на Запад ещё осенью 1962 года, звучит нелепо, так как он, зная, что за ним внимательно следят, не стал бы подвергать себя опасности разоблачения. Небезызвестный журналист и «специалист по русскому вопросу» из английской газеты «Гардиан» Виктор Зорза тоже считал книгу фальшивкой, так как обратившимся в Центральное разведывательное управление за ее русским текстом некоторым западным газетам и издательствам штаб американской разведки не смог предъявить оригинал. Человек искренний и честный, он был уверен, «книга Пеньковского» написана людьми, для которых родной язык был английский.

Бывший шеф ЦРУ Ричард Хелмс, выступая в 1971 году перед журналистами, заявил, что предотвратить третью мировую войну помогли несколько высокопоставленных лиц СССР, в том числе полковник Главного разведывательного управления Генерального штаба Пеньковский.

Дж. Шектер и П. Дерябин, например, пишут: «В целом продолжительность личных встреч с Пеньковским во время трёх его командировок в Лондон и Париж составила около 140 часов, и отчёты о них уложились примерно в 1200 страниц расшифрованных записей. Он передал в общей сложности 111 роликов отснятой плёнки. Как ни

поразительно, снимки на 99 процентов были разборчивыми. Плёнки наряду с другими переданными им материалами в письменной и устной форме составили, по оценкам, не менее 10 000 страниц отчётов разведки. В резюме работы Пеньковского ЦРУ отмечало: “Он чрезвычайно ответственно относился к тому, что от него требовали, и умудрился собрать значительный объём информации, которая иногда выходила за пределы того, что ему было положено знать. Его позитивные разведданные неизменно заслуживали высокой оценки, вплоть до последнего материала (и включая его), полученного 27 августа 1962 года. Результаты его контрразведывательной деятельности, хотя они никогда и не оценивались в целом, также высоко котировались. В августе 1963 года операция Пеньковского характеризовалась как самая результативная секретная операция из когда-либо проводившихся ЦРУ или МИ-6 против советской стороны”. Тридцать лет спустя эта оценка все еще не утратила своей силы».

Двадцать первый век в плане переписывания истории ещё покажет себя. Новое поколение безумно любит фантастику, а уж про мистификации и говорить не приходится. Дело обычное. Судите сами, но «делу Пеньковского» до сих пор было две позиции. Первая — советская и российская: предатель, изменник, шпион. Вторая — западная: борец против советского режима, супершпион эпохи холодной войны, «шпион, который спас мир»...

Наконец-то мы дожили до третьей. В своей книге «Тайны Лубянки» Л. Хинштейн рассказывает нам, что «дело Пеньковского — это не только самое крупное дело эпохи холодной войны. Это ещё и самое запутанное, самое таинственное дело в истории разведки.

Хотя с тех событий и прошло уже более сорока лет, оно так и не перешло в разряд хрестоматийных. Слишком много загадок и странностей, навёрченных вокруг дела Пеньковского, остается по сей день без ответа. Даже после того как все участвовавшие в этом поединке разведки (ЦРУ, МИ-6, КГБ—ФСБ) приоткрыли свои архивы, число этих тайн не стало меньше. Напротив, их ещё только прибавилось...

На кого в действительности работал полковник военной разведки? На англичан с американцами? На ГРУ? Или всё-таки на КГБ?

Так вот. Предательство Пеньковского было выгодно... Нет-нет, вовсе не Западу. Как раз наоборот. Оно было выгодно... Советскому Союзу. А заодно горстке тогдашних обитателей Кремля — лихой комсомольской ватаге, которая через пару лет скинет с Олимпа кукурузника Хрущёва».

Любопытная версия на первый взгляд, и ничего более, потому как озвучили её уже давно и совершенно другие люди.

По мнению автора книги «Шпионы XX века» Филиппа Найтли, в донесениях Пеньковского особых секретов не было. Якобы в природе нет ни одного примера полученной от Пеньковского информации, имевшей серьёзное военное значение. Знания Пеньковского этот автор вообще ценит как не более чем артиллериста.

Пеньковский хоть и фотографировал всё старательно (страницы закрытых журналов «Военная мысль», «Артиллерийский сборник» и «Военный вестник»), но только в 1968 году американцы и англичане узнали, что их попросту надули.

С. Лекарев продолжает развивать эту тему: «СПЕЦАГЕНТОМ

советской стратегической разведки являлся полковник ГРУ Олег Пеньковский. Он передал ЦРУ информацию, сумевшую склонить американцев к отказу от развязывания ядерной катастрофы. В критический момент раскручивания Карибского кризиса Москве удалось убедить Вашингтон в подлинности сведений, полученных от “подставы”. Для пущей важности советское руководство пошло на инсценировку громкого ареста Пеньковского и его связника Гревилла Винна (суд приговорил Пеньковского к расстрелу, британского разведчика Винна вскоре обменяли на советского нелегала Конона Молодого)».

Можно было бы и дальше цитировать сей бред, но мы не будем тратить время зря. Ведь всё гораздо проще, элементарнее и прозаичнее...

Олег Владимирович Пеньковский родился 23 апреля 1919 года в городе Орджоникидзе. Рос без отца и воспитывался одной матерью. По окончании средней школы в дань тогдашней моде, когда юноши мечтали стать командирами, записался во 2-е Киевское артиллерийское училище. После выпуска из училища в качестве политрука батареи (замполитом) служил в обычной дивизии на Западной Украине (1939 г.), а затем, под конец войны с финнами (январь 1940 г.) на Карельском перешейке. Дивизия находилась в резерве и в бой была брошена за два дня до подписания мирного договора.

Трудно понять, но каким-то образом никому не известный тогда политрук попадает из Финляндии сразу в Москву, где его назначают на блатную должность заместителем начальника политического отдела по комсомольской работе в Московское артиллерийское училище имени Красина. С началом войны Пеньковского переводят на должность старшего инструктора Политического управления Московского военного округа. Буквально через год (1942 г.) его назначают уже офицером по особым поручениям Военного совета столичного округа. Работа еще более блатная, особенно если учитывать период Великой Отечественной войны. Пеньковский уютно устроился в тылу. Писать рапорта о переводе его в действующую армию, как это делали тогда многие, он даже не думал. А здесь достаточно тепло, сытно и уютно. Более того — связи, да ещё какие!

Там он делает всё, чтобы завоевать расположение члена Военного совета МВО Дмитрия Афанасьевича Гапановича. А попросту — втирается в его доверие. Видимо, такие задатки у этого молодого человека были.

Д.Л. Гапанович родился в 1896 году. В 1919-м вступил в партию, участвовал в Гражданской войне. Прошёл путь от рядового до комиссара полка. В 1931—1937 годах занимал должности заместителя начальника политотдела, начальника политотдела 84-й стрелковой дивизии. До 1939 года, то есть весь период репрессий, на ответственной работе в Главном политическом управлении РККА, затем член Военного совета Забайкальского военного округа. В годы войны Гапанович был членом Военного совета Центрального фронта (26.07.1941 г. — 15.08.1941 г.), военным комиссаром Военной академии имени Фрунзе. В сентябре 41-го он член Военного совета Юго-Западного фронта, с ноября 41-го — член Военного совета Уральского военного округа. С декабря 1942 года по май

1947 года — член Военного совета МВО. Одновременно исполнял обязанности члена Военного совета Московской зоны обороны (до октября 1943 года).

Корпусному комиссару Гапановичу военное звание «генерал-майор» было присвоено 6 декабря 1942 года и «генерал-лейтенант» в 1944 году. Умер он достаточно рано, в 1952 году, в возрасте 56 лет.

В 1942 году Гапанович пригласил к себе молодого офицера на ужин и представил ему темноволосую миниатюрную дочь. Генеральскую дочку и красавицу звали Вера. Тогда ей было всего 14 лет. Но это было не просто знакомство. Генерал приблизил Пеньковского не случайно. И визит на званый ужин стал неким билетом на вход в этот дом. Пеньковский же увидел в дочери Гапановича своё будущее и, как человек исключительно расчетливый, смекнул, что женитьба на ней гарантирует вечного покровителя. А это уже стопроцентная карьера. Было над чем призадуматься.

«Я работал в Военном совете до ноября 1943 года, — вспоминал будущий шпион. — В это время праздновали освобождение Киева, и я подумал, что война очень скоро кончится. У меня не было ни знаков отличия, ни орденов. За финскую кампанию я не получил ничего — лишь благодарность да портсигар. Уже тысяча человек получили звание Героя Советского Союза, поэтому я подал ходатайство о том, чтобы меня послали на передовую, и прибыл на Первый Украинский фронт. Я был приписан к подразделению огромного штаба генерала Сергея Сергеевича Варенцова...

В то время он был генерал-полковником артиллерии и начальником артиллерии Первого Украинского фронта. Я поправился ему, потому что был полон энтузиазма, и он назначил меня командиром учебного центра пополнения противотанковых артиллерийских частей. В то время у нас было двадцать семь действующих противотанковых артиллерийских частей, сражавшихся с немецкими танками на Первом Украинском фронте. Тем не менее генерал дал мне это поручение, подчеркнув тем самым, как важно вдеть постоянный приток на фронт новых соединений,

У меня было три учебных подразделения, и я проработал с ними три месяца...»

То есть юному майору Пеньковскому, прослужившему после училища на политработе в большей степени в теплых кабинетах штабов, вдруг по его прихоти (причина: отсутствие наград) дают возможность покомандовать. И абсолютно безграмотного артиллериста (он даже забыл, что знал) смело назначают начальником учебного отряда (позднее комбатом, для прохождения необходимой ступеньки) 27-го

артиллерийского полка 1-го Украинского фронта.

Думаю, не открою секрета, если скажу, что Пеньковский оказался перед генералом Варенцовым не случайно. Был звонок, была просьба помочь молодому и перспективному. Были рекомендации. Правильно, от самого Гапановича. В 1941-м они пересекались в Киеве. Варенцов тогда был начальником артиллерии 6-го стрелкового корпуса, а Гапанович — членом Военного совета Юго-Западного фронта. Кому как не ему доверить судьбу будущего зятя!

В киевской катастрофе Варенцов сумел сохранить значительную часть артиллерии корпуса и с боями вывести ее из кольца окружения, при этом присоединив к своим частям несколько тысяч красноармейцев из разбитых частей. За это его наградили орденом и присвоили звание «генерал-майора артиллерии», назначив начальником артиллерии 40-й армии Юго-Западного фронта. С сентября 1942 года он начальник артиллерии 60-й армии Воронежского фронта. С 4 февраля 1943 года — генерал-лейтенант артиллерии, а с 20 октября 1943 года — генерал-полковник артиллерии. Более того, с октября 1942 года Варенцов — бессменный командующий артиллерией Воронежского фронта (с октября 1943 года 1-го Украинского фронта).

После короткого прохождения необходимой ступеньки Пеньковского назначают заместителем командира артиллерийского противотанкового полка. Сам он об этом поведал следующее: «У меня было три учебных подразделения, и я проработал с ними три месяца, но мне хотелось попасть на передовую, и я подал рапорт. Меня назначили заместителем по делам личного состава полка. И снова я был офицером, прослужив два месяца под началом моего командира Героя Советского Союза Тихвича. Он был хорошим парнем, но пьяницей. Он изнасиловал беременную женщину, и его убрали, поэтому я и стал командиром 323-го артиллерийского противотанкового полка Восьмой артиллерийской противотанковой бригады.

Во время одного сражения нас сильно атаковали немцы, которые пытались освободить свои находящиеся под угрозой соединения. Мы выдержали яростные атаки артиллерии и пехоты, что стоило нам огромных потерь — в некоторых наших артиллерийских расчётах количество человек снизилось с семи до одного-двух.

Именно тогда я вынужден был застрелить одного из наших офицеров, лейтенанта пехоты, который должен был защищать наш полк, но не вынес напряжения боя и пытался бежать.

В то время меня не мучили угрызения совести, и мои действия, по-

видимому, были одобрены как начальством, так и политическим руководством. В моём полку, однако, были мнения, что я переусердствовал и проявил излишнюю жестокость, но в критические моменты необходимо принимать решительные меры, что я и сделал. И уверен, что поступил правильно.

В июне 1944 года я был ранен и послан в Москву. Меня выписали в июле, и я был готов вернуться на фронт. В то время я был майором, самым младшим полковым командиром на фронте. У меня было тогда два ордена; теперь у меня пять орденов и восемь медалей».

Некоторые неточности этих воспоминаний Пеньковского связаны прежде всего с их переводом сначала с русского на английский, а потом наоборот. Так как все это он рассказывал своим кураторам на встрече под запись магнитофона.

Даниил Петрович Тыквач был командиром полка у Пеньковского, а он у него заместителем по строевой. Тыквач был старше своего зама на 9 лет. После окончания Объединённой военной школы имени ВЦИК в Москве служил командиром батареи в Одесском артучилище. Начало войны встретил в должности начальника штаба артдивизиона на Украине. Под Сталинградом командовал полком, а звание Героя получил за форсирование Днепра в 43-м.

Весьма трудно установить причину снятия Тыквача с полка и назначения на эту должность Пеньковского. История про изнасилование беременной женщины — не более чем плод фантазии будущего предателя. Гвардии подполковник Тыквач в мае 1944 года принял под своё командование тяжёлый артиллерийский полк 152-мм орудий и провёл его через Польшу, Германию и Чехословакию. В Прагу командир 367-го гвардейского Краснознамённого Одерского орденов Суворова 3-й степени и Богдана Хмельницкого 2-й степени тяжелого самоходного полка вошёл с двадцатью ранениями и семью орденами, среди которых один орден Ленина, два ордена Отечественной войны первой степени, три ордена Красной Звезды и Чехословацкий орден Почёта.

Но все-таки что-то произошло тогда. И, скорее всего, это была интрига Пеньковского, когда он мог просто подставить боевого командира, воспользовавшись его слабостью к спиртному, чем отличались большинство офицеров на войне.

А расстрел новым командиром лейтенанта! Это грозный прием зарвавшегося новичка, три года отсидевшего в тылу и вдруг получившего необъятную власть.

О ранении Пеньковского существуют две версии. По одной, он был

легко ранен во время артобстрела. По другой, его машина попала под свою же самоходку.

«Когда я должен был отправиться на фронт, то услышал, что генерала Варенцова ранили, когда он ехал к генералу Коневу, и его отправили в Москву, — продолжал свой рассказ Пеньковский. — Он лежал в так называемом маршальском госпитале в Серебряном переулке. У него было ранение в бедро, в результате чего одна нога стала короче другой. Четыре месяца он провисел в госпитале на растяжке. Он был моим командиром, и я привез ему подарки».

То есть пронырливый Пеньковский узнает, а земля всегда полна слухами, что его командующий лежит тут же, в Москве, в госпитале, собирает подарки и навещает его. Красивая картина!

Николай Федорович Чистяков рассказывает об этом так: «— Расскажите, как вы познакомились с генералом В.?

И следователю раскрылась картина, в которой были ярко вписаны два свойства человеческой души: с одной стороны, простодушная доверчивость, с другой — ловкость изощрённого мошенника, карьериста, подонка, эксплуатирующего человеческие слабости.

Вот эта картина...

По случайности в этом же госпитале лежал и генерал В(аренцов). Пеньковский, узнав об этом, старался попасться на глаза генералу, завести с ним разговор. Но случай все не представлялся, а Пеньковского неожиданно для него выписали из госпиталя. Тогда он отважился на решительный шаг: облачившись в форму, зашел в палату к генералу и бойко отрапортовал:

— Командир артиллерийского полка майор Пеньковский. Представляюсь вам по случаю выздоровления и отбытия в часть.

Генералу наскучило лежать в госпитале, он обрадовался боевому офицеру-артиллеристу, тепло побеседовал с ним. Прощаясь, Пеньковский спросил:

— Не будет ли, товарищ генерал, каких поручений? Генерал подумал и сказал:

— Вы возвращаетесь в часть через Львов. Может быть, сумеете повидать там мою семью?

— С удовольствием, — обрадовался Пеньковский.

— Ну вот и прекрасно. Сейчас я напишу письмо, которое, пожалуйста, передайте жене.

Пеньковский, приехав во Львов, постарался сделать всё, чтобы понравиться семье генерала. Жена генерала была в восторге от элегантного офицера, тепло поблагодарила его за письмо, привезенное от мужа.

Так Пеньковский на нравах друга вошел в семью генерала В(аренцова)».

Но это только в общем. А в деталях? Варенцов назначил Пеньковского прямо в госпитале своим офицером связи, или, проще говоря, адъютантом. Предложение было интересным, соответственно, об отказе не могло быть и речи. Хоть за орденами, но все же на фронт не сильно хотелось. А тут всё было гораздо серьезнее. Ордена тоже могли быть, но уже без передовой. Кроме того, Пеньковский сразу же попросил после возвращения Варенцова на фронт вновь дать ему полк, а ещё после окончания войны пристроить в командную академию. Для Варенцова это был не вопрос.

Пеньковский помнил все. «Первая жена Варенцова, Аня, которая умерла от туберкулеза, была очень красивой. Позже он женился на своей теперешней жене Екатерине Карпов не. Он увёл её от одного ленинградского доктора, за которым она была замужем. В это время его мать Екатерина и две его дочери находились во Львове (Западная Украина). Пока маршал лежал в госпитале, они жили на Пушкинской улице. Им было трудно доставать еду и топливо. Так я стал заботиться о его семье; маршал не только был хорошим человеком, я знал, что он сторицей отдаст мне за то, что я для него сделал. От первого брака у маршала была дочь Нина. Когда Варенцов стал поправляться, маршал Конев потребовал его скорейшего приезда на Первый Украинский фронт, чтобы возглавить артиллерию. Муж Нины был расстрелян вместе с двумя другими людьми, которые были замешаны в спекуляции во Львове. Её муж — майор Лошак, еврей, — которого она очень любила, был обвинён в спекуляции. Им предъявили обвинение в саботаже и подрыве сил Красной Армии. Было доказано, что сам Варенцов не имел личной заинтересованности в каких бы то ни было делах “чёрного рынка”, но его обвинили в политической близорукости, в том, что он допустил такие дела у себя под носом. Его вызвали к министру обороны, который сделал ему выговор. Тем не менее министр закончил словами: “Давайте забудем эту историю. Возвращайтесь на фронт”.

Его дочь Нина работала младшей медсестрой в военном госпитале. Когда её мужа расстреляли, она была вне себя от горя, но вернулась на работу. В коридоре она увидела раненого лётчика, который ждал приёма врача. Она подошла к нему, выхватила пистолет из кобуры и застрелилась.

Я продал свои часы и поехал во Львов, чтобы её похоронить. Купил чёрное платье и гроб. Когда Варенцов возвращался поездом на фронт, я был с ним и именно тогда рассказал о несчастье, которое произошло в марте 1944 года. Когда мы вернулись на фронт, маршал, зная, что я для него

сделал, сказал: “Ты мне как сын”.

Позже он дал мне 5000 марок и попросил заказать в Вене самый лучший памятник на её могилу во Львове».

Все обещания Варенцов без особого труда выполнил, назначив Пеньковского командиром 51-го гвардейского артиллерийского полка 1-го Украинского фронта, а потом отправив в Академию имени Фрунзе.

Получилось у Пеньковского и с орденами. Если первым орденом Отечественной войны первой степени он был награжден 8 мая 1944 года приказом командующего артиллерией 1-го Украинского фронта № 052/Н, то вторым (Красного Знамени) 6 апреля 1945 года опять приказом командующего артиллерией 1-го Украинского фронта № 023/Н.

Третьим орденом (Красного Знамени) его наградят 23 мая 1945 года, а четвёртым (Александра Невского) аж 12 сентября 1945 года приказом командующего артиллерией Центральной группы войск № 0769/Н. Командующий всегда сам Варенцов.

Пятый и последний орден Пеньковского — Красной Звезды (Указ ПВС СССР от 21 августа 1953 года) будет за выслугу лет.

Словом, и про ордена Пеньковский, хвастаясь, будет врать всем подряд, в том числе и тем, на кого будет работать последние годы.

В 1945 году Пеньковский приезжает в Москву поступать в академию. «Я приехал через два месяца после начала занятий, но успешно сдал все экзамены и был принят, — вспоминал он. — Поскольку я командовал полком, мне не составило никакого труда сдать экзамен по командованию батальоном. В 1948 году окончил Военную академию имени Фрунзе. Сразу же после окончания мне предложили поступить в Военно-дипломатическую академию, чтобы изучать стратегическую разведку».

В 1945-м Пеньковский делает предложение семнадцатилетней Вере Гапанович, и они играют свадьбу.

По окончании академии будущий шпион советуется с тестем или приобретённым папой.

«Я посоветовался с тестем, генералом Гапановичем, и он сказал мне, что лучше год поработать вместо того, чтобы с одного курса переходить на другой. Так в течение года я работал в двух местах. Моим первым назначением была должность старшего офицера в Управлении штаба Московского военного округа по мобилизации и организации, где до этого я служил чином ниже. Я проработал там полгода и был переведён в штаб наземных сил. Там я тоже был старшим офицером, и эта работа меня вполне удовлетворяла, поскольку платили на 200 рублей больше. Но в 1949 году я хотел поступить в Военно-дипломатическую академию, а у нас, к счастью, есть правило, по которому жалование офицера, которое он получал до поступления в ВДА, сохраняется на период учёбы. Так, в 1949 году меня приняли в ВДА, которая находится около метро “Сокол”...

Я проучился там четыре года, с 1949-го по 1953-й. Тогда был четырёхгодичный курс, теперь — трёхгодичный».

На одном курсе с Пеньковским в этой уважаемой академии учился легендарный разведчик генерал-майор М.Е. Черных. Митрофан Ефимович запомнил его как одиозную личность.

«Своим поступлением в академию Пеньковский обязан маршалу артиллерии Варенцову, у которого он в годы войны ходил в адъютантах. А во время учёбы в академии Олег слыл бабником, любителем выпить. Однако это не помешало ему окончить академию и убыть в Турцию заместителем генерала Любченко — нашего военного атташе в этой стране. Любченко был умница, блестящий специалист, и ему не составило особого труда раскусить гнилую сущность подчинённого». Вместе с Пеньковским и

Черных также учились два сына маршала Василевского, сын Булганина, сыновья маршалов Шапошникова и Конева, зять Жукова. Характерно, что почти никто из них так и не выехал за границу. Все остались в Москве. Только на год выезжал в командировку сын маршала Шапошникова.

К слову, в 1952 году у Пеньковского умирает тесть. Остаётся один Варенцов.

«После окончания академии меня распределили в Четвертое управление ГРУ. Это восточное управление (стратегическая разведка). Есть другие управления — англо-американское, европейское, Первое управление (это управление нелегалов)...

Так или иначе, около года я проработал в Египетском отделе. Познакомился с агентурной сетью и до сих пор кое-что об этом помню».

Сначала Пеньковского собирались направить старшим помощником военного атташе в Пакистан. Однако обстановка изменилась, и ему показали на Турцию.

«Это был уже конец 1954 года. Я снова начал готовиться к поездке, учил коды, оперативную программу, экономику страны и структуру вооруженных сил. Я приехал туда в июле 1955 года и стал резидентом, главой центра. Официально я был военным атташе и принял руководство над целой агентурной сетью...

Я был уже полковником... В конце войны, перед тем, как я поступил в академию имени Фрунзе, я получил звание подполковника, а в феврале 1950 года стал полковником. Вот уже одиннадцать лет, но февраль 1960 года, я служу в звании полковника...

Итак, я прибыл с женой в Турцию и принял резидентуру, центр ГРУ в Анкаре. В течение месяца мой предшественник полковник Кондратов передал мне все дела, а моим предшественником был морской атташе. В то время военно-воздушных атташе не было. Семь месяцев спустя приехал, чтобы стать резидентом, генерал-майор Савченко, но имя использовал чужое — Рубенко. Многие использовали чужие имена.

До этого Рубенко был военным атташе в Афганистане. Когда приехал этот старик — ему было больше шестидесяти, — я передал ему все дела, и резидентом стал он. А я его помощником. Я проработал до ноября 1956 года, и потом у нас возникла неприятная ситуация с одним из наших помощников атташе. Это произошло через три месяца после приезда Савченко, и этим атташе был подполковник Николай Ионченко.

Он просто-напросто подходил к туркам в ресторанах и предлагал им работать на него за деньги. Таким грубым путём Ионченко пытался купить военную информацию. Естественно, турецкая контрразведка засекала это.

Хочу вам признаться: мои отношения с Ионченко были хуже некуда; они с Рубенко пытались подставить меня, чтобы меня выгнали из партии...

Не назвав своего имени, я позвонил из телефона-автомата в турецкую контрразведку, сообщив о деятельности Ионченко и указав, где он встречается со своими агентами...

Он был подполковником. Ионченко был настроен против меня. Поскольку в академии он учил турецкий язык, он был возмущён тем, что не его, а меня с моим английским назначили заместителем резидента. С генералом он очень дружил, и оба они сделали моё существование настолько невыносимым, что я написал в штаб письмо с просьбой перевода — куда угодно. Мне ответили, что необходимо подождать. По натуре я человек мстительный, но честный. Уже тогда, когда я увидел, как несправедливо со мной поступают, у меня созрело решение перейти к вам. Я хочу поклясться и расписаться в готовности служить вам и провести остаток моих дней в новой жизни.

Три месяца спустя Ионченко был снова скомпрометирован и объявлен “персоной нон грата”. Я проводил его в Стамбул, и он поехал домой через Болгарию. Генерал послал в штаб телеграмму, что турки с американцами устроили против Ионченко провокацию. Его схватили, когда он собирал “урожай”. В то время, кстати, проходил официальный визит в Турцию шаха Ирана и его супруги, и службы турецкой безопасности и контрразведки были начеку, охраняя гостей. Мы даже получили инструкцию от начальника ГРУ не проводить в этот период никаких операций. Однако генерал разрешил Ионченко пойти на встречу с агентом, назначенную на 10 мая. Я помню эту дату, потому что это день рождения моей матери. Всё произошло в то самое время, когда турецкий лейтенант передавал Ионченко военную документацию.

Я сидел как раз в кабинете у генерала, когда дежурный офицер посольства сообщил: “Товарищ генерал, ваш помощник был задержан турецкой контрразведкой, когда пытался получить военные материалы от турецкого офицера”.

Генерал очень расстроился и сказал мне, что я должен его оттуда забрать. “Почему вы позволили ему идти на эту встречу?” — спросил я.

Оперативные фонды в турецких лирах находились в моем распоряжении, однако генерал выдал Ионченко свои деньги, около 200 лир (40 долларов в 1956 году), чтобы заплатить за сведения. Это было сделано для того, чтобы я ничего не узнал. Сумма довольно приличная, и, чтобы скрыть это от меня, её не стали брать из оперативного фонда. Теперь же, когда это произошло, генерал мне во всём признался. Мы стали спорить. Я

сказал ему, что он всегда обвинял меня, что я плохой и неопытный оперативник и не вербую агентов. Он готовил к отправке телеграмму в Москву, и я спросил его: “Вы коммунист?”

Когда он ответил “Да”, я спросил его, почему же тогда он соврал и не выполнил приказ о приостановке операций во время визита шаха. Он попросил меня уйти из его кабинета, сказав, что меня это не касается, на что я заявил, что сообщу обо всём случившемся по другому каналу.

Потом я доложил о происшедшем по каналу КГБ, через наших «соседей». Резидентом КГБ был тогда полковник Павел Дмитриевич Ерзин...

Мою телеграмму получил начальник КГБ Серов, тот самый Серов, который теперь является начальником ГРУ. Серов сразу же сообщил об этой телеграмме Хрущёву, поскольку обо всех проступках офицеров необходимо докладывать в Президиум. Генерал-лейтенант Михаил Шалин (начальник ГРУ) передал донесение и от Рубенко, в котором тот пытался оправдать невыполнение приказа. В то время министром обороны был маршал Жуков, и телеграмма дошла до начальника штаба. Когда Хрущёв увидел мою телеграмму и донесение Рубенко, он заорал: “Какой дурак врет — Пеньковский или генерал? Выяснить и доложить...”

Итак, джентльмены, я проработал там до ноября. Я снова анонимно позволил в турецкую контрразведку и сказал, что помощник куратора вместе с болгарскими агентами выкрали некое военное пособие с турецкой военной выставки. Офицер, с которым я говорил по телефону, сказал на чистом английском, что я должен зайти к нему и переговорить, но я отказался, поскольку в то время ещё ничего окончательно не решил...

Последний раз я позвонил 4 ноября 1956 года, накануне Суэцкого кризиса».

Следует отметить, что план Пеньковского был весьма прост. Интриган своими звонками убивал сразу двух зайцев. Во-первых, он мстил своим «обидчикам». Во-вторых, таким образом он пытался их убрать, чтобы занять достойное для себя место. Но, как известно, «Бог шельму метит», и 6 ноября 1956 года Пеньковский с женой выехали из Турции.

Если раньше что-то подобное удавалось будущему предателю, то теперь все усилия оказались не просто напрасными, но, более того, они обернулись против самого полковника.

В Москве Пеньковского встретили холодно. Там никак не могли понять, почему вновь испеченный разведчик так вёл себя по отношению к своему начальнику.

И, в сущности, не ошиблись в главном: Пеньковский действительно

хотел подсидеть генерала.

«Пеньковский не отличается трудолюбием и выполняет работу без должной тщательности. Малоинициативен и склонен к подхалимажу. Много времени проводит, собирая и распространяя сплетай о жизни и работе сотрудников посольства. Его внешняя дисциплинированность является скорее показной, чем подлинной. По своему характеру и поведению Пеньковский является человеком недоброжелательным и мстительным, способным не побрезговать любыми средствами для продвижения по службе», — было написано в служебной характеристике на Пеньковского, подписанной генералом Рубенко-Савченко. Да-да, тем самым!

Кроме того, как станет известно позже, в Анкаре Пеньковский продавал на местном рынке ювелирные украшения, фотоаппаратуру, так как ему нужны были деньги на сувениры многочисленным «нужным людям» на многострадальной Родине, а точнее, в Москве. Времени на оперативную работу не оставалось, да и как бы он вербовал агентов, если владел только английским языком. Тогда он еще не был международным.

Естественно, после, громкого скандала, да ещё и с такой характеристикой, Пеньковского могли в лучшем случае оставить в ГРУ только старшим офицером (5-го управления), что и было сделано.

Почему в ГРУ не занялись расследованием «поведения» Пеньковского в Турции, понять можно. Есть информация, которая говорит, что «дальнейшее расследование блокировали многочисленные высокопоставленные “ангелы-хранители” Пеньковского». И все же оттуда его убрали.

В сентябре 1958 года Олег Владимирович поступает на высшие инженерные курсы Военной академии имени Дзержинского. Естественно, не без помощи Варенцова, который был уже маршалом артиллерии (11.03.1955 г.), депутатом Верховного Совета СССР (1958—1962 гг.) и занимал должность командующего артиллерией Сухопутных войск.

В трудную минуту «сыну» он не мог не помочь!

«Раньше это была чисто артиллерийская академия, но теперь она стала академией ракетной и реактивной артиллерии под командованием маршала Москаленко, — делился своим прошлым Пеньковский. — Там обучаются 2500 слушателей, которые будут специалистами и инженерами по использованию всех видов ракет. Упор делается на подготовку специалистов по обслуживанию ракет во время испытаний, до запуска. Эта подготовка идёт под руководством очень опытных инженеров, которых не так много — около тридцати или сорока человек. Я окончил эти курсы с отличием 1 мая 1959 года».

Полковник Валентин Волков в то время был старшим преподавателем кафедры проектирования и производства артиллерийских систем в этой академии. Там он и познакомился с Пеньковским: «Кроме занятий со слушателями, за мной закрепили одну из групп ВАКа — Высших академических курсов. И один из офицеров этой группы (как потом выяснилось, это был Пеньковский) после лекций часто подходил ко мне с просьбой о дополнительных консультациях: мол, с тех пор, когда он учился, прошло немало времени, многое забыто, а экзамены на носу... При этом, как бы между прочим, Пеньковский говорил, что лично знаком со многими советскими военачальниками, в частности с маршалом артиллерии Сергеем Сергеевичем Варенцовым... Как оказалось позже, в годы войны Пеньковский был у него личным адъютантом. А однажды Пеньковский сказал мне: “Валентин Евгеньевич» если у вас возникнут какие-либо проблемы, обращайтесь”».

Однажды невозможно было достать билеты на матч, и Волков

вспомнил слова Пеньковского. «Когда Олег Владимирович узнал, что меня к нему привело, расчувствовался: как же так, дескать, Валентин Евгеньевич, ведь вы столько лет в футбол отыграли... А на следующий день Пеньковский протянул мне билет на северную трибуну стадиона “Динамо”».

Пеньковского он запомнил на редкость коммуникабельным и, как тогда говорили, человеком со связями. «Казалось, неразрешимых проблем для него не существует. Любой вопрос он решал в считанные минуты. Когда у одного из моих сослуживцев после защиты диссертации возник вопрос, где се “обмыть”, я в шутку посоветовал ему обратиться к Пеньковскому, мол, уж он знает... И действительно, за минут двадцать он забронировал пару столиков в ресторане “Пекин”! Правда, Пеньковский шел навстречу только нужным людям. Я, например, являлся для него именно таким человеком — был преподавателем, а значит, исход его учебы в академии в какой-то степени зависел от меня».

В 1959—1960 гг. Пеньковский вновь в ГРУ, старший офицер 4-го управления, затем там же старший офицер специального отдела 3-го управления. И снова по протекции маршала Варенцова. Теперь полковник Пеньковский работает «под прикрытием» в качестве заместителя начальника Управления внешних сношений Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ при Совете Министров СССР.

«Известно, что Пеньковского не раз просил перевести из Ракетных войск в ГРУ главный маршал артиллерии Варенцов, который с ним дружил и поддерживал десятки лет, — напишет в своем письме бывший начальник ГРУ генерал Серов. — Он обратился ко мне по телефону, я отказал Варенцову, и на справке, предоставленной мне Смоликовым, написал: “Не изменив аттестации, данной мне атташе Рубенко, невозможно использовать в разведке”». Но, не уговорив Серова, Варенцов пошёл другим путём. Он обратился через его «голову» чуть ниже. Поэтому приказ о восстановлении Пеньковского подписал заместитель Серова генерал Рогов, когда начальник был в отпуске. Рогов же мог принять такое решение по одной причине: он пользовался особым покровительством министра обороны маршала Малиновского. Словом, точно такие же методы, которые очень любил Олег Владимирович. Ему было чем гордиться.

«Вообще за последние годы он стал нервным, подозрительным. По своему характеру он был тщеславен, самолюбив и склонен к авантюрам. Эти отрицательные черты его характера складывались на протяжении всей его жизни. Этому способствовало восхваление его достоинств среди

родственников, товарищей и друзей. Служба у него протекала легко! В жизни он больших трудностей не испытывал», — вспоминала его жена.

Женщины и дорогие рестораны были «частью» его службы. Поэтому ему приходилось врать не только коллегам, но ещё и близким. Однажды в одном из ресторанов, войдя в роль галантного кавалера, Пеньковский снял с ноги своей новой знакомой туфлю, налил в неё вина и выпил под одобрительный гогот компании. В другой раз под видом заграничной командировки уехал со своей знакомой отдыхать на курорт. Он брал от жизни все, но при этом был жадным и завистливым. Болезненно честолюбивый, Пеньковский постоянно вращался только около «нужных людей», имеющих соответствующую власть и влияние. Им он старался угодить, а тем, кто был далёк от подобных знакомств, при любом случае хвастался своей близостью и неограниченными возможностями.

Сегодня все эти истории и слова, наверное, вызовут усмешку на устах обывателя. Оно и понятно, мы уже давно живём «но понятиям». Такого рода взаимоотношения являются нормой, когда корысть естественна, а мораль имеет совершенно другие очертания, чем в прошлом столетии. Есть над чем задуматься! Но мы отвлеклись...

Ещё в пятидесятые как-то к Пеньковскому заехал офицер. Он приехал поступать в академию, а попутно завез передачку от Варенцовых. За чаем Олег Владимирович обещал «показать» приезжему столицу во всей её красе. На что последний подчеркнул, что приехал учиться. Хозяин дома рассмеялся.

— Для продвижения по службе хорошо учиться мало, надо иметь мохнатую руку.

Больше они никогда не встречались.

Дня того чтобы получить квартиру побольше, Пеньковский прописал к себе мать. При этом скрупулезно записывал расхода семьи на питание и, если иногда случался перерасход, выдавал меньше. Сам же шпион в ресторанах оставлял приличные суммы.

«При коммунистах, — говорил Пеньковский, — я живу с размахом». Он имел в виду вывезенные им трофеи в сорок пятом и привезенное «барахло» из Турции.

Находясь за рубежом, Пеньковский покупал шариковые ручки, галстуки, лак для ногтей, помаду, кое-какие лекарства для знакомых. В общем, всякую мелочовку. Зато для влиятельных особ был отдельный список, как, собственно, и для близких.

Например, для маршала Варенцова он заказывал у сотрудников иностранных разведок сустанон, лекарство, повышающее потенцию.

Обычно после всех сообщений и ответов на вопросы его кураторов Олег Владимирович молниеносно переходил к списку своих требований. Например, «рассказал группе, что электрические бритвы на батарейках, которые он раздарил, произвели настоящую сенсацию».

В очередном списке его покупок значились: «Небольшие женские золотые часы фирмы “Омега” или “Лонжин” с хорошо различимыми арабскими цифрами на циферблате; духи “Арнеж”, “Шанель № 5” и “Мицуко”, но только в небольших флаконах. Ему нужны были пластинки популярных русских эстрадных певцов Вертинского и Лещенко... В списке были бумажники, записные книжки, ремешки для часов и двадцать недорогих шариковых ручек...»

В сентябре 1961 года, когда Варенцов отмечал шестидесятилетие, Пеньковский встречал его на вокзале в Москве. Поздравив с днем рождения, так называемый сын преподнес ему подарки, приобретенные на деньги ЦРУ и МИ-6: «Зажигалку в виде ракеты, серебряный портсигар и бутылку коньяка шестидесятилетней выдержки. На самом деле коньяк был на несколько лет моложе, но этикетка на бутылке была приготовлена Отделом технических служб МИ-6, чтобы год совпадал с возрастом Варенцова».

Для своих кураторов он старался на совесть. Записывал, шифровал, фотографировал, но при этом просил оценивать переданный материал прежде всего с финансовой точки зрения.

«У меня к вам просьба: обеспечить мне для работы материальную базу. В общем-то, я кое-чего в жизни достиг. Я полковник уже одиннадцать лет. Раньше я получал 500 рублей в месяц (450 долларов), сейчас (в госкомитете) я получаю 450 рублей (405 долларов). У меня есть квартира,

личные вещи. Я командовал полком, был за границей. Это нормально, что у меня что-то есть. Я женился на дочери генерал-лейтенанта, который дал ей кучу денег, и, в принципе, у нас довольно высокий жизненный уровень. Но я бы хотел жить лучше, чтобы моя семья могла жить в свое удовольствие. Всё это можно очень легко объяснить, потому что всякий, кто бывал за границей, обычно привозит много вещей. Эти вещи приобретаются на собственные сбережения. Как вы знаете, многие вещи в СССР почти невозможно купить, другие же слишком дороги.

Мне хотелось бы иметь некоторую сумму наличными, которую можно оговорить. Я подумываю о том, чтобы купить дачу недалеко от Москвы. Для человека моего возраста и положения скромная дача — явление абсолютно нормальное. Это будет стоить около 10 000 рублей (9000 долларов). Вернувшись с фронта, я ездил на “Мерседес-Бенце”, но через некоторое время продал его, потому что не мог достать запчастей, и хотел купить “Волгу”. У всех моих товарищей есть машины. Из моих небольших сбережений и денег, которые я получаю, я обычно трачу немного на семью, на походы в ресторан. Я не аскет».

Немного обнаглев, в одну из очередных встреч Пеньковский пожаловался на ту же тему:

«Мне бы понадобились еще и рубли, чтобы повезти их с собой обратно. Честно говоря, я задолжал 1020 рублей. Один мой хороший друг одолжил их, чтобы я через свои связи в Москве достал ему мебельный гарнитур. Я его заказал, и мне нужно будет показать квитанции, но деньги я постепенно истратил...»

Как пишут Дж. Шектер и П. Дерябин, «расходы ЦРУ на оперативные дела и содержание Пеньковского составляли в 1961 году 40 000 долларов, что в 1990 году было эквивалентно 174 800 долларов.

Например, в 1961—1962 годах оперативные расходы по встречам с Пеньковским составили 82 000 долларов, что эквивалентно 358 000 долларов. В эту сумму входили командировочные сотрудников ЦРУ, стоимость пребывания в гостинице, питание, а также подарки, фотокамеры, сделанные на заказ сигнальные устройства, списанные со счета суммы в иностранной валюте и прокат автомашин». Там тоже умели считать!

Так что же выдал Пеньковский ЦРУ и МИ-6? Нынешние исследователи считают, что в принципе ничего особенного.

А если точнее, то: «А. Уникальные материалы о нынешней структуре советской разведки, включающие данные о составе штабов по саботажу, государственному перевороту и убийству государственных деятелей в случае военных действий.

Столь же беспрецедентная информация об аппарате Центрального Комитета КПСС как основного потребителя данных советской разведки и о его координирующей и контролирующей роли.

Б. Подтверждение того, что основной целью советской разведки является раннее предупреждение иностранного нападения.

В. Данные о более чем трехстах офицерах советской разведки и о более чем дюжине советских агентов, работающих на Западе.

Г. Документальные материалы об обучении советских разведчиков, включая данные по контактам и связям агентов-нелегалов,

Д. Отчеты, доказывающие, что Центральный Комитет КПСС и советская разведка намерены уделять еще больше внимания так называемым нелегальным операциям».

А ведь это только предварительная «Оценка контрразведывательных данных», переданных Пеньковским...

Как утверждают авторы книги «Шпион, который спас мир», «характер Пеньковского трудно было понять. Его рвение несколько тревожило, но никакого подтверждения того, что он работает на КГБ или ГРУ и передаст ложную информацию, не было. Он рассказывал слишком много, и то, что он сообщил, слишком било по интересам Советов. И всё же ЦРУ действовало осторожно, тщательно оберегало нового информатора, но в то же время не переставало проверять его надёжность...

Новый информатор получил рейтинг “Б” — самый высокий для нелегального агента.

Чтобы объяснить, что собой представляет информатор, советский отдел ЦРУ составил рабочую историю Пеньковского, датированную 18 июля 1961 года. Там о нем говорилось как о “советском штабном офицере высокого ранга, в настоящее время занимающемся разведкой...”».

Вспоминая «дело Пеньковского», тогдашний председатель КГБ Семичастный рассказывал следующее: «Он пользовался всего-навсего библиотекой Главного разведуправления. Говорят, что он брал там сверхсекретные материалы и, перефотографировав, переправлял их на Запад. Спрашивается: какие сверхсекретные документы могут храниться в библиотеке даже в ГРУ? Это непозволительно было! Дело в том, что американской и английской разведкам было просто необходимо раздуть свои успехи о сверхагенте в СССР, чтобы выбить дополнительные финансы на свою деятельность.

Когда Пеньковский, будучи тайным сотрудником ГРУ Минобороны и работая легально замом начальника отдела Госкомитета СССР по пауке и технике у Кириллина, ездил за границу (в Лондон и Париж), с ним там подолгу беседовали американские и английские спецслужбы. И на основании этих бесед сразу вырисовывается его истинная личность: каким мелочным и меркантильным он был, как выпрашивал всякий раз деньги и звания у иностранных разведок... И самонадеянно считал, что его теперь должна принять чуть ли не сама королева Великобритании. Он так этого хотел, что англичане были вынуждены для начала устроить ему встречу с каким-то лордом, чтобы хоть как-то остудить ему мозги. А деньги выпрашивал якобы на подарки нужным людям. В действительности же все это делалось в личных целях. Потом деньги он выбивает не только для себя, но и для Винна, который под видом английского коммерсанта был у него связным. Пеньковский говорил: «Не забывайте, что мне и Винну надо дать». И так на каждой беседе. Ему вопросы, а он сразу: сколько это будет стоить?!

Но надо сказать, на всякий случай и я и ГРУ вынуждены были более 200 разведчиков отозвать из-за границы, потому что Пеньковский лично знал некоторых.

А вообще Пеньковский был не только тщеславным, но и неуравновешенным. От ГРУ (еще до этого) он работал в атташате нашего посольства в Турции. И там и наша резидентура, и ГРУ потребовали убрать его спуда. И его вынуждены были отозвать оттуда, потому что он был склочник, неуравновешенная и, как итог, очень мстительная личность. Он просто не мог нормально работать в коллективе с людьми. И его единогласно выставили не только оттуда, но и из ГРУ. Он болтался без

дела. И только по ходатайству Варенцова Серов его восстановил. И то... как восстановил... Когда Серов поручил своим подчинённым дать на Пеньковского характеристику и заключение, то они дали заключение, на котором Серов написал: “С такой характеристикой я не могу восстановить!” Но вместо того чтобы отказать, переделали это представление...»

Современные римейки «дела Пеньковского» в исполнении разного рода любителей и дилетантов, пытающихся «разобраться» в сложных хитросплетениях игры разведок, наводят на грустные мысли. А как же масштаб, как же полет мысли?

В одной из статей историк Л. Докучаев сообщает: «Олег Пеньковский не был спасителем мира. Как не был и супершпионом. Он, наконец, не сыграл никакой роли в разрешении Карибского кризиса.

С 12 июля по 22 октября 1962-го проходила операция под кодовым названием “Анадыр”. На Кубу было доставлено 43 тысячи советских военнослужащих, пусковые установки и ракеты Р-12, несколько десятков ядерных боеголовок, несколько самолётов — носителей ядерного оружия Ил-28. переброска войск позволила предотвратить вторжение американцев, к тому же Вашингтон согласился в ответ на советское решение о выводе с Кубы ракет Р-12 и бомбардировщиков Ил-28 убрать свои ракеты “Юпитер” с территории Турции.

Среди рассекреченных докладов ЦРУ в октябре 1992 года был предоставлен меморандум под кодовым наименованием “Айронбанк”, основанный на сообщениях Пеньковского. По оценкам экспертов, проанализировавших этот документ, летом и осенью 1962 года аналитики ЦРУ не воспринимали всерьёз сообщения американских агентов, что на Кубе развёртываются ракеты средней дальности (обратим внимание читателя — речь не о Пеньковском, а об агентах на Кубе. — *Авт.*). Один из них сообщал, например, что возле Гаваны видели колонну из 24 грузовиков, семь из которых везли нечто, напоминающее большие трубы, прикрытые брезентом. Ещё один грузовик вёз что-то похожее на радар.

Американские эксперты не смогли понять смысл советских действий и сочли, что Советский Союз размещает на Кубе ракеты ПВО. Присутствие советских ракет на Кубе стало реальностью для администрации США лишь 14 октября, когда самолёты U-2 сделали фотоснимки ракетных площадок.

Что касается начала переписки руководителей государств, то, узнав о ракетах на Кубе, Кеннеди не поспешил сесть за письменный стол, а сделал 22 октября резкое заявление по национальному телевидению, объявив о военной блокаде Кубы. Это и стало началом пика Карибского кризиса, а не

началом переписки, которая, кстати, шла и до этого.

Категоричность Джона Кеннеди руководство в Гаване поняло как готовность совершить агрессию и привело кубинские войска в высшую степень готовности. Командование советской группировки на острове также получило шифрограмму, разрешающую вступать в бой в случае прямой агрессии. В высшую степень готовности начали приводиться вооружённые силы США и СССР. И вот в этот самый момент директору ЦРУ Джону Маккоуну сообщили, что от агента в Москве получен сигнал “ядерная атака”, означающий, что СССР готовит на США ракетное нападение. Рассказывают, что Маккоун поморщился и даже не дал команду перепроверить сигнал. Он посчитал телефонный сигнал провокационным.

А произошло вот что — об этом поведал 25 лет спустя Макджордж Банди. Пеньковского по случайному совпадению арестовали в самый разгар Карибского кризиса—22 октября, и тот успел подать установленный в случае чрезвычайных обстоятельств телефонный сигнал. Однако вместо сообщения о провале просигнализировал, что СССР готовит ядерное нападение на США. Понятно, это могло довести в Белом доме обстановку до кипения. Но Маккоун знал, с кем имел дело».

Ветеран российской разведки Л. Соколов в своей книге «Анатомия предательства» уточняет эту деталь: «Пеньковский якобы перед арестом всё-таки подал сигнал “о неминуемой угрозе”, и сотрудники ЦРУ, работавшие с ним и знавшие о преувеличенном самомнении своего агента, доложили о нём директору ЦРУ Маккоуну, но умолчали о сигнале насчёт войны, чем взяли на себя большую ответственность.

К счастью, ничего подобного не было в действительности. Пеньковский передал свой сигнал 2 ноября 1962 года, после разрешения Хрущёвым и Кеннеди основных кризисных проблем, будучи уже арестованным, и сделал это под контролем КГБ. Согласно рассекреченным материалам Белого дома за период кризиса, Маккоун 3 ноября доложил об аресте и “сигнале раннего предупреждения” президенту Кеннеди, но это никак не могло повлиять на развитие кризиса — он был преодолён. ЦРУ до того дня ни из каких других источников не знало об аресте Пеньковского и поэтому послало сотрудника резидентуры Джэкоба изымать тайник на Пушкинской улице, около которого он в этот день и был задержан.

Поэтому если бы автор интересного двухтомника о Пеньковском “Шпион, который спас мир” Джеральд Шехтер был бы советским писателем, а его соавтор Дерябин не был бы предателем, то они, скорее всего, назвали бы свою книгу иначе: “КГБ — спаситель мира”».

Следовательно, никакой «подставы» не было. Если внимательно

изучить биографию Пеньковского, то это становится очевидным как божий день!

«Пеньковского мы несколько раз не выпускали за границу, хотя и боялись, что американцы могут что-то заподозрить, — свидетельствует В.Е. Семичастный. — Но они так к нему присосались, потому что считали, что он здесь занимает такое высокое положение, что рвать с ним ну никак нельзя. Тем более что Пеньковский, как Хлестаков, был на язык мастак... Когда с ним в Лондоне и Париже работали по два-три человека от американцев и англичан, он их всех так убалтывал, что они становились похожими на персонажей из гоголевского “Ревизора”. Хотя сомнения у них, конечно, возникали, но он им не давал в себя прийти, убеждая, что он со всеми, как говорится, “на дружеской ноге”. И этим, разумеется, ещё большую цену себе набивал. И американцы с англичанами на нём “прокололись”, как городничий и свита на Хлестакове. И вот теперь, чтобы выйти из чуть ли не комедийного положения, непростительного для разведок таких сверхдержав, какими являются Америка и Англия, им приходится уже самим набивал» Хлестакову... прошу прощения... Пеньковскому цену, называя его своим суперагентом века в России...»

Из отчета ЦРУ о мотивациях Пеньковского: «В определенный момент Объект столкнулся с некоторыми трудностями в продвижении по службе из-за принципиального несогласия с начальством. Вероятно, в это время были посеяны первые семена недовольства, и он начал обдумывать, не войти ли ему в соглашение с западными силами. Его командировка в одну из западных стран была внезапно прекращена; между тем его явно привлекали удобства западной жизни. И из-за карьеры, и из-за материальных затруднений его недовольство росло, и он бросился на поиски возможностей связаться с США. Согласно заявлению Объекта, он еще в 1958 году начал собирать информацию, переданную впоследствии на Заладь И хотя эти заявления невозможно проверить, некоторые подтверждения их вероятности существуют!».

Когда Пеньковского сначала отозвали из самой первой командировки, не назначили резидентом в Анкаре, поставили на незначительную должность, а потом и вовсе убрали из ГРУ, это вызвало в нем по меньшей мере «кровную» обиду. Он не мог простить системе такое поражение. Когда маршал артиллерии Варенцов оказался недостаточно влиятельным, чтобы исправить это положение, а уж тем паче лишил его возможности стать генералом, Пеньковский предал и его.

Западные психиатры, изучающие Пеньковского как объект клинического анализа, установили: «Он был чрезмерно самоуверен»; «Он

не мог представить, что его поймают. Простых смертных могут поймать, но не его, баловня судьбы, обладающего такой пронизательностью»; «Он походил на юнца, ведущего автомобиль по наклонной дороге со скоростью 140 миль в час и воображающего, что он контролирует ситуацию».

А вот мотивы Пеньковского, установленные в КГБ СССР: «Пеньковский преследовал две цели: во-первых, отомстить вышестоящим начальникам. Они очень хорошо его знали и не хотели продвигать по служебной лестнице. Во-вторых, извлечь материальную выгоду. Американцы и англичане пообещали Пеньковскому чин и оклад полковника (13 955 долларов в 1962 году с надбавками), когда он станет перебежчиком, плюс 1000 долларов за каждый месяц его шпионской работы на них».

Таким образом, главными причинами, из-за которых Пеньковский выбрал путь предательства, однозначно можно считать две: великая обида и жадность!

Пеньковского арестовали 22 октября 1962 года на дороге на службу. Но он уже давно был под колпаком КГБ. Свидетельствует Семичастный: «Я же говорю, мы сняли ему в затылок четыре части фильма по тридцать минут. Я даже возил, показывал этот фильм Фиделю Кастро. Он еще министру своему говорил: “Смотри и учись, как это делается!” Ведь мы еще и подсовывали Пеньковскому какую-нибудь туфту, чтобы у американцев голова шла кругом. И он это все им передавал. И они принимали это за чистую монету и платили ему такие премии, что становилось ясным: клюнули! И на ответные меры соответствующие финансы вбухивали... Потом... Пеньковский ещё несколько раз должен был выехать за границу, однако мы закрыли эти выезды... Но мы его не арестовывали. Почему? Мы тянули, потому что должен был приехать сюда Винн. И мы хотели их вместе взять. А он не ехал. Приехал Винн в Будапешт. И я туда срочно послал свой самолет и Банникова с группой захвата. Так что Винна мы прихватили вместе с машиной в Будапеште... По соглашению, которое у нас было. А Пеньковского, стало быть, взяли здесь...»

Существует несколько версий о том, как вычислили Пеньковского. Согласно одной, советская разведка перехватила послание, отправленное в американское посольство, в котором фигурировала фамилия Пеньковского. В июле 1963 года во время обыска в доме сержанта Джека Данлэна, покончившего жизнь самоубийством, было найдено несколько документов Пеньковского. Сержант работал клерком в отделе по распространению документов в Агентстве национальной безопасности.

По другой версии, Пеньковского мог выдать начальник шифровального отдела Комитета начальников штабов (Министерства обороны) подполковник Уильям Вален. Он имел доступ к его материалам и выдал эти сведения советской разведке.

Третья версия: охранник в курьерском центре вооруженных сил, что располагался недалеко от Парижа, сержант армии США Роберт Ли Джонсон в декабре 1961 года умудрился проникнуть в хранилище и вынести совершенно секретные материалы, которые передал представителю советской разведки. Естественно, за вознаграждение.

Советская сторона придерживалась своей официальной версии: на Пеньковского комитетчиков совершенно случайно вывела жена английского резидента, его связная Аннет Чизхолм.

Однако есть данные, что шпиона вычислили после обнаружения утечки засекреченных военных материалов в США. Путем выявления лиц, имеющих доступ к этим материалам, и был вычислен Пеньковский.

Сегодня, когда некоторые авторы считают, что ничего такого Пеньковский не выдал, они глубоко заблуждаются. Даже если учесть, что он передал туда копию только одного журнала «Военная мысль», этого уже было достаточно, чтобы ему предъявить обвинение и отправить по известному адресу. Глупо и невежественно оценивать прошлое мерками сегодняшнего дня. Да и закон, как известно, обратной силы не имеет. Те же журналы тогда имели гриф секретности, а сам Пеньковский находился на государственной службе. Какие тут могут быть ещё рассуждения. Все предельно просто и ясно.

Но есть одно «но». Пеньковский выдал имена сотрудников ГРУ, включая фамилии сотрудников трёх резидентур разведки, а также фамилии и виды оперативной деятельности военных и военно-морских атташе. Он поведал об общей организационной структуре персонала ГРУ и дал информацию о методах работы военно-стратегической разведки. Он объяснил правила и коды (для системы тайнописи), использовавшиеся ГРУ в 1955—1956 годах. Сообщил фамилии сотрудников Военно-дипломатической академии и передал список слушателей этой академии, которые обучались там в одно время с ним.

Более того, он выдал сведения об иностранцах, сотрудничавших с советской военной разведкой. И это не считая копий тех самых секретных журналов «Военная мысль» и «Артиллерия и ракетная техника». Была и другая информация, после которой трудно назвать Пеньковского «подставой». Не был он и «супершпионом», как утверждали на западе. Предатель — он и в Африке предатель! А тем более предающий тех, кто ему помогал, так сказать, «тянул за уши». Ведь тот же Варенцов делал это не как покровитель для, а как «отец» для «сына». А чем отплатил ему «Иуда»? Заодно и генерала Серова подставил.

Как утверждал Семичастый, «Пеньковский, будучи у Варенцова, так сказать, холуем, настолько втерся в его семью, что ему доверяли даже ключи от дачи, на которой Пеньковский устраивал свои оргии, имея какие-то связи и с дочерьми Варенцова...» Ну а после этого Пеньковский кто?

«Когда я первый раз вызвал Варенцова к себе на разговор, он мне устроил такое...

Мол, какое вы имеете право? Тогда я ему все выдал и сказал: “Вы что? Думаете, я лично решил с вами так разговаривал»? Думаете, о том, как вы работаете и как проводите свое время, не знают в ЦК КПСС? Так что

подумайте, кого вы пригрели у себя на груди и что за тип около вас крутился все это время”. Он: “Ы-ы-ы-ы!” Чуть ли не магом на меня. Тогда я говорю: “Вот что... или я сейчас вызову стенографистку и буду официально вести допрос, или... вот вам вопросы и... чтобы завтра вы принесли мне полностью ответы на все эти вопросы!” После этого он сразу сник. И все!»

С генералом Серовым Семичастный не стал встречаться из принципа. Ведь это был бывший председатель КГБ!

«Уже в январе 1963 года Серов понял, что над ним сгустились тучи, — пишет П. Петров. — Пытаясь объяснить, он 10 января написал заявление в Президиум ЦК. Но остановить развитие событий было уже не в его силах. Расследование в КГБ дела Пеньковского давало всё больше доказательств, что обширная информация, переданная англичанам, была результатом его знакомства и частых посещений домов Серова и Главного маршала артиллерии С.С. Варенцова».

По некоторым свидетельствам, Хрущёв не собирался строго наказывать переданных ему Варенцова и Серова. В их виновности и необходимости крутых мер убедил его член Президиума и секретарь ЦК КПСС Ф.Р. Козлов. Именно он рассказал Хрущёву о том, что жена и дочь Серова вместе с Пеньковским ездили в Англию...

В итоге в недрах КГБ был подготовлен пространный отчет о роли Варенцова и Серова в деле Пеньковского, в который председатель КГБ В.Е. Семичастный по своей инициативе добавил материалы о виновности Серова в «выселении мирных пародов — калмыков, ингушей, поволжских немцев и других» и внёс предложение его наказать.

От работы начальника ГРУ и заместителя начальника Генерального штаба по разведке Серов был освобождён 2 февраля 1963 года решением Президиума ЦК КПСС. Через месяц с небольшим, 7 марта Президиум ЦК принял решение «О работе ГРУ», в котором, в частности, содержалось поручение комиссии в составе Секретаря ЦК КПСС В.Н. Титова, маршала С.С. Бирюзова и П.И. Ивашутина (1-го заместителя председателя КГБ, а теперь нового начальника ГРУ) разобраться в вопросе о С.С. Варенцове, И.Л. Серове и других и внести свои предложения. Трудно понять, что успела сделать комиссия, но следующим пунктом решения Президиума ЦК КПСС в тот же день, 7 марта, «за потерю политической бдительности и недостойные поступки» генерал армии Серов был снижен в военном звании до генерал-майора и лишён звания Героя Советского Союза.

Особенно активно против Серова выступал заведующий Отделом административных органов ЦК КПСС Н.Р. Миронов — давний недруг

Серова. Он также сыграл свою закулисную роль в наказании Серова. Причём известие об отстранении его от должности начальника ГРУ настолько обрадовало Миронова, что он даже не в силах был скрыть свое ликование от окружающих. Оказывалось, что Миронов давно подбирал материалы, компрометирующие Серова, добиваясь того смещения.

Вопрос о партийной ответственности Серова был передан на рассмотрение Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС. Партийное решение о разжаловании и лишении звания Героя было оформлено 12 марта 1963 года в советском порядке. Были выпущены Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении его звания Героя Советского Союза и Постановление Совета Министров о понижении в звании.

О наказании Серова Хрущёв проинформировал пленум ЦК КПСС на вечернем заседании 21 июня 1963 года. В вину ему поставили вторичный приём на работу в военную разведку Пеньковского. Хрущёв сказал: «Из-за этого Серова наказали, что Серов допустил, его сняли и понизили в звании с генерала армии до генерал-майора».

Вообще говоря, Серов ещё легко отделался. На этом же пленарном заседании Хрущёв метал громы и молнии, поставив на голосование вопрос о выводе из кандидатов в члены ЦК КПСС Главного маршала артиллерии С.С. Варенцова — покровителя Пеньковского. Заявив, что у Варенцова много заслуг, Хрущёв продолжал: «Но, как говорится, ты мне брат, а партия мне мать. Поэтому я не могу иначе. Я ценил его как генерала, как артиллериста, но тут вопросы политические, вопросы партийного порядка, и он не достоин быть среди членов и кандидатов в члены ЦК. Вот моё мнение».

С возмущением отметив, что Пеньковский «влез в душу» к Варенцову, Хрущёв добавил: «Я опять повторяю, может быть, мы малую меру принимаем против него только в партийном порядке, а может быть, надо было его судить за это дело, потому что он много болтал и много выболтал. Особенно он не знал, он не знал о стратегических наших ракетах, но о тактических ракетах всё рассказал, то, что Варенцов знал, всё, собственно, рассказал. Вот каково положение». За исключение С.С. Варенцова из кандидатов в члены ЦК КПСС пленум проголосовал единогласно.

Между тем Хрущёв по-прежнему неплохо относился к Серову, хотя и полагал, что тот наказан заслуженно».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 марта 1963 года С.С. Варенцов был лишён звания Героя Советского Союза и ордена Ленина, а приказом министра обороны СССР от 13 марта 1963 года понижен в воинском звании на четыре ступени до генерал-майора

артиллерии.

Полковник КГБ В.И. Баранов был одним из тех, кто присутствовал на процессе по «делу Пеньковского». Вот что он рассказал об этом М. Гохману: «В подсудимом чувствовалась неуравновешенность. Он мало смотрел в зал, вообще был похож на взъерошенного защищающегося воробья. когда объявили притвор — высшую меру, он не отреагировал, как следовало бы ожидать. Скорее всего, Пеньковский надеялся на тот торг, который с ним прошёл в “Лефортове”...

Как рассказывал начальник следственного отдела КГБ генерал Чистяков, подследственному были зачитаны письменные гарантии о сохранении ему жизни в обмен на полное сотрудничество с органами госбезопасности и чистосердечное признание. Олег Пеньковский в это обещание поверил. Верили в это и его мать, до последнего дня посещавшая сына в “Лефортове”, и следователь, который вёл его дело, а также сам Чистяков...

Договорённости были нарушены на самом высоком уровне. Когда председатель КГБ Семичастный доложил Хрущёву свои соображения по этому вопросу, советский лидер взорвался нецензурной бранью и назвал его доводы “комсомольским бредом”».

По мнению Виктора Иннокентьевича, Пеньковский раскрыл всю военную доктрину в области ракетостроения на многие годы вперед. «Потому что передал он очень много — данные по ракетам, которые были у нас в то время не только на вооружении, но и в разработке: их радиус действия, способ заправки, боеготовность, дальность... Других источников в этой области у американцев не было. Пеньковский был вхож в высшие военные круги — взять хотя бы маршала артиллерии Варенцова, с которым они вели доверительные беседы», — считает ветеран спецслужб.

Теннет Бегли в шестидесятые руководил отделом контрразведки советского направления ЦРУ. Именно ему поступали донесения от Пеньковского во время Карибского кризиса.

«За полтора года сотрудничества, — рассказывает этот высокопоставленный офицер ЦРУ, — он успел сообщить нам множество ценнейших данных по стратегии, тактике, оружию, современным научным разработкам Советской Армии. Он знал много о советских ракетах и передал нам копии их технических описаний, сообщил диапазон их действия, способы перемещения и хранения, а также время подготовки

ракет к запуску.

Именно информация Пеньковского убедила руководителей США в том, что советские ракеты на Кубе были размещены не для обороны, как утверждали Хрущёв и другие лидеры СССР, а для атаки. Пеньковский не знал о планах установки на Кубе наступательных ракет класса “земля—земля”. Однако он представил нам доказательства того, что СССР, не успевший на момент кубинского кризиса должным образом развил» программу межконтинентальных ракет; искал другие пути нанесения первого ядерного удара.

Информация, тщательно подобранная Пеньковским, подтверждала сведения ЦРУ, которые мы получали из источников на Кубе. В частности, из сообщений беженцев с Кубы мы знали о тягачах, которые регулярно проезжали по ночам через города и везли за собой длинные, покрытые брезентом предметы. Прицепы были столь длинны, что не могли вписаться в повороты...

Из фотографий, сделанных со спутников, мы знали габариты кубинских улиц. А от Пеньковского нам было известно, что советские оборонительные ракеты “земля—воздух” вписываются в уличные повороты без проблем. Это позволило предположить, что в данном случае речь шла о ракетах “земля—земляк.

И тем не менее перебежчик (сотрудник контрразведки КГБ в Хельсинки) А.М. Голицын, он же «теоретик» советского шпионажа, первым попытался убедил» ЦРУ, что Пеньковский был внедрён в западную разведку усилиями КГБ. После провала Пеньковского некоторые специалисты согласились с ним. Не отсюда ли пошла гулять эта версия? А ведь сам Олег Владимирович старался, «пахал от зари до зари», «работал на износ», чтобы только побольше дерьма сделать всему Советскому государству. А они вон как!

Но пройдёт время, и заместитель начальника отдела контрразведки ЦРУ Леонард Маккой в статье, долго ходившей по рукам бывших служащих этой организации, напишет: «Отрицательный эффект эпохи Голицына на управление операциями советского отдела фактически явился опустошающим — неизбежной кульминацией давно бытовавшего мнения, что у ЦРУ не могло быть ни одной настоящей операции по Советскому Союзу. Потенциальные объекты вербовки были отвергнуты, реализуемые операции сочтены вводящими в заблуждение (включая Пеньковского), а перебежчики, сообщавшие информацию в поддержку Носенко... рассматривались как подосланные КГБ».

В июле 1961 года жена генерала армии Серова с дочерью-студенткой в

аэропорту ожидали вылета туристической группы в Лондон. К ним неожиданно подошёл человек в форме и сказал, что на этот рейс продали два липших билета. А через несколько часов объявили другой самолёт: спецрейс с балетной группой, летящей на гастроли.

Именно этим рейсом в Лондон летел Пеньковский. Произошло это 18 июля 1961 года.

Сегодня существует мнение, что кто-то специально подстроил эту встречу, дабы подставить Серова. Но это не более чем фантазия.

Кому было нужно, чтобы жена и дочь начальника ГРУ полетели в Лондон вместе с Пеньковским? Правильно, ему самому. И ничего удивительного в этом нет. Именно Пеньковский всё и подстроил. У него на этот счёт был огромный опыт. Стоит добавить, что он не был ещё под колпаком КГБ и мог себе позволить такую комбинацию.

Косвенно подтверждает это и сам Серов: «Впервые я предателя Пеньковского увидел на Шереметьевском аэродроме летом 61-го года. Простившись с женой и дочерью, улетающими с туристской группой в Лондон, я встал у окна около пропускного пункта.

Ко мне подошёл незнакомец и, поздоровавшись, сказал, что он тоже летит в Лондон. Я подумал, что это сотрудник КГБ, знающий меня».

К слову, общение Пеньковского с Серовым нужно было для того, чтобы некто видел это и поверил словам полковника ГРУ о переводе семьи начальника ГРУ на другой рейс (спецрейс). Как говорится, «ловкость рук и никакого мошенничества».

На второй день после ареста Пеньковский питает председателю КГБ покаянное письмо, в котором полностью признаёт свою вину и предлагает использовать себя для слива дезинформации ЦРУ и МИ-6. Для этого он просит отправить себя за границу, а в качестве залога оставить свою семью — жену и двух дочерей, младшей из которых не исполнилось и года. «Если буду присылать “дезу” — уничтожьте семью», — писал в своём удивительном по своему цинизму письме полковник Пеньковский.

16 мая 1963 года, согласно приговору Военной коллегии, Верховного суда Пеньковский будет расстрелян в 16 часов 15 минут, и в тот же день его труп будет кремирован. О чём в архиве ФСБ РФ имеется соответствующий акт.

Когда в КГБ СССР убедились, что семья (мать, жена, дочери) была не в курсе предательства их сына, мужа и отца, то полностью взяли её под свою опеку.

Как вспомнит Семичастный, «чтобы они не страдали, мы немедленно перевели дочь в другую школу и переселили семью в другое место. Мы боялись за дочь, потому что она уже оканчивала школу. И из-за соответствующей обстановки в школе могли быть самые страшные последствия: девочка могла психологически не выдержать возникшего напряжения и внезапной отчуждённости. Однако фамилию оставили прежнюю. Потом уже, кажется, и фамилию заменили, чтобы не висело над ними проклятие сына, мужа и отца-предателя».

Кстати сказать, когда в тайнике Пеньковского в том числе было найдено несколько тысяч рублей, то позже Семичастный распорядился оставить его семье часть этой приличной по тем временам суммы. Жена Вера Владимировна до выхода на пенсию в 1989 году работала редактором в одном из издательств. Все они жили под другой фамилией, а старшая дочь вышла замуж. В начале семидесятых она работала в аналитическом подразделении КГБ. Комитет; кроме помощи в смене фамилии, места жительства и прочей помощи, также добился разрешения на выезд старшей дочери Пеньковского в Чехословакию на отдых.

Как пишет Л. Соколов, «из всех членов семьи в предательство Пеньковского не мота поверить только его мать, простая русская женщина, посещавшая его в тюрьме в белой, повязанной вокруг лица косынке».

Сергей Сергеевич Варенцов умер 1 марта 1971 года в Москве, где был

похоронен на Новодевичьем кладбище. После его смерти его жена, дети и внуки обратились к руководству страны с просьбой пересмотреть дело. В КГБ СССР им заявили, что в преступлении Пеньковского вины Варенцова нет а в отношении маршала была допущена административная ошибка. В 1991 году с помощью адвоката Кузнецова семья сделала вторую попытку к реабилитации.

«Бели бы Главный маршал артиллерии в своё время был привлечен к уголовной ответственности, мы взяли бы за рассмотрение этого дела, — ответили в Главной военной прокуратуре. — А так закон о реабилитации на случай с Варенцовым не распространяется. Родственникам или сослуживцам следует обращаться в Минобороны и Комиссию при Президенте России по наградам...»

Иван Александрович Серов умер в полном забвении 1 июля 1990 года. Ни одна газета не сообщила о его кончине.

В учётной карточке награждённого Пеньковского наискосок красным карандашом написано: «Расстрелян как шпион английской и американской разведки». И там же сбоку другая надпись: «Нагрудные знаки “ВАСА” и ВА им. Фрунзе отправлены на склад в/ч 74096 Мытищи на переплавку и удостоверения к ним уничтожены. См. 53111-63 и исх. № 150470 и 150469 от 30.11.63 г.».

Так, как делал свою карьеру Пеньковский, делали и продолжают делать многие люди на нашей земле. Лично он не изобрёл в этом ничего нового. Принцип «ты мне — я тебе» оказался весьма жизнеспособным и совершенно не уничтожаемым. Но ведь именно через этот принцип Пеньковский и стал предателем, когда что-то в его карьере стало давать сбои, когда не срабатывал «блат»...

А пулю в 1963-м он получил точно такую же, как тот лейтенант, которого он расстрелял в 44-м в порыве гнева бывшей «тыловой крысы». Ему вернулось всё бумерангом...

ИСТОЧНИКИ

1. Википедия: Варенцов Сергей Сергеевич. Интернет.
2. Википедия: Серов Иван Александрович. Интернет.
3. Википедия: Пеньковский Олег Владимирович. Интернет.
4. Герои Советского Союза. Биографический словарь. М., 1987.
5. *Горишняк В., Рыбак Н.* Факты и комментарии, 1 марта 2002 г.
6. *Горишняк В.* Факты и комментарии, 13 июля 2002 г.

7. Гохман М. Московские новости, 13 мая 2003 г.
8. Добрюха Н. «Огонек» № 44,27 ноября 2000 г.
9. Докучаев А. ПВО, 17 октября 2003 г.
10. Интернет: «Коммерсант» № 186, 7 октября 1995 г.
11. Лекарев С. «Аргументы недели» № 42, 18 октября 2007 г.
12. Млечин А. Председатели органов госбезопасности. М., 2003.
13. Найтли Ф. Шпионы XX века. М., 1994.
14. Петров Н. Иван Серов. М, 2005.
15. Соколов А. Анатомия предательства. М., 2005.
16. Гурченко С. «Труд», 5 апреля 2001 г.
17. Уайз Д. Охота на «кротов». М., 1994.
18. Хинштейн Л. Тайны Лубянки. М., 2008.
19. ЦАМО РФ. Учётная карточка награжденного Пеньковского О.В.
20. Чистяков Н.Ф. По закону совести. М., 1993.
21. Шектер Дж., Дерябин П. Шпион, который спас мир. 1—2 кн. М., 1993.

**ПЕРЕБЕЖЧИК, ПИСАТЕЛЬ И СЫН
АРТИЛЛЕРИСТА?..**

В 2007 году директора Службы внешней разведки (СВР) России С. Лебедева спросили: «Какими профессиональными качествами должен обладать современный представитель одной из самых закрытых для общества профессий — разведчик?»

Дословно он ответил следующее: «Основные качества, которыми должен обладать разведчик, были и остаются во многом неизменными. Прежде всего он должен быть патриотом своей страны. Человеком, готовым служить Отечеству “без права на славу, во имя державы”. Обладать гибким умом, аналитическими способностями, широким кругозором, разносторонними знаниями, развитым чувством товарищества. Обязательными условиями являются наличие высшего образования, свободное владение двумя-тремя иностранными языками. Разведчик должен уметь находить общий язык с любым собеседником, разбираться в хитросплетениях политической жизни, хорошо знать современное состояние, историю и традиции той страны, куда его направляют на работу. Его повседневная деятельность предполагает немалые психологические нагрузки. Он должен быть устойчив к ним.

Что касается “требований времени”, то это главным образом экспертные знания и навыки в таких областях, к примеру, как информационные технологии, прикладная психология, и других, которые позволяют разведчику идти с велениями сегодняшнего дня. Все это необходимые и, если хотите, обязательные условия, предъявляемые к кандидатам на работу в разведке, но не достаточные. Сотрудником нашей службы может стать лишь тот; кто сознательно сделал свой профессиональный выбор, для кого понятия “Отечество”, “долг” и “честь” являются смыслом и нормой жизни.

В этой связи мне вспоминается разговор опытных и много повидавших разведчиков о том, сколько нужно ежедневно работать, чтобы достичь успехов в разведке. Большинство сошлись во мнении — 24 часа в сутки. И тут вступил в разговор ветеран-разведчик Вадим Алексеевич Кирпиченко: “Нет; ребята, в разведке надо жить...” Вот и вся премудрость».

В Англию Владимир Богданович Резун сбежал (с его собственных слов. — *Авт.*) 10 июня 1978 года.

Об этом он сегодня рассказывает сам: «Самой тяжёлой была первая ночь в Англии. Мы провели её в гостинице “Браун-отель”, что в центре Лондона, через квартал от Пикадилли и неподалёку от представительства “Аэрофлота”. Ночь, тишина, жена спит, дети спят, а я не сплю, сижу и думаю: что же я, окаянный, наделал? Родину предал! Совершил большую ошибку, нехорошо поступил. Отца вспомнил, мать. И решил исправить свою ошибку через самоубийство. Но что после моей смерти будет с женой, детьми? Решение пришло тут же: нужно их забрать с собой! Дальше я начал думать, как это сделать, и понял, что со всеми сразу могу не справиться — одного, допустим, убью, а на других мне сил не хватит. Поэтому я решил поискать другие варианты. Их было два — алкоголизм и упорная работа.

В силу нелюбви к водке я выбрал работу.

И утром сел писать свою первую книгу: “Рассказы освободителя”. Нашёл издателя, принёс ему рукопись, он налил мне виски и сказал: “Ты известный человек, не так уж много народу сбегает в свободный мир из СССР, тем более из ГРУ. И если мы опубликуем книгу под твоей настоящей фамилией — Владимир Резун, это будет гарантированный бестселлер, какую бы ахинею ты там ни написал.

Вот скажем, твой предшественник, беглец Шевченко — личный друг Громыко! — написал полнейшую хрень о том, что Советский Союз стремится к миру. И всё равно эту чушь раскупили. Потому что имя! И ты поставь своё имя”.

Я ответил: нет, напишу под псевдонимом, пусть пробивается не имя, а книга. Хорошо, говорит он, тогда нужно правильно выбрать псевдоним. Но учти: в маркетинговых целях псевдоним должен состоять из трёх слогов: та-та-та. Он не должен быть украинским, а должен быть русским, то есть оканчиваться на “ов”. Наконец, фамилия автора должна что-то такое отдалённо читателю напоминать. Лучше что-то военное... “Суворов, — спрашиваю, — подойдёт?” “Пойдёт!..”

Книга вышла и стала бестселлером. Я-то думал, что следующую — серьёзную книгу выпущу уже под своей настоящей фамилией. Но после оглушительного успеха первой книги издатель запретил мне менять

раскрученный псевдоним. С тех пор я Виктор Суворов...

А имя Виктор мне дали, как только мы прибыли в Англию — всей моей семье сразу сменили имена. Слово “Владимир” англичане выговорить не могли, а “Виктор” — вполне интернационально...

Некоторое время мы жили на барже, скрываясь от советской разведки. Ещё до индустриальной революции вся Англия была прорезана узкими каналами, которые сохранились до сих пор. По ним теперь плавают узкие баржи, в которых живут и путешествуют люди. И мы какое-то время жили на такой барже, постоянно меняя место дислокации. Одновременно был распространён слух, что я живу на военной базе, чтобы отбить у Советов охоту гоняться за мной. Дело в том, что в тот самый год, когда мы прибежали, в Англии был убит уколочкой зонтика болгарский диссидент Георгий Марков. В любой другой стране это преступление осталось бы не раскрытым. Ну, умер человек от сердечного приступа, и умер. Но Англия — родина Шерлока Холмса и Скотланд-Ярда, они обратили внимание на небольшую красную точку на теле Маркова, нашли в глубине ранки крохотный шарик с дырочкой, который источал яд. Я видел этот шарик под микроскопом... В общем, предосторожности с укрытием моей семьи были нелишними. А когда шум с моим уходом стих, нам, как беженцам, дали маленький дом на берегу моря и небольшое денежное пособие. Жили не жирно, надо сказать.

Домик этот купило на мое имя Министерство иностранных дел. Я был благодарен англичанам и заявил, что расплачусь за этот дом. Они сказали, что растачиваться не надо. Но я объяснил, что это дело принципа, и, получив гонорар за первую книгу, продал этот домик, вернул деньги МИДу, а себе купил большой дом в Бристоле.

Это типично английский дом. Восемь комнат. Все спальни по традиции наверху. Внизу большая комната с камином. Я всегда считал, что в доме должен быть живой огонь. Не какой-то там газ гореть, а настоящие чурки трещать, и чтобы чуть-чуть дымом пахло. Когда отец приехал в гости ко мне, он всё удивлялся: огонь открытый, камин неглубокий, почему же дым в дом не валит? Потому что делать умеют...

Кроме каминного зала, на первом этаже находятся столовая, кухня и библиотека. Есть ещё меньшая хозяйственная комната, где стоит стиральная машина. На втором этаже — четыре спальни и мой кабинет, в котором ящики с картотекой. Две спальни из четырёх очень маленькие. Они используются, когда приезжают дети, то есть собирается вся семья. Дом очень уютный, я сам его выбирал».

Как утверждает сам Резун, дом в Бристоле он купил, потому что читал

про этот город с детства. «Все самые знаменитые путешествия начинаются в Бристоле. Отсюда вечно уплывает какой-нибудь герой. Отсюда уходила “Эспаньола” на остров сокровищ... 4 мая 1699 года из Бристоля отправился в своё знаменитое путешествие Гулливер. Я помню эту дату с детства, ещё когда на Дальнем Востоке читал Свифта. То есть в 1999 году исполнилось триста лет путешествию Гулливера. И нет бы мне примерно за год до этого пройти в Городской совет Бристоля и предложить им отпраздновать этот великолепный юбилей, о котором все забыли. Какой бы был праздник!.. Я бы заработал на этой идее миллион, не меньше! Даже один процент от доходов мог бы меня озолотить. Но нет! Прошляпил! Так жалко... И поэтому 4 мая 1999 года одинокий бывший русский шпион сидел в бристольском порту с бутылкой водки и пил за упокой своей неосуществившейся идеи, ругал себя: “Мудило грешное! Англичане свою историю и литературу забыли, так чего же я не напомнил!..”».

«...Моя финансовая история выглядит так, — продолжает Резун. — В 1978 году я начал писать книги. А в 1979 году меня пригласили читать лекции по военной истории в военную академию... В общем, меня пригласили на должность старшего лектора, обещали перспективу роста. Но от роста я сразу, отказался, потому что выше старшего лектора начинается работа, связанная с администрированием, а я не хотел быть никаким начальником, меня больше устраивал свободный график работы...

Мои лекции приходили послушать даже генералы. Я рассказывал слушателям о разных вещах...

Сегодня моё финансовое благополучие складывается из трех составляющих. Во-первых, у меня написано 15 книг. Они до сих пор хорошо продаются во многих странах и приносят мне неплохие деньги...

Во-вторых, я все-таки пропахал всю жизнь в военной академии лектором. И теперь получаю пенсию. А быть пенсионером выгодно!..

В-третьих, я до сих пор читаю лекции, хотя сейчас уже реже. Платят мне неплохо — 250 фунтов за двухчасовую лекцию. А читаю я курсами — пять дней по одной лекции в день. И мне не только оплачивают полный курс, но и возмещают транспортные расходы, поскольку академия находится не в Бристоле...»

Причиной своего побега В. Резун называет приезд нового резидента-дурака. «Приехавший вместо меня был дурак, наломавший дров. Прислали полного идиота. Мне нужно было расплачиваться за чужие ошибки, чего я совершенно не хотел...

Могло быть всякое. Или возврат в Москву и работа в нервном или пятом управлении, или вообще вышибут из разведки. Или посадят. Или

ликвидируют. Вариантов падений было множество. Главное, увезти так, чтобы увозимый не шебуршился...

Могли сделать успокаивающий укол. Лучше всего, чтобы человек не волновался. Однако у меня в голове уже был “Ледокол”. Жить с этим “Ледоколом” и не написать его я уже не мог. Но в “Аквариуме” написать “Ледокол” я тоже не мог...

Мы ушли за час до того, как они за нами пришли...

Поначалу они отнеслись недоверчиво. Я позвонил и сказал, что вот направил им послание из трёх букв (ГРУ). Сначала в посольстве сказали, что послание из трёх букв не может быть серьёзным. Но быстро разобрались, и после второго звонка мы встретились, и нас мгновенно переправили в Британию.

Поначалу жизнь была тяжёлая. Сразу же они начали меня пугать. После Швейцарии попасть в Англию — это почти что попасть из Москвы если не в Узбекистан, то в нечто вроде Болгарии. Была зима 1978/1979 года. В стране непрерывные забастовки. Не было хлеба, не было сахара, магазины были пустые. Стояли огромные очереди. Лондон был завален мусором: мусорщики бастовали, метро бастовало...

“У нас, — говорят мне, — безработица. Миллионов ты не получишь. У нас для тебя работы никакой. У нас безработных четыре миллиона, очереди везде стоят. Так что мы не знаем, что с тобой делать”. Я ответил: “Не надо меня стращать. Всё это коммунистическая пропаганда, и я ей не верю! Есть в Лондоне, я об этом читал, вокзал — Паддингтон. Предполагаю, что на том вокзале есть сортир, общественный. И предполагаю, что должен же его кто-нибудь чистить? Ради свободы я и буду это делать. Работу я всегда себе найду, только не надо меня пугать. О'кей? Пусть ваши безработные маются дурью. Только назад меня не отдавайте. А так я себя прокормлю”.. Они мне говорят, чтобы я не кипятился, мы, мол, подумаем и что-нибудь найдём... Вот такие дела. Это потом я стал профессором».

Информация к размышлению

Резун Владимир Богданович, родился 20 апреля 1947 года в посёлке Барабаш Хасанского района Приморского края в семье военнослужащего.

Отец: Резун Богдан Васильевич, 1921 года рождения.

Мать: Резун (Горевалова) Вера Спиридоновна, 1918 года рождения.

Брат: Резун Александр Богданович, подполковник запаса.

Адрес места жительства родителей: Украина, город Черкассы, улица Советская, дом 39, квартира 24.

Жена: Резун (Корж) Татьяна Степановна, 1952 года рождения.

Дети: дочь — Оксана, 1972 года рождения, сын — Александр, 1976 года рождения.

Личное дело № 5897, личный номер Ж-796520.

В 1954 году поступил в 1-й класс средней школы. С 1957 года по 1964 год учился в Воронежском суворовском военном училище (пять лет) и в Калининском суворовском военном училище (два года).

По окончании зачислен на второй курс Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознамённого училища имени М.В. Фрунзе.

22 июля 1968 года лейтенанту Резуну присвоена квалификация общевойскового командира с высшим общим образованием.

В августе назначен командиром взвода в 145-й гвардейский Будапештский учебный мотострелковый полк Прикарпатского военного округа (Стороженецкий полигон), далее проходил службу в разведывательном отделе армии.

В 1970 году направлен на годичную стажировку в разведывательный отдел Приволжского военного округа в г. Куйбышев.

В 1971 году поступил в Военную академию Советской Армии (ВАСА).

В этом же году присвоено воинское звание «старший лейтенант».

«...является самым молодым по возрасту слушателем Военной академии Советской Армии, — говорится в его выпускной аттестации. — Военные дисциплины знает лучше своих коллег. Увлекается сбором книг для библиотеки по военной тематике. Имеет второй разряд по стрельбе из автомата Калашникова».

В период обучения в ВАСА с семьей проживал по адресу: г. Москва, улица Азовская, дом 15...

По выпуску из академии 27 июня 1974 года присвоена квалификация офицера с высшим военным образованием.

До убытия в зарубежную командировку в течение нескольких месяцев находился в составе Управления информации, которое занималось изучением оружия и военной техники армий капиталистических государств.

После окончания академии присвоено воинское звание «капитан».

В Женеву отбыл 24 октября 1974 года под прикрытием постоянного представительства СССР при отделении ООН в Женеве.

В 1977 году назначен третьим секретарем (категория «майор»).

«Биография капитана Резуна была безупречной, — уточнит бывший резидент ГРУ в Женеве капитан 1-го ранга В.П. Калинин, — в его работе и поведении не отмечалось каких-либо настораживающих моментов. Резун во время обучения в Калининском суворовском военном, Киевском высшем общевойсковом командном училищах и в Военно-дипломатической академии Советской Армии имел только положительные характеристики, только с положительной стороны зарекомендовал себя на практической работе в штабе военного округа и в разведаппарате ГРУ в Женеве. Никаких сигналов по линии 3-го управления «К» КГБ СССР (военная контрразведка) и управления «К» КГБ СССР (контрразведка ПГУ) не поступало...

В общении с товарищами и в общественной жизни производил впечатление архипатриота своей родины и вооруженных сил, готовый грудью лечь на амбразуру...

Служебные отношения складывались вполне благоприятно: незадолго до исчезновения был повышен в дипломатическом ранге с атташе до 3-го секретаря с соответствующим повышением оклада, в порядке исключения срок пребывания продлён ещё на один год. По окончании командировки Резун знал, что его использование планируется в центральном аппарате ГРУ».

На вопрос, почему Резун ушёл, бывший резидент в Женеве как бы не нашел ответа и сказал так: «Отсутствие патриотизма, любви к своей родине? Нельзя согласиться. Неудовлетворенность служебным положением? Исключается. В свои 27 лет окончил два высших учебных заведения, и для него открывалась перспективная карьера в центральном аппарате ГРУ Финансовые затруднения? В 30 лет уже 3-й секретарь. Жена работает в представительстве, трехкомнатная квартира, автомашина. Отклонения в нормах поведения, психика, чрезмерные увлечения? Ничего подобного не отмечалось, внешне и внутренне выглядел как преданный Родине и воинскому долгу офицер».

А почему же тогда убежал?

Сам Резун причиной побега сначала назвал приход нового резидента Бориса Александрова, за ошибки которого он якобы должен был ответить. Позже стал говорить, что убежал, потому что хотел написать главную книгу своей жизни «Ледокол».

Автор одного из фильмов про Резуна В. Синельников в интервью

назовет Резуна «дьяволом и при этом очень несчастным человеком».

«Резун — человек крайне эмоциональный и артистичный, — пишет И. Кедров. — И перед камерой он играет, играет роль шпиона-перебежчика».

В. Мелик-Карамов: «Наши первые встречи проходили очень напряжённо, и тогда меня больше интересовал мотив измены. Осталось в памяти, что резидент в Женеве был для Суворова отец родной, а потом его сменил секретарь парткома ГРУ, и начались сложности. “Меня прижали, я и ушёл”, — это слова Суворова. При этом он клялся, что никто из-за него не был арестован. Если это правда, то представляю, у скольких сотрудников различных советских посольств закончилась досрочно загранкомандировка. Причём, возможно, навсегда».

М. Любимов: «Дабы не вызвать на себя огонь (пишу, мол, по указке ГРУ, ПТУ, ЦРУ, МГУ, ПТУ и т. д.), излагаю биографию Виктора Суворова по книге англичанина Г. Брука-Шеперда “Буревестники (!) перестройки”. Владимир Богданович Резун, украинец, родился в 1947 году в армейском гарнизоне близ Владивостока в семье военнослужащего, большинство родственников отца тоже служили в армии. Неудивительно, что в 11 лет он поступил в суворовское училище, затем в 1965 году в высшую военную школу...

В резидентуре ГРУ в Женеве (по Брук-Шеперду, “центре международного шпионажа”, а по мне — в средоточии синекур) капитан Резун начал зондировал» американцев, сначала намекая на тупость Брежнева (американцев это не поразило, они об этом, как оказалось, знали из прессы), затем предлагал им коллекционные монеты... но всё же в июле 1977 года капитану удалось завербоваться на английскую разведку. Проработал он на неё, согласно Бруку-Шеперду, одиннадцать месяцев, затем 10 июня 1978 года вместе с женой и двумя детьми был вывезен из Женевы в Лондон, можно предположить, по просьбе самого Резуна, ибо, естественно, англичане были заинтересованы в его работе на территории СССР по окончании командировки.

Сам Резун объясняет свою измену неприятием советской системы, шоком после чехословацких событий 1968 г. и прочим навязшим в зубах “джентельменским набором” любого перебежчика (просто диву даёшься, сколько западных шпионов чуть ли не жизнь бескорыстно положили за русскую демократию, правда, удивительно, почему после августа 1991 г. кривая западного шпионажа против демократической России пошла вверх).

Трудно оценить вклад Резуна в копилку английской разведки, но Брук-Шеперд утверждает, что он настолько много поведал о спецназе ГРУ, что Запад специально проводил маневры “Смелый защитник” по борьбе с этим

всепожирающим монстром...

Сейчас Резун и иже с ним обожают для паблисити поговорить о “вышке”, да, её получали по приговору военного трибунала почти все перебежчики, однако профессионалы прекрасно знают; что после бегства на Запад убийцы Бандеры в 1961 году закордонные “экссы” были запрещены Политбюро...

Где ты, Мстящая Рука КГБ и ГРУ? Чистейший миф. Зато публика-дура до сих пор охает и хватается за голову. Если Резун назовёт мне хоть одного предателя — а их сонмы! — которого в последние 30 лет покарала бы пресловутая Рука за кордоном (не дома, тут она горазда!), я сам готов отрубить себе руку и выслать ему диппочтой через английское посольство. Так что разговоры о “ликвидации” оставим для слабонервных вместе с фильмом, где для воспитания советских разведчиков показывают заживо сожжённого в крематории Пеньковского — блестящая художественная находка в “Аквариуме”».

Резун сегодня задним числом утверждает, что, оказавшись в Англии, никого не сдал! Но тут же возникает вполне закономерный вопрос: а зачем тогда был нужен британской разведке какой-то советский (всего-навсего) капитан? Чтобы книжки писать? И дураку понятно, что нет! Потому что Резун самым примитивным способом был завербован британской разведкой (СИС), при этом она же на основе изучения его личности пришла к чёткому убеждению: «Основным мотивом его сотрудничества является материальная выгода». А как же иначе!

Полковник ГРУ В. Безрученко вспоминает, обращаясь к В. Резуну: «Я вспоминаю конец октября 1978 года, когда мы, только что поступившие в ВЛЕА молодые слушатели, никак не могли понять, почему Вы остались на Западе накануне 60-летия военной разведки (этот праздник в ГРУ отмечается 5 ноября, а не 21 октября, как Вы пишете). Все генералы и офицеры академии ходили как в воду опущенные. А что касается Ваших коллег по женевской резидентуре, однокашников по академии, Управлению информации и других должностных лиц, служивших с Вами, поверьте мне, все они были отозваны из командировок или сменены с занимавшихся должностей с переводом на далеко не перспективные посты. Вы и сами признаете тот факт, что бывший и.о. резидента в Женеве В.П. Калинин не стал контр-адмиралом только по этой причине. Так что вопреки вашим утверждениям многие из них пострадали».

Обращаясь к русскому читателю в книге «Ледокол», сам Резун пишет: «Работа над книгой опустошила меня. У меня пустая душа, а мозг переполнен номерами дивизий. Носить в мозгу такую книгу я долго не мог. Её НАДО было написать». Но для этого надо было бежать из страны. Для этого надо было стать предателем. Я им стал.

Эта книга принесла столько горя в мой дом! Мой отец — Резун Богдан Васильевич — прошел войну с первого до самого последнего дня, он был ранен несколько раз, и тяжело, почти смертельно. Его я сделал отцом предателя. Как он с этим живет? Не знаю — у меня не хватает смелости это представить... Кроме всего, я разрушил его представление о войне как о войне великой, освободительной, отечественной. Мой отец был моей первой жертвой. Я у него просил прощения. Он меня не простил.

Я снова прошу прощения у своего отца. Перед всей Россией. На коленях.

Эта книга несла горе всем, кто рядом со мной. Чтобы написать «Ледокол», я пожертвовал всем, что у меня было: ради книги своей жизни, которая мне не даст ничего, кроме бессонных ночей и яростных нападок критики. Сейчас «Ледокол» признан во многих странах. Но не всегда так было...

Мои приговоры заслужены мной полностью. Я не прошу прощения за свое предательство и не желаю прощения за него. Простите за книгу. Мои приговоры к смертной казни справедливы до последней точки. И пусть не

хлопочут те, кому предписано приводить их в исполнение: я сам себя накажу».

Прочитав это сочинение Резуна, прямо так и хочется сказать словами одного из героев известного советского фильма: «Заметете, не я это сказал!»

Но это интересно ещё и тем, что сам Резун признается в предательстве. Правда, это было давно, в начале девяностых. А теперь он говорит совсем по-другому, ведь «главная книга жизни» уже написана...

«— Ну, тогда начнём с товарища Путина. Разница между Пуганым и мной заключается в первую очередь в том, что он был рангом повыше, так как служил подольше. Может; и более успешным был, хотя за рубеж его далеко не выпускали, потому как ГДР — это все-таки не заграница. Так вот; похожи мы тем, что он принимал присягу, как и я, и он изменил присяге так же, как и я. Он такой же предатель, как и я. Полностью. Никаких тут различий нет. Он принимал присягу и клялся до последнего дыхания хранить верность советскому народу, советскому правительству.

Весь советский народ оказался предателем, весь советский народ изменил советскому правительству и советскому народу. И такой народ более не существует. Всё. Издох, нет больше советского народа! Так вот, когда мы говорим о предателях, мы должны точно разделить их на категории. Все мы предатели. Но должно отделять тех, кто принимал решения самостоятельно, осмысленно, от тех, кто своего предательства не осознавал, кто принимал решение изменить в стаде. Всё стадо пошло предавать, и он с ним. Этот подполковник изменил советскому народу и советскому правительству в стаде и этого не осознал. Этим он от меня отличается».

Читая этот бред, невольно думаешь, что Резун по своему уровню развития так и не поднялся выше курсанта военного училища. Его рассуждения об измене присяге того же Путина и тех, кто служил на этот момент в КГБ, ГРУ и МО СССР, какие-то даже не юношеские, а детские.

Чтобы Резун знал на будущее, я ему подсказываю. После развала Советского Союза во всех бывших республиках военнослужащие их вооружённых сил принимали новую и, как правило, вторую присягу. И только в России «проституции» не произошло.

Советский же народ не предавал Советский Союз. Предали его точно такие же Резун и ему подобные, дорвавшиеся до власти и обманувшие народ. А подполковник Путин присяге не изменил, как не изменили ей и другие. Все эти слова лично мне напоминают дешёвый трёп замполита. Именно эта роль гораздо больше подходит этому «Павлику Морозову» из

Бристоля.

Но ещё Резуну присуща банальная трусость. И вот почему. Когда польские газеты, а за ними и СМИ во всём мире вовсю пережёвывали публикацию в польском еженедельнике «Ангора» № 31, заметки Жозефа Занявского под названием «Был ли отец Путина участником подавления Варшавского восстания?», Владимир Богданович наложил в штаны...

Там была приведена фотография 60-летней давности, где среди немецких офицеров и власовцев, которые принимали участие в подавлении Варшавского восстания в августе 1944 года, в казачьей форме стоит якобы отец российского президента — Владимир Путин.

В кратком изложении заметка выглядит примерно так: «Виктор Суворов (настоящее имя — Богдан Резун), бывший резидент советской военной разведки ГРУ ...собирая материалы для книги о маршале Жукове в секретных лондонских архивах 8-й британской армии, случайно обнаружил очень интересную фотографию... Отец Путина — среди власовских предателей. Суворов поясняет, что офицеры в мундирах казаков — это россияне, служившие в казачьих формированиях армии генерала Власова...»

Её будто бы передал живущий на Западе писатель В. Суворов, который занимается изучением Второй мировой войны.

14 августа 2003 года Резун (он же Суворов) направил в администрацию президента и в «Московский комсомолец» опровержение. Как бы он ни «трещал», а тут запахло жареным. Он же не Герой Советского Союза, вот и «струхнул маленько».

«— Я никогда не занимался этим вопросом и никому никаких фотографий не передавал, — ответит он на вопрос корреспондента “МК”. — Я не занимаюсь современной политической жизнью в России, я 25 лет не был в стране, я здесь — за бугром. Если я что-то делаю, я это доказываю. В книгах тем более. Опубликовано фото человека в форме, с нашивкой РОА. Но где же подтверждающие документы? Я никогда не выдвигаю никаких обвинений, не имея на руках документов, на основании которых могу говорить. Эта статья в польской прессе была ведь не под моим именем. Это писал кто-то, но переводил стрелки на меня».

Хочется лишь отметить: когда Резун отрекается от современной политической жизни в России, он, как всегда, лжёт. Прочитайте хотя бы его статью в «Посеве» (№ 3) за 2007 год под названием «А рыльце-то в полонии». Там человек, мало что понимающий в современной российской жизни, рассуждает из Бристоля почта как праведный старец, но по «нотам» своих сочинений. Однако его не слышно, ведь близко подойти он боится.

Но где он лжёт: там или тут?

В другой статье, с названием прямо из произведений Зощенко («Честное медведевское, или Плюшевый гарант», «Посев» № 6, 2008 г.), В. Суворов пишет: «Мне говорят: да не обращай ты внимания! Кто он, этот Медведев? Чучело!

Нет, граждане, не обольщайтесь. Давайте смотреть правде прямо в глаза: Медведев — не чучело.

Медведев — человек...

Который согласился быть чучелом».

Такое ощущение, что Резун скоро доиграется, ведь в России всегда смеётся тот, кто смеётся последним!

И ещё один момент. Когда Резун говорит, что его заочно приговорили к высшей мере, он то ли сам не знает, то ли пытается создать себе ореол мученика. Непонятно.

Однако, со слов заместителя председателя Верховного суда Российской Федерации Н.А. Петухова, Резуна не только не приговаривали, его дело даже не передавалось в суд.

Но есть ещё и заявление начальника ГРУ генерала Ф.И. Ладыгина, в котором он утверждает, что слышал о приговоре Суворова—Резуна к высшей мере заочно. «Был и суд», — говорит оп.

Поэтому из-за этих «непоняток» приходится Резуну трястись за свою «драгоценную жизнь». Глядишь, и какой-нибудь новый «Крейсер» напишет, чтобы хватило на дрова дня камина. В Бристоле тоже в резиновых сапогах ходят. А значит; и там холодно.

Владимир Безрученко: «На момент ухода Вы представляли определённую ценность для спецслужб Великобритании как офицер разведки, но как носитель полезной информации — практически никакой. Что вы знали? Агентурную сеть? Нет. Систему связи?

Нет. Да, Вы знали нашу школу разведки, структуру резидентуры. Вы знали руководителей в Центре и в какой-то степени построение Центра, но не более того. Да, это интересно, но не так чтоб уж очень. А дальше что? А дальше надо отрабатывать авансы и зарабатывать на хлеб, кормить убежавшую с Вами семью. Как это делать? Ведь на Западе да и у нас, даже сейчас, даром денег никто не даст. И вот тогда Вы начали кормиться написанием книг».

Что верно, то верно. И понеслось:

1. «Рассказы освободителя» — книга издана в 1981 году на английском языке. Переведена на 23 языка.

2. «В Советской Армии» — книга издана на английском языке в 1982 году. В 1983 году — книга месяца в США.

3. «Советская военная разведка» — книга впервые опубликована на английском языке в 1984 году. Вышла на многих языках, кроме русского.

4. «Аквариум» — книга впервые вышла в 1985 году на английском языке. На русском — в 1987 году.

5. «Спецназ» — книга впервые опубликована в 1987 году. Вышла на многих языках мира, кроме русского.

Именно на этих книгах Резун хорошо заработал. Именно этими книгами он помогал разваливать Советский Союз. Именно этими книгами он отработал свое пристанище на чужой земле. Именно этими книгами он предал все, что ему дали армия, военная разведка.

И Советский Союз...

Кроме этих книг, были ещё «Контроль», «Ледокол», «День М» и другие. Теперь они помогают разваливать Россию тем, кто все ещё продолжает вполне серьёзно вынашивать такие планы.

В. Безрученко: «Но главное, от Вашего ухода пострадал авторитет ГРУ, его престиж в общей системе внешней разведки СССР. И, как мне кажется, если бы не предстоящий юбилей Главного разведывательного управления, резонанс от такого ухода на Запад был бы намного меньшим. Вы были не первым и не последним.

Да, в системе ГРУ предателей всегда было меньше, чем в других государственных структурах (КГБ, МИД, МВД и др.), но они были. Некоторых из них я тоже знаю. На моей памяти это выпускник Киевского высшего общевойскового командного училища Г. Сметанин (бывший помощник военного атташе в Португалии, начавший сотрудничать с ЦРУ США и расстрелянный по приговору Верховного суда СССР в мае 1986 года), это генерал Д. Поляков (начальник факультета ВАСА, тоже расстрелянный), это мой однокурсник майор

В. Борщев, предлагавший свое сотрудничество французским спецслужбам и получивший 12 лет тюрьмы, а также бывший полковник

С. Баранов, с которым мне пришлось несколько месяцев служить в одном подразделении.

Когда внимательно проанализируешь этот список, то становится ясным, что практически все вышеперечисленные лица пришли в ГРУ по протекции или были баловнями судьбы. Это же касается и Вас, до сих пор толком не объяснившего причины ухода на Запад. Разговоры о несогласии с социалистическим режимом рассчитаны, извините, на несведущих людей. Ваши объяснения схожи с объяснениями Сметанина и Борщёва. Этих людей я знал лично и поверить их словам не могу даже сейчас, когда уже 10 лет нет СССР.

На мой взгляд, причина таких действий проста — все вы были покорены роскошью Запада. После возвращения из командировок вас ждал скромный оклад офицера ГРУ, не устраивавший ни вас, ни ваши семьи (особенно жен). Ибо жить по вашим меркам можно было лишь на Западе, а в СССР — имея дополнительные доходы.

А дополнительным доходом в названных ситуациях являлись деньги спецслужб иностранных государств. Вот простое объяснение всех предательств и уходов, так что не надо громких слов».

Дочь начальника ГРУ генерала армии П.И. Ивашутина—Ирина была замужем за дипломатом и работала в Женеве. Да, да, именно там, где под

«крышей» представительства в ООН «трудился» этот самый Резун. Он-то и возил Ирине Петровне посылки от отца, в которых был всегда стандартный набор: черный хлеб, селёдка, колбаса, бутылка водки и так далее.

Когда он приходил в приёмную Ивашутина, то с его порученцем — полковником Поповым Игорем Александровичем всегда разговаривал «скороговоркой, услужливо и даже заискивающе».

Тог до сих пор помнет слова предателя: «Игорёчек, я всё передам, конечно, передам, всё сделаю...»

«Раза два или три он возил эти посылки. Пётр Иванович с ним не общался. Потом, когда в 1978 г. Резун сбежал в Англию, Пётр Иванович говорил возмущённо: “Этот деятель мало что сбежал, так он ещё и книжку написал, где всё переврал”. Я ему говорю: “Резуну надо спасибо сказать, что он в этой книге не написал, как возил посылки дочке начальника ГРУ в Швейцарию”. — ”Вообще-то правильно”, — сказал Пётр Иванович».

В. Безрученко в своей статье обратил внимание на тот факт, что, находясь в зарубежной командировке, Резун не являлся членом партии.

«Дня системы Главного разведывательного управления это неслыханный случай. Но Вы имели весьма влиятельных покровителей и не без их помощи стали слушателем столь закрытой и престижной академии.

Таким образом, говорить о том, что Вы “от сохи” попали в ГРУ, по крайней мере не совсем корректно».

И ещё один момент. Как вы думаете, чем реально мог заниматься молодой капитан (27 лет от роду) в Женеве, к тому же будучи новичком?

Правильно, кроме того, что передавал посылки, продавал монеты, Резун катал по магазинам жену резидента. Словом, охотно занимался хозяйственными делами, чем и должен заниматься молодой офицер на новом месте службы при старших офицерах.

А «поступить» в Военно-дипломатическую академию Резуну «по благу» помог не кто иной, как сам начальник Управления кадров ГРУ, бывший работник Административного отдела ЦК КПСС генерал-лейтенант С.И. Изотов. Ежегодно он назначался председателем приёмной комиссии слушателей в академию. И, естественно, не безвозмездно протаскивал туда всяких сынков, зятьёв и других родственников и знакомых влиятельных и полезных особ самым, что называется, беспардонным образом. С отрицательным мнением большинства членов комиссии он никогда не считался. Впоследствии он станет именем нарицательным и будет выдворен из ГРУ за взятки. Его спасёт всё та же Старая площадь.

До сих пор из всех интервью Резуна да и по его книгам весьма трудно понять, кем же был его отец, кроме как «артиллеристом». А ведь он не хочет говорить правду. Почему, вы сейчас поймёте. Наберитесь терпения.

«...Вся его история полностью укладывается в “День М”. Окончил он школу и в 1939 году поступил в Днепропетровский металлургический институт, тогда очень знаменитый. Проучился недели две, и была введена всеобщая воинская обязанность, по которой все, кому 18 лет (а он с 1921 года), призывались на службу. Когда его забрали, а тогда всех пацанов забрали, остались на курсе одни девочки. Они скинулись и купили ему фибровый чемоданчик. С этим чемоданчиком он и пошёл служить в армию. Отслужил год, и ему говорят, что ты, мол, хороший боец, вот теперь пойдёшь в офицерское артиллерийское училище. В Киеве. Один год. Окончил он училище, и отправили его на стажировку в 140-ю дивизию (курсантом-стажёром). И должны были присвоить звание в июле месяце.

13 июня объявили тревогу. Дивизия уходит вперёд, приказали все вещи бросить. Вроде чемоданчик этот брать было нельзя. Но он, как сам говорит — “со злости”, взял этот чемоданчик и нанизал его на кол, оставшийся после снятия палаток.

Воевали они, воевали, очень быстро он стал командиром батареи. Потому что он год служил в артиллерии и год учился в офицерском училище (это был ускоренный курс). Но, несмотря на то что он уже полный курс окончил и с математикой у него было очень хорошо, он всё ещё оставался курсантом. А тут полно неграмотных ребят, обучавшихся срочно, по три месяца, но получивших младших лейтенантов, и те, неграмотные, обращались к нему за помощью, говоря: “Командуй нами”.

Вышли они из киевского окружения, воевали под Москвой. У него медали “За оборону Киева” и “За оборону Москвы”. Под Москвой из 150 человек их выпуска нашли двоих и присвоили им лейтенантские звания», — рассказывает Резун про своего отца.

Я, как человек не особенно ленивый, однажды, работая в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске, решил поинтересоваться военной биографией отца Резуна. Было любопытно узнать про боевой путь «артиллериста» Богдана Васильевича, который воспитал и «подарил» известного всему миру «Павлика Морозова». И на этот раз мне повезло.

Родился Богдан Васильевич 8 февраля 1921 года в селе Звонецкое

Солоньянского района Днепропетровской области. Украинец. В 1939 году окончил 10 классов средней школы. В Красной армии с октября 1939 года.

Свою службу начал в должности курсанта 26-го батальона связи НКВД Киевского военного округа с 19 октября 1939 года.

С 15 августа 1940 года — курсант Курсов младших лейтенантов при 2-м Киевском артиллерийском училище (в личном деле Курсы записаны как шестимесячные).

С 15 февраля 1941 года — на стажировке в должности командира взвода 637-го стрелкового полка 140-й стрелковой дивизии Киевского Военного округа.

С 23 июня 1941 года — командир взвода 605-го артиллерийского полка 162-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта.

С 27 октября 1941 года — командир взвода 18-го минометного дивизиона 7-й гвардейской стрелковой дивизии Западного и Северо-Западного фронтов.

За этот период был дважды ранен: в августе 1941 года и в сентябре 1942 года.

В 1942 году Богдан Васильевич вступил в партию (партийный билет № 03392783).

С 12 марта 1943 года Б.В. Резун — заместитель командира батареи по политической части 1-го истребительного противотанкового дивизиона 7-й гвардейской стрелковой дивизии Северо-Западного фронта. 252

С 11 декабря 1943 года — парторг дивизиона в той же части.

С 7 августа 1944 года — парторг дивизиона 72-го гвардейского миномётного полка 2-го Прибалтийского и Ленинградского фронтов.

С 19 августа 1944 года — парторг дивизиона в той же части 72-го стрелкового корпуса 1-го Дальневосточного фронта.

За этот период был ранен один раз в феврале 1944 года.

В личном деле по поводу присвоения воинских званий «лейтенант» и «старший лейтенант» записано следующее: «Подтверждению не подлежит в соответствии с директивой ГУК МО от 11.11. 55 г. № 3/3/161500». И дата: «31.12.42».

Воинское звание «старший лейтенант» Резуну-старшему было присвоено приказом командующего 34-й армии № 029/п от 25 августа 1943 года.

Так что с начала 1943 года Богдан Васильевич был замполитом, а затем и парторгом дивизиона вплоть до конца войны.

Молодому поколению, скорее всего, трудно представить себе, чем занимались эти самые замполиты и парторги. Поэтому мы воспользуемся

некоторыми воспоминаниями фронтовиков и послушаем их мнение на этот счёт.

Есть у Петра Алексеевича Михина, а он служил только в артиллерий, в воспоминаниях такая глава: «Замполиты. Взгляд из окопа». Это как раз то, что нам и надо.

В ней он пишет, как ехал в купе поезда в Москву на празднование 50-летия Победы. Пассажиров было четверо. Все из разных городов России и Украины. Но случилось так, что все они представляли разные рода войск: летчик, танкист, пехотинец и артиллерист.

А дальше слово самому ветерану: «Наступила ночь, приготовились спать, и свет уже выключили, а разговорам всё нет конца, и в темноте долго ещё продолжались заинтересованные расспросы и рассказы.

— Ребята, а из вас, случайно, никто не комиссарил? — обратился к нам лётчик-штурмовик. — А то ненароком обидишь кого. — Убедившись, что в купе только строевые командиры, лётчик продолжил: — Если уж кому и жилось на войне, так это политработникам. Летать не летали, а ордена получали. Да ещё более высокие, чем мы. Помню, мне за первые вылеты “Отечественную войну” дали, а нелетающему замполиту — орден боевого Красного Знамени отвалили. Единственный орден, которым ни в каких войсках не награждали политработников, — это полководческий, “Александра Невского”. Видно, знали его учредители, где находились политработники во время боя.

Вступил в разговор танкист:

— Точно, и у нас замполиты в бой не ходили. Ему даже танк не положен был, хотя у зама по строевой танк был. И йотом, он же не танкист, а партаппаратчик. Но награждали их, как и у вас, лётчиков, а то и чаще.

— Наши больше возле кухонь отирались. Я батальон веду в атаку, а эта троица: замполит; парторг, комсорг — в тылах сидит, вроде бы о питании печётся; будто без них старшина не пошлёт кухню, когда стемнеет; — недовольно отозвался о своих политработниках комбат-пехотинец.

— А у меня, — включился и я в разговор, — хитрющий замполит был. И вредный. На передовую за три года так ни разу и не сходил. Всё при штабе, на кухне да в тылах: продукты для себя выискивал или обмундирование поновее. И парторга, и комсорга — молодых офицеров — всё время при себе держал. Для них передовая как бы запретной зоной была, тоже ни разу нас не посетили. Видно, такое указание сверху у них было. Только и знали все трое, что политдонесения в полк строчить. Уж чего они там в них сообщали, не знаю.

— А в газетах и книгах все они — герои, — проворчал кто-то в

темноте.

— Так ведь газеты-то они и печатали, да и книгами сами ведали. Вот своего брата да самих себя и прославляли.

Вернулся я со встречи домой и под впечатлением услышанного решил сам описать боевые эпизоды, а заодно и о своих политработниках правду сказать, — продолжает Пётр Алексеевич. — А то ведь действительно, как сказал один из моих попутчиков, на века утвердился миф о повальном героизме комиссаров в Отечественную войну. А я из собственного опыта знаю: политработники, с которыми я общался на фронте, за исключением нескольких человек, в боях не участвовали и никакого героизма не проявляли. Многие из них были бездельниками и трусами. Они только и умели цидульки-доносы писать, распоряжался, надзирать — и ни за что не отвечать.

Когда я был ещё взводным и даже когда командовал батареей, я почти никогда не общался с замполитом дивизиона. У нас с ним были разные сферы обитания: я постоянно находился на передовой, вместе с пехотой, а он — в тылах дивизиона. Но когда я стал командовать артиллерийским дивизионом, мне уже небезразлична была деятельность политработников в моём дивизионе. Однако, к великому моему огорчению, вместо деятельности я обнаружил полнейшую их бездеятельность...»

На всякий случай, если эти воспоминания кто-то назовёт предвзятыми, я решил обратиться к книге Б.С. Горбачевского «Ржевская мясорубка». Он воевал в пехоте, был даже комсомольским вожаком полка и общался с политработниками, что называется, вплотную.

Итак, рассказывает Борис Семёнович: «Мои соседи по блиндажу — капитан Михаил Михайлович Гаврилов — парторг полка и майор Сергей Иванович Степанов — полковой агитатор. Все называли их “Михалычем” и “Степанычем”...

Михалыч был совершенно безразличен к чужим бедам и никогда не искал повода вести солдат в бой “за Родину, за Сталина”. В то же время был добросердечен к коммунистам и снисходителен к их прегрешениям, если они не выходили за рамки военных законов.

Сам парторг, надо сказать, был далеко не безгрешен. Не пропускал дня, чтоб не выпить положенные сто граммов — свои и непьющего агитатора, а, если случалось, мог употребить и побольше, не брезговал. Присмотрел ивановский мужик крепко слаженную деревенскую прачку Серафиму — грудастую, в теле девицу — и захаживал к ней куда чаще, чем на передовую...

Степаныч был полной противоположностью Михалыча — можно

сказать, из простейших млекопитающих. Разобраться в нем было нетрудно, потому называли его кто “добряком в рассоле”, кто “медным лбом”...

Свой день Степаныч распределял на две половины. С утра до обеда был углублен в прессу, аккуратным почерком выписывал на отдельные листочки интересные заметки, факты, цифры. Во второй половине дня грыз гранит науки под названием “В.И. Ленин о пропаганде и агитации”, ежедневно прочитывая и конспектируя порцию текста. Эту толстенную книгу он повсюду таскал в вещмешке, никому не доверяя свою драгоценность.

Как-то я спросил его: “Какая разница между пропагандой и агитацией?” Он засыпал меня ленинскими цитатами, пространно и долго излагая то, что без труда можно объяснить за минуту. Видимо, он испытывал огромное удовлетворение от самого процесса словоизвержения. За нудность своих речей он и получил прозвище “медный лоб”...» Но вернёмся к отцу Резуна—Суворова.

25 января 1948 года он назначен заместителем командира дивизиона по политической части 72-го гвардейского минометного полка 72-го стрелкового корпуса Приморского военного округа.

С 14 июня 1951 года — пропагандист 687-го корпусного зенитно-артиллерийского полка 72-го стрелкового корпуса 25-й армии Приморского ВО.

С 15 апреля 1957 года — пропагандист полка 45-го гвардейского мотострелкового полка 123-й гвардейской мотострелковой дивизии.

С 11 октября 1957 года — пропагандист 115-го гвардейского корпусного артиллерийского полка 27-го армейского корпуса.

А с 7 ноября 1957 года — майор Резун (присвоено приказом Гл. ВДВ № 01444 от 25 декабря 1951 года, а воинское звание «капитан» — приказом Гл. ВДВ № 016/п от 23 августа 1947 года) находится в распоряжении Киевского военного округа.

31 марта 1958 года он назначается на наиблатнейшую должность среди политработников: старший инструктор по пропаганде и военно-массовой работе Черкасского гарнизонного дома офицеров. Сами понимаете, что массовик-затейник мог там встречаться и знакомиться с разного рода людьми. Именно тогда он и пристраивает своих сыновей в суворовское училище.

С 18 ноября 1959 года майора Резуна выводят в распоряжение Политуправления Киевского военного округа, а 29 января 1960 года приказом Главнокомандующего сухопутными войсками № 090 увольняют в запас по статье «59» пункту «В» с правом ношения военной формы.

Когда его сын, который теперь Суворов, говорит, что Богдану Васильевичу закрыли путь в академию, потому что он украинец, а значит, его родители с оккупированной территории, мне хочется спросить: а собственно, в какую академию его бы приняли?

Массовик-затейник закончил всего лишь шестимесячные курсы младших лейтенантов, какая ему академия, если он был уже неперспективным офицером для современной армии?

На 1955 год майор Резун был награждён тремя орденами и шестью медалями:

медалью «За боевые заслуги» — 7 октября 1942 года (№ 94112);

орденом Отечественной войны II степени — 6 октября 1944 года (№255042);

орденом Красной Звезды — 30 апреля 1945 года (№ 2261987);

медалью «За боевые заслуги» — Указом ПВС СССР от 15 ноября 1950 года (за выслугу лет)

и орденом Красной Звезды — Указом ПВС СССР от 5 ноября 1954 года (за выслугу лет № 3 346 032).

Кроме того, он был награжден медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и «XXX лет СА и ВМФ».

Доклад закончил...

А вы, читатель, ещё раз внимательно прочитайте биографию Богдана Васильевича и сравните с тем, что говорит его сынок... Не «Ледоколычик» ли получается?

В апреле 1978 года впервые в послевоенной истории Советского Союза перебежчиком оказался заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР Аркадий Шевченко.

Его сын Геннадий вспоминает: «Весной 1978 года я, атташе Отдела международных организаций МИД СССР, находился во временной заграникомандировке как эксперт делегации СССР в Комитете по разоружению. 9 апреля меня вдруг оформили дипкурьером — мол, необходимо срочно доставить в Москву секретный пакет. В сопровождении третьего секретаря представительства В.Б. Резуна я прилетел в Москву, и мне сразу же сообщили, что мой отец остался в США.

О Резуне я вспомнил через несколько месяцев, когда услышал сообщение западных радиостанций о том, что майор ГРУ Резун, сбежавший из Женевы в Англию, заявил: “Сын заместителя Генерального секретаря ООН Аркадия Шевченко, оставшегося в США, Геннадий является лучшим моим другом”. Меня вызвали в службу безопасности МИДа, показали несколько фотографий. Резуна я узнал с трудом, ведь наше знакомство было кратковременным — несколько часов полета. А потом — столько бурных и страшных событий: потеря отца, фактическое увольнение из МИДа, смерть мамы, конфискация имущества и т.д. Неудивительно, что о встрече с каким-то Резуном я даже не вспоминал.

Но если бы КГБ уже тогда подозревал Резуна в шпионаже, едва ли его направили бы сопровождать сына Шевченко. Это был очередной прокол наших спецслужб. Сейчас Резун (Суворов), кажется, не упоминает о нашей встрече в 1978 году ни в одной из своих книг. А тогда, после побега из Женевы, сенсационное “дело” А.Н. Шевченко придавало “вес” никому не известному майору ГРУ».

Аркадий Шевченко не просил политического убежища, а предпочёл сотрудничество с ЦРУ. Сам он объяснял это просто:

«Я думал, что работа на американцев в течение определённого времени будет наиболее эффективным способом получить их помощь в устройстве новой жизни... Ведь после допросов они могут выбросить меня, как выжатый лимон. А я надеялся на большее».

На ЦРУ он работал с 1975-го по 1978 год. А потом он издал книгу и, получив за неё миллион долларов, стал совершенно самостоятельной

фигурой, профессором американского университета, читал лекции американским бизнесменам, получая за каждую до 20 тысяч долларов. Он писал статьи для Британской энциклопедии, журналов и газет. Ему присылали на рецензии книги многих видных дипломатов.

Резун—Суворов поступил примерно так же. Но, будучи человеком мелкого масштаба, ему, безусловно, было гораздо тяжелее. Не оттого ли приходилось врать и заниматься «хлестаковщиной»?

В 2004 году Владимир Богданович уже взялся оценивать участие Украины во Второй мировой войне. «Всё-таки моё отчество — Богданович, а фамилия — Резун. И, хотя разговоры о вкладе какого-нибудь народа в победу не бывают объективными, надо сказать, что Украине досталось в войне больше всех. Так же, как и украинцам, досталось только полякам.

Вклад Украины в войну — многогранный вопрос. Лучший танк всех времен и народов — Т-34 — создан в Харькове. Я согласен, что на заводе работали представители всех национальностей, но всё-таки Т-34 создан в Украине.

Сержантский состав — цемент армии — состоял из украинцев и татар. Даже после войны в советское время все знали, что сержант всегда либо украинец, либо татарин, иногда — литовец. Я не говорю о старших офицерах, но лучшие сержанты и младшие офицеры получались именно из украинцев.

Главным остаётся то, что украинцам Вторая мировая обошлась дороже всех. Страдания Украины нельзя описать, и, по моему мнению, она понесла самые тяжелые потери среди всех стран».

А вот как сын замполита и парторга оценивает деятельность Украинской повстанческой армии в годы войны: «Я отношусь с большим уважением к солдатам УПА, потому что они боролись за свою страну. Мы привыкли говорить “Великая Отечественная война”, но, с другой стороны, нам всегда внушали, что у пролетариев нет отечества, — почитайте Маркса. Так каким образом пролетариат боролся за отечество, которого у него нет? После войны сделали многое, чтобы облить грязью УПА, представить Степана Бандеру гитлеровцем, забывая о том, где он находился и что делал.

Я прокомментирую хорошо известный документ Жукова и Берии о выселении украинцев. Он не вызывает у меня никаких сомнений, если они выселили 14 других народов. Сталин отменил его — украинцев было слишком много. Так что, с одной стороны, гитлеровцы хотели уничтожить славян, а с другой — Жуков и Берия намеревались уничтожить само понятие украинской нации. Так о защите какого отечества может идти речь,

если “отечество” издаёт указ, подрывающий национальные корни? О каком “отечестве” может идти речь, если оно ещё до войны нанесло практически смертельный удар украинскому крестьянству? Поэтому УПА — единственная сторона, сражавшаяся за интересы Украины. Мой отец, воевавший в Красной Армии, в конечном итоге, воевал за то, чтобы укрепить позиции московских преступников. Я уважаю отца и его боевой путь, но победа, за которую он проливал кровь, привела к возвращению антинародной власти в Украину».

И это говорит сын замполита и парторга, который прошёл всю войну. Который показывал пример в проведении политико-воспитательной работы, был не только её организатором, но и проводником. Который пропагандировал идеи марксизма-ленинизма, рассказывал о славных свершениях Советской армии и был «желанным» гостем в батареях, взводах и расчётах.

Сам Владимир Богданович считает, что его фамилия Резун означает «резать правду».

Однако, как замечательный сказочник, это он просто сочинил. А фамилия Резун означает: 1) рассыпчатый, иглистый лёд, который режет ноги коней и 2) трава наподобие осоки.

Потому что обман принял у него форму некой патологической зависимости, а также болезненного влечения.

Занимаясь самым обыкновенным препарированием цитат из мемуаров военачальников, он раскладывает их только так, как выгодно ему самому. За годы он уже научился мастерски манипулировать сознанием читателей-дилетантов, которых миллионы.

При этом Владимир Богданович очень часто выдаст себя в интервью, нередко забывая, что говорил раньше. А ещё он выдаёт себя на языке жестов. Например, поправляя очки, он нервничает (это видно невооружённым глазом), а сам говорит, что они ему метают! Ложь, ненависть и страх так и прут из него.

Сегодня уже понятно, что он самый натуральный мошенник. Не зря его интерпретацию истории называют не иначе как «эрзац-история». Но так уж повелось, другой ожидать не следует. От этой «истории» у него потихонечку «едет крыша»...

Вот он рассказывает журналисту А. Ткаченко о том, чему учит британских разведчиков:

«Учу, как воевать на фронте, как нужно бить коммунистов. Если коммунисты или какие-то там тоталитарные силы на Украине, в Белоруссии, в России пойдут войной против западного мира, который так хорошо живёт, ни на кого не нападает, если они пойдут войной, то я не только буду там лекции читать, я возьму автомат и пойду воевать против коммунистов. Я буду их убивать. Сам...

И буду вешать. “Комуняку на гілляку!” Всё. Буду вешать. Так вот, и я говорю, если коммунисты нападут на западный мир — я буду воевать, пойду в танк заряжающим простым. Если возьмут. А если они не нападут, то мои лекции никому никакого вреда не принесут. Не надо нападать, вот и всё».

Как вы думаете, после таких слов его можно считать нормальным человеком?

Александр Стебницкий в своём интервью поинтересовался про безопасность Резуна.

«Я не в безопасности, — ответил Владимир Богданович. — Недавно влиятельному московскому политику, известному как “сортирный мочильщик”, был задан вопрос: “Как вы относитесь к книгам Суворова?” Он ответил: “Я книг предателей не читаю”. Я долго смеялся — он принимал ту же присягу, что и я. Откройте её текст — там говорится, что я обещаю до последнего дыхания хранить верность советскому правительству Я этой присяге изменил — я предатель, но ведь и он ей изменил — тогда он кто? Я никого не боюсь, ни от кого не прячусь, но мои приговоры остаются в силе. Так что, с одной стороны, я не прячусь, но с другой — не особенно и высовываюсь. А отношение ко мне не изменилось: меня ненавидели и продолжают ненавидеть, а я этим горжусь»

А после этих слов он кто?

С одной стороны, преподаватель, почётный академик и профессор нескольких университетов в Европе и США.

С другой стороны, несчастный человек. Советского Союза давно уже нет, а он до сих пор в Россию и носа показать не может. А вдруг «замочат в сортире»?

Его сын работает редактором одного журнала в Польше. Когда ему нужны деньги, то он говорит с отцом исключительно по-русски.

«Услышишь “папа!”, значит, за деньгами едет», — смеётся Резун. А разве это смешно?

С матерью дети разговаривают только по-английски. Разве это хорошо для сына замполита и парторга артиллерийской части? Не этому он учил Владимира, не этому. Не такими желал видеть своих внуков, разговаривающих на чистом языке капиталистов!

Как он радовался за сына, когда тот закончил Киевское ВОКУ с отличными оценками по политэкономии, истории КПСС, марксистско-ленинской философии и партполитработе.

Значит, всё было не зря. Как он радовался, когда сын 10 июня 1969 года был награждён почётной грамотой «За умелое коммунистическое воспитание воинов и высокое пропагандистское мастерство».

Но никогда не думал он, что Владимир может сказать такое: «Понимаете, если бы каждый из нас боялся за своих родственников, то так бы мы и остались бы рабами».

Сегодня он мечтает пройти лондонский марафон в противогазе с полной выкладкой: с автоматом, боекомплектом и лопаткой в сапогах. Он коллекционирует русские и советские боевые ордена и стрелковое оружие.

На один из дней рождения жена подарила ему автомат Калашникова. Хороший подарок!

А ещё Резун любит гулять по лесу один. Так как у него много врагов, то пока он ходит, то мысленно ругается с ними. Только, жаль, не берёт с собой подаренного автомата, ведь у нас в России говорят: «Раз в году и палка стреляет!»

ИСТОЧНИКИ

1. *Андреев А.* Белорусские торпеды для «Ледокола» фальсификаторов. Интернет.
2. *Безрученко В.* «Коммунист» (Киев) № 33, 2003 г.
3. Википедия: Виктор Суворов. Интернет.
4. *Горбачевский Б.* Ржевская мясорубка. М., 2007.
5. *Кедров И.* Последний миф Виктора Суворова. Кинематограф. Интернет.
6. *Кириллова Д.* Московский комсомолец, 15 августа 2003 г.
7. *Климов Д.* Московские новости № 35, 07—13 сентября 2007 г.
8. *Коцина И.* «Факты», 2 апреля 2004 г.
9. *Ладыгин Ф.И.* Комсомольская правда, 14 августа 1999 г. (интервью).
10. *Мелик-Карамов В., Любимов М.* «Огонек» № 52, 2008 г.
11. *Минаев.* Руська Правда, 17 сентября 2000 г.
12. *Михин П.А.* «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» М., 2006.
13. *Никонов А.* Личное дело, апрель 2008 г.
14. *Петухов Н.* (интервью). Парламентская газета, 9 ноября 2000 г.
15. *Порошков Н.* Национальная оборона, 11 ноября 2009 г.
16. *Скачко В., Ткаченко А.В.* Резун. ТВ-канал «Интер», программа от 11 февраля 1999 г.
17. *Смыслов О.С.* Накануне 1941 года. М., 2007 г.
18. *Стебницкий А.* Интернет: «Главред» от 7 мая 2004 г.
19. *Суворов В.* Ледокол. М., 1993.
20. *Суворов В.* «Посев» № 3, 2007.
21. *Суворов В.* «Посев» № 6, 2008.
22. *Суворов В., Хмельницкий Д.* Беседы с Виктором Суворовым. М., 2010.
23. ЦАМО РФ. Учётно-послужная карта Резуна Б.В. — 002153.
24. ЦАМО РФ. Учетная карточка награжденного Резуна Б.В.
25. *Шевченко Г.* «Совершенно секретно» № 5, 2003 г.

**ВРАГ ГОСУДАРСТВА ИЛИ КГБ?
(«Предатель в законе»)**

26 июня 2002 года Московский городской суд заочно приговорил его по статье 275 УК РФ (государственная измена в виде выдачи государственной тайны) к 15 годам заключения в колонии строгого режима.

Его лишили воинского звания «генерал-майор» (соответственно, права на пенсию) и всех государственных наград.

Уголовное дело было возбуждено в начале 2002 года, а в апреле этого года Главная военная прокуратура РФ направила его в суд. 29 апреля главный военный прокурор М. Кислицын подписал обвинительное заключение и направил его для рассмотрения в Мосгорсуд. Поскольку Он неоднократно игнорировал вызовы на допрос и заявлял, что не собирается представлять перед российским правосудием, следовательно, в таком случае Его дело могло быть рассмотрено судом заочно. Например, Он отказался явиться 28 марта по повестке на допрос в Москву, в Следственное управление ФСБ.

Одним из пунктов обвинения стало разглашение информации, содержащей секретные сведения, которые были озвучены в книге «Первый директора!» («Первое управление»), написанной им совместно с американским журналистом.

Следствие установило, что авторы данного литературного труда сделали достоянием общественности должностные «прикрытая» некоторых советских резидентов на Западе и их реальные псевдонимы, тонкости некоторых операций КГБ СССР, в частности, по дискредитации ЦРУ и ФБР, раскрыли многие особенности методов работы российской разведки.

Во втором пункте Его обвинили в содействии американскому правосудию в осуждении бывшего полковника армии США Джорджа Трофимофф, арестованного ФБР по подозрению в шпионаже в пользу России.

Следствие располагало неопровержимыми данными, что Он выступал свидетелем на процессе против Трофимофф и однозначно подтвердил, что тот агент КГБ. Таким образом, агент советской и российской разведки был приговорён к пожизненному заключению.

«Да, я знаю этого человека, я встречался с ним в середине 1970-х в Австрии и в течение нескольких часов обсуждал его разведработу. Трофимофф был ценным агентом», — были Его слова.

Удивительно, но в заключительной речи прокурора просил судей не конфисковывать его имущество, «поскольку обвинение не располагает данными о корыстных мотивах преступления».

Первоначально государственный обвинитель требовал для Него 20 лет, но адвокату удалось убедить суд в том, что процесс над Трофимофф был закрытым и следствие ориентировалось исключительно на публикации СМИ. Также адвокат заявил, что следствием не было приведено неопровержимых доказательств разглашения обвиняемым секретных данных, так как это мог сделать и Его соавтор.

И всё-таки приговор суда подтвердил позицию следствия, что Он — предатель родины.

Попытка же опротестовать приговор в Верховном суде РФ успеха не получила.

Сразу после вынесения приговора в Москве друзья бывшего генерала КГБ стали отправлять в адрес иммиграционных властей США петиции с просьбой ускорить получение им гражданства. Сам Он подал заявление ещё четыре месяца назад и в ответ получил письмо с вопросом: «Согласен ли он принять гражданство США?»

К слову, для того, чтобы в Америке получить так называемую грин-карту, а тем более гражданство, необходимо доказать, что этот человек не представляет опасности для страны.

По Его собственному мнению, новые трения с властью начались у него ещё в 1998 году. Тогда из Совета безопасности РФ был уволен Его зять. Именно это обстоятельство во многом сподвигло Его подать документы на получение грин-карты в США. Ходатайство было удовлетворено в самые кратчайшие сроки, то есть в том же году. Хотя обычным сроком её ожидания считается срок до трёх лет.

Ещё в начале 2000 года Его полузабытое имя снова зазвучало с приходом к власти Владимира Путина. Буквально перед своим избранием президентом Путин дал ему следующую характеристику: «... — предатель... я видел в своё время в Ленинграде, он был замначальника управления. Абсолютный бездельник».

Правда, удостоенный такой оценки, Он буквально за считанные месяцы стал «экспертом по Путину». Естественно, заработал. В день президентских выборов Он написал открытое письмо Владимиру Путину. В 2002 году Он расскажет об этом следующее: «Два года назад я написал президенту Владимиру Путину открытое письмо после того, как Президент России назвал меня предателем. В этом письме я высказал свою точку зрения по поводу этих огульных обвинений, сказал, что господину президенту, который кончал юридический факультет Ленинградского университета, не мешало бы знать о том, что существует такой принцип, как “презумпция невиновности”. В письме также говорилось, что в сложившейся ситуации я не считаю возможным вернуться в путинскую Россию. Это было два года назад, и ничего не изменилось с тех пор».

А в 2003 году на всякий случай примет присягу верности Америке: «Я клянусь в верности флагу Соединённых Штатов Америки и республике, символом которой он является. Клянусь перед Богом в верности единой нации и стране — неделимой, свободной, одинаково справедливой для всех».

Говорят, Его церемония посвящения в американцы состоялась в отделении иммиграции и натурализации в Балтиморе. Все там было достаточно скромно, без помпы: у бывшего генерала КГБ спросили, согласно протоколу, состоял ли он в коммунистической партии и имел ли судимость. На оба вопроса Он ответил положительно. Тем не менее эти Его ответы зафиксировали и сразу допустили к церемонии принесения присяге чужому звёздно-полосатому флагу.

Оп вышел в отставку в 1989 году и сразу же начал Публичную критику КГБ. Участвовал в работе движения «Демократическая Россия» и был избран депутатом Верховного Совета СССР. А в июне 1990 года указом Михаила Горбачева был лишён воинского звания «генерал-майор» и государственных наград. Прокуратура СССР возбудила в отношении него уголовное дело по факту разглашения государственной тайны.

«Вот основа всей этой истории с “приглашением” Федеральной службы безопасности, — рассказывает Он. — Это не первый случай. В 1990 году военная прокуратура обвинила меня в аналогичных грехах. Если бы не краснодарцы, которые избрали меня миллионом с четвертью голосов народным депутатом СССР, то могли быть серьёзные осложнения. Но я получил иммунитет, и это, естественно, сыграло роль. Между прочим, после августа 1991 года, когда Михаил Горбачёв реабилитировал меня, полностью отменив свой указ о лишении меня званий, я был приглашен в прокуратуру СССР, к военному прокурору. Он мне показал моё следственное дело и сказал совершенно откровенно, даже со смехом, что ваш КГБ пытался выстроить дело, но ничего бы не получилось, хотя мы и были обязаны под их давлением завести дело.

Несколько позже меня пригласил последний генеральный прокурор СССР Трубин, который рассказал, как на него давил руководитель КГБ Крючков, требуя снятия иммунитета и предания меня суду. Тогда для меня это была драматическая страница жизни. Сегодня эти обвинения человека, который 12 лет не работает ни в каких органах, выглядят как фарс. Типичная история, которая, повторяясь дважды, превращается в фарс». Но после августа 1991 года Борис Ельцин вернул ему и звание, и награды. Уголовное дело было прекращено. Оп стал советником председателя КГБ Вадима Бакатина. И всё же в 1995 году уехал в США на работу по контракту с одной коммуникационной компанией.

Об этом Он говорит сегодня охотно: «В отличие от всяких перебежчиков я приехал в Америку добровольно. Я приехал не на заработки. В Москве я зарабатывал минимум 5 тысяч долларов в месяц. Финансовая сторона меня никогда не интересовала. Когда я приехал в Америку, зарплата у меня была на том же уровне. Меня очень активно использовали университеты, различные исследовательские центры, я являюсь консультантом Министерства энергетики, Министерства обороны

США, я профессор Центра по изучению проблем безопасности, я член совета директоров международного шпионского музея, который открывается в Вашингтоне в конце июня, читаю лекции. Моё положение здесь абсолютно прочное. Что касается экскурсий автобусных, то я здесь был одним из закопёрщиков этого дела и я на первых трёх-четырёх экскурсиях выступал в качестве гида для того, чтобы поднять планку интереса. Сами понимаете, с рекламной точки зрения гораздо интереснее, когда генерал КГБ рассказывает вам что-то. Это эпоха прошла, сейчас этим занимаются другие люди, я своё дело сделал. Некоторые мои коллеги в Москве писали — ну до чего же опустился Калугин, генерал стал гидом. Это советский менталитет, некое советское дворянство, выпестованное из рабоче-крестьянской среды. Я такой человек по природе, что мне не чужда никакая работа, если она мне нравится. Я общался с людьми, я им объяснял, я их просвещал, если хотите. Это мне доставляет удовольствие. В Америке любой труд уважаем, это надо приветствовать».

И действительно, армии безработных он не пополнил.

Кроме всего прочего, открыл свою консалтинговую компанию. По утверждению некоторых источников, заработал около 900 тысяч долларов исключительно на консультациях по вопросам разведки. Но и в Москве коммерсанты из-за бугра платили за Его рекомендации о целесообразности инвестиций в российские предприятия по 50 тысяч долларов и более. Так что Он по-прежнему «в шоколаде».

Он — это Олег Данилович Калугин. Родился 6 сентября 1934 года в Ленинграде в семье сотрудника НКВД—МГБ, который сначала охранял Большой дом (внутреннюю тюрьму), а потом работал в охране руководящих деятелей Ленинграда (1930—1955 гг.). Отец родился на Орловщине в многодетной крестьянской семье. Сначала грузил арбузы в Поволжье, служил в армии и только после демобилизации перебрался в Ленинград.

Мать Калугина была коренной ленинградкой (петербурженкой). Её род в начале XIX века переселился в имперскую столицу, а все предки были потомственными ткачами.

Несмотря на особую службу отца, бабушка крестила новорождённого в церкви.

В школьные годы Олег Данилович весьма преуспевал в литературе, истории, географии и английском языке. Любил слушать радио, интересовался музыкой.

Когда в 1948 году его отец купил радиоприёмник «Нева» с 19-метровым диапазоном, то он сразу же сделался заядлым слушателем русских передач Би-би-си.

Ещё одним его увлечением были походы в кино. Поскольку раз он ходил на «Джунгли», «Багдадского вора», «Джорджа из Динки-джаза», «Сестру его дворецкого» и т.д. Летние каникулы Калугин проводил в пионерских лагерях НКВД. Уже тогда он стал задумываться о своём будущем. Его привлекает карьера военного атташе или дипломата.

В 1952 году это время и наступило. Задним числом Олег Данилович будет рассказывать, что решения поступать в учебное заведение МТБ отец не одобрил. Однако именно отец помог ему поступить в Институт иностранных языков МТБ СССР в родном городе.

Там за нарушение распорядка дня, что по тем временам считалось грубым нарушением воинской дисциплины, Калугина могли однажды отчислить, но отличная учёба и авторитет отца спасли его от неприятностей. По этому случаю отца вызывали к начальнику Ленинградского управления госбезопасности.

Как вспоминает сам Олег Данилович, он «тяжело воспринял беседу с Мироновым. Полуграмотный, в пятьдесят лет вынужденный сдавать зачёты по марксизму-ленинизму в вечерней школе, он страстно хотел,

чтобы его дитя “вышло в люди”. Вместе с тем он с пониманием воспринял случившееся, просил лишь не спешить обзаводиться семьёй».

И всё же Калугин женился...

В 1955 году Олег Данилович попал на практику в Ленинградское управление и около двух недель в транспортном отделе изучал дела на Балтийское морское пароходство. Затем его командировали в Интернациональный клуб моряков, где он впервые столкнулся с живыми иностранными агентами КГБ.

После окончания института (с отличием) Калугина направили учиться в Высшую разведывательную школу № 101 КГБ СССР.

К слову сказать, отец Олега Даниловича этому событию радовался больше всех.

«Для отца моя предстоящая работа в разведке означала своеобразную моральную компенсацию за позорную пенсию в 78 рублей, которую ему назначили после четверти века службы в органах, — вспоминает генерал. — Он клял “усатого цыгана” Сталина и “деревенского грамотея” Хрущёва за свою нищенскую старость. По мнению отца, Сталин опозорил органы, а Хрущёв решил отыграться на них, прекратив выплату надбавки за офицерское звание. Это и привело к существенной разнице в пенсиях между теми, кто ушёл в отставку до 1954 года и после. С помощью бывших коллег отец вскоре устроился на работу в кемпинг для иностранных туристов, где за выполнение разовых поручений получал ежемесячно от КГБ по сто рублей».

В разведшколе Калугин обучается под фамилией Кедров. Здесь ему предлагают из англосаксонского мира переключиться в мусульманский, при этом английским предстоит заниматься факультативно... В институте в качестве второго он изучал немецкий язык и сдал его на «отлично»...

По окончании разведшколы с отличным дипломом Калугину предлагают отправиться на учёбу в США. После совета со специалистами из Первого (американского) отдела выбор пал на Ленинградский университет, где Олег Данилович выбрал из перечня дипломных работ филологического факультета ЛГУ приемлемую для себя, а через месяц с гражданским дипломом с отличием за подписью ректора ЛГУ имени Жданова он отправился в Первый отдел. Произошло это в августе 1958 года.

С первого дня работы в ПТУ его разместили в двухместном номере гостиницы «Пекин», половина которой принадлежала Хозяйственному управлению КГБ. Началась подготовка к поездке в Америку под руководством вернувшегося из США старшего оперуполномоченного В.

Косолапова.

«В звании старшего лейтенанта я был назначен на должность оперуполномоченного с окладом 170 рублей в месяц. Вместе с доплатами за “звёздочки”, выслугу лет (учёба включалась в общий стаж службы) и знание языка мой заработок составлял около 300 рублей. Всему офицерскому составу ежегодно выдавали компенсацию за обмундирование, составлявшую от 100 до 500 рублей. На отпуск полагалось около 100 рублей плюс бесплатный проезд до места отдыха и обратно», — напишет Калугин в своих мемуарах. Словом, жил он неплохо и без Америки.

Группа «студентов» из ПГУ, в которую попал Олег Данилович, была первопроходческой.

То есть эти «студенты» были первыми, выезжающими в Америку из СССР после войны.

И, как бы ни переживал нынешний американец, все случилось. Сначала был Копенгаген: «стерильная чистота помещений, броские витрины, море разноцветных огней», а через четырнадцать часов полёта через Атлантику из-под крыла Ту-104 неожиданно вынырнула и она самая... Америка!

О.Д. Калугин: «Нас разместили на 12-м этаже Джон Джей Холла — одного из нескольких общежитий на территории университета. Каждому выделили отдельную комнату с умывальником, положили на душу стипендию в 250 долларов. За обучение и общежитие платила американская сторона.

Первые дни пребывания в Америке были заполнены встречами и знакомствами как официальными, так и частного порядка. На факультете журналистики меня представили декану, профессору Эдварду Баррету, во время Второй мировой войны возглавлявшему службу новостей Управления стратегических служб, а позже работавшему помощником госсекретаря США по вопросам связи с общественностью. Доброжелательно корректный Баррет после краткой беседы передал меня на попечение Луиса Стара, под началом которого мне и пришлось состоять весь учебный год. Стар вёл класс, в котором наряду с американцами занимались и иностранцы. Я был единственным за всю историю современной американской журналистики советским гражданином, допущенным к занятиям в престижном, высоко котирующемся среди профессионалов учебном заведении).

По окончании учёбы (стажировки) в Колумбийском университете США Калугин работал в Комитете по радиовещанию, а затем снова был направлен КГБ в США в качестве второго, а затем — первого секретаря

советского посольства в Вашингтоне (работал заместителем резидента, затем резидентом по линии КГБ). В 1972 году вернулся в Москву.

В 1974 году возглавил Управление внешней контрразведки КГБ, то есть руководил борьбой с иностранным шпионажем против СССР. Присвоено звание «генерал-майор».

Капитан третьего ранга Николай Фёдорович Артамонов в 1957 году командовал новейшим миноносцем Балтийского флота «Сокрушительный». Корабль был признан лучшим в Военно-морском флоте СССР, а сам командир был награждён медалью «За боевые заслуги» и зачислен в академию на командный факультет. Документы на присвоение очередного воинского звания «капитан второго ранга» были уже отправлены.

Родившийся в семье корабеля Канонерского завода, Артамонов считался самоуверенным и крайне честолюбивым офицером. Он был женат на дочери адмирала А. Головки Наталье и, что называется, боготворил своего сына Николая. Все документы, характеризующие Николая Фёдоровича, были безупречны, и его однозначно ждала блестящая карьера. Если бы не одно «но»... Случилась, как говорится, «любовь зла»...

В польском портовом городе Гдыня Артамонов по воле судьбы познакомился с двадцатилетней девушкой Евой Гурой. Обыкновенный флирт превратился не более чем в скоротечный роман. Капитан третьего ранга влюбился в эту красивую польку, происходящую из очень религиозной семьи. Но, сами понимаете, о своих встречах распространяться ему не было никакого резона. О совместной жизни он и не думал. Поэтому на корабле об этом знали немногие, то есть очень ограниченный круг лиц. Под предлогом «рыбалки» Артамонов неоднократно отлучался вместе со своим подчиненным — неким старшим лейтенантом. Последний оставался ждать в назначенном месте, а сам командир на целый день или вечер, как получалось, уезжал с Евой в Варшаву или к ней домой.

Точно так же было и 7 июня 1957 года. Артамонов высадил старшего лейтенанта на берегу и вместе с любимой девушкой ушел на прогулку в море. Никаких личных вещей с ним не было, только немного еды, ружье и две гранаты.

Позже моторист, старшина 1-й статьи Попов расскажет, как они попали в сильный шторм, а утром, когда увидели берег, оказалось, что это Дания. Командир миноносца приказал старшине ни на какие вопросы не отвечать, а о себе мрачно произнёс: «Я влип».

Вскоре «западные голоса» сообщат свое видение этого события. Например, агентство ДПЛ подчеркнёт: «Старший офицер попросил у шведской полиции права на политическое убежище в связи с имевшими

место разногласиями с начальником в Польше».

«Визит флота в Копенгаген побудил у меня желание жить в демократической стране. Я сбежал бы и во время этого визита, но в последний момент решил остаться. После возвращения домой я планировал побег основательно и избрал Швецию вместо Дании», — якобы процитирует Артамонова журнал «Фолкет бильд».

Но он не собирался никуда бежать, а когда попал в наиподлейшую ситуацию, то, видимо, понял, что это как минимум конец его карьеры.

На четвертый день после случившегося Артамонов и Ева Гура получили политическое убежище. В Стокгольме шведские спецслужбы передали их резидентуре ЦРУ. Далее из Швеции ЦРУ переправило их в ФРГ, на свою базу во Франкфурт-на-Майне, где в течение месяца Николая Фёдоровича допрашивали о советском Военно-морском флоте.

Следующим этапом были переезд в США и предоставление там политического убежища.

В начале 60-х годов секретным специальным актом конгресса Артамонов и Ева Гура получили американское гражданство.

ЦРУ определило Артамонова на работу аналитиком в РУМО, в отдел, обрабатывающий разведывательную информацию по Военно-морскому и гражданскому флотам СССР. По контракту он также работает консультантом в советском отделе ЦРУ, выступает с лекциями перед советологами, в военных и гражданских учебных заведениях по проблемам обороноспособности СССР. Теперь он гражданин США Николас Шадрин.

Известно, что Артамонову было назначено денежное содержание, равное жалованью офицера его ранга ВМС США. Там он оформил брак с Евой, которая, имея специальность зубоврачебного техника, вела зубоврачебную практику на дому. В Америке Артамонов любил охотничье оружие, охотился на гусей и в деньгах не нуждался...

Ветеран российской разведки А.А. Соколов в ноябре 1966 года получил на связь завербованную весной агента Ларка. 20 ноября в девять часов вечера он вышел на первую встречу. «Ларк произвел на меня впечатление рассудительного, не очень разговорчивого, волевого человека, внимательного и спокойного собеседника, культурного в общении. Внешне это был красивый мужчина — темноволосый, с правильными чертами лица, высокого роста, крепкого телосложения. Курил трубку, иногда сигареты», — вспоминает Соколов. Ларк — это Шадрин, он же Артамонов...

За пять лет работы в Вашингтоне он провёл с Ларком более десяти личных встреч, а также множество тайниковых операций. Но уже через

несколько лет встречи и материалы дали ему основание прийти к однозначному выводу: «Ларк с первых же дней вел... двойную игру по заданию ЦРУ и ФБР». «Чтобы в дальнейшем не повторяться, отмечу весьма важный аспект в работе с ним, — уточняет А.А. Соколов. — Это тщательная подготовка к личным встречам. Много раз продумывал задание, отбирал наиболее важные в оперативном плане вопросы и, имея в виду, что встречи ограничены 30—40 минутами, продумывал, как их поставить перед ним, не показывая в отдельных случаях их важность для нас. Как правило, готовил пять-семь вопросов. Это было много, если учитывать и его информацию, которая также обсуждалась. Задание давалось на три-четыре месяца вперед, и многое нужно было предусмотреть. Считаю, что скрупулёзная подготовка к встречам позволила получить в итоге позитивные результаты — раскрыть его как подставу противника.

К 1968 году окончательно определились разведывательные возможности Ларка — конкретизировались направления его использования и стали ясны пределы доступа к секретным материалам РУМО и ЦРУ. Тщательно изучив переданные за эти годы материалы, я убедился, что они не наносят ущерба национальным интересам США. В связи с этим передо мной встали две задачи: активизировать его работу и одновременно провести глубокую проверку, установить, передает ли он все материалы, к которым имеет доступ, или что-то скрывает, опасаясь за свою безопасность или по другим причинам.

Начиная примерно с середины 1968 года у меня возникло и со временем усиливалось какое-то интуитивное чувство настороженности. На первых порах оно было вызвано некоторой медлительностью в разговорах, едва заметным раздумьем над моими вопросами и ответами на них. Иногда он мне казался не совсем искренним. Невольно я постоянно фиксировал в памяти выражение его лица, взгляд, манеру поведения в целом.

В соответствии с планом в 1969 году началась поэтапная проверка Ларка и одновременно активизация его работы.

...осенью 1970 года я сообщил, что за “честную и плодотворную работу” он восстановлен в звании капитана 3-го ранга и в дальнейшем очередные воинские звания будут присваиваться “в соответствии с действующими в Советской Армии сроками”. Также сказал, что в июне 1971 года после пятилетнего пребывания в США я возвращаюсь в Москву, Центр в интересах обеспечения безопасности принял решение о передаче его на связь нелегалу — советскому разведчику, проживающему в США под видом американского гражданина.

— Сотрудники легальной резидентуры встречаться с вами не будут, —

продолжал я, — в ходе отдельных контактов надлежит обсудить вопросы связи и знакомства с нелегалом. Перевод произойдёт через некоторое время после моего отъезда. До этого вам необходимо будет встретиться с работниками Центра для обсуждения деталей. Первая встреча назначена на апрель 1971 года в Монреале. Условия связи передам в марте месяце...

К концу 1970 года сложилась ситуация, из которой стало понятно, что ЦРУ, передавая через него некоторые данные, пыталось определить — верим ли мы ему или ведём свою игру. Если мы полностью доверяли Ларку, то должны были проводить по его информации оперативные мероприятия, которые ЦРУ с помощью ФБР в любом случае зафиксировало бы. Такую цель, вполне очевидно, преследовало и его сообщение о конспиративной квартире в Вашингтоне: американцы осознавали, что мы попытаемся через него поставить там технику подслушивания, если, конечно, доверяем ему. Мы “пошли им навстречу”, продолжая начавшуюся игру до конца.

До моего отъезда оставалось закончить мероприятие по “установке” подслушивающей техники на этой квартире... В июне 1971 года на флагмане нашего пассажирского флота, теплоходе “Александр Пушкин” я с семьёй отбыл го Монреалья домой. Больше с Парком я не встречался».

«До конца 1975 года события с Ларком внешне развивались по намеченному КГБ плану, — продолжает свой рассказ А.А. Соколов. — Советская разведка не могла предположить, что уже в июне 1971 года ЦРУ получило достоверные данные о том, что Ларк раскрыт нами как двойной агент и запланирована операция по его захвату и выводу в Советский Союз. Но, как выяснилось значительно позже, ЦРУ решило не прерывать операции по выводу и использовать её в своих далеко идущих целях. Хотя в некоторых американских печатных изданиях о Ларке говорится, что первые два три года после моего отъезда в СССР ЦРУ и ФБР стали терять надежду на то, что советская разведка продолжит с ним работу. Но это не так. Дело Ларка продолжалось.

После того как Калугина назначили в марте 1973 года начальником Службы внешней контрразведки ПТУ, он заинтересовался делом Ларка и руководил всеми операциями по нему вплоть до 1975 года. О деле знал ограниченный круг работников, и оно считалось весьма засекреченным.

В середине 1975 года под руководством Калугина началась проработка операции по захвату Ларка в Вене, которая намечалась на 20 декабря. В этот приезд планировалось провести с ним три встречи под предлогом обучения работе на новом радиопередатчике, передачи условий связи, а на последней встрече — личное “знакомство” с нелегалом. Исходили из того, что он прибудет в сопровождении сотрудников ЦРУ, которые будут обеспечивать его безопасность, каким-то образом контролируя встречи. Предполагалось, что на последней встрече Ларку предложат поехать на машине в другой район Вены для знакомства с нелегалом и проведут его физический захват с применением хлороформа. После усыпления в этой же машине доставят в условленное место на границе с Чехословакией и передадут оперативной группе ПТУ, специально направленной для этой цели из Москвы. Под видом нелегала выступит сотрудник Центра».

Кроме того, весной 1971 года на встречу с Ларком в Монреале Центром был направлен помощник начальника Службы внешней контрразведки ПГУ Б. Копейко, заместителем которого более года был Калугин. При этом делом Ларка он не занимался. Но в начале 1971 года за несколько месяцев до отъезда из США Соколова по дипломатической почте в резидентуру пришло личное письмо от Калугина: «...Я узнал, что “твой” оказался сволочью. Согласен с твоими выводами. Не дрейфь. Помнишь, как

работал я?»

А в середине июня 1971 года А.А. Соколову пришлось ещё раз узнать о Ларке от Калугина, неожиданно встретившегося ему на причале в Хельсинки. Они вкратце обменялись один на один мнениями о перспективах вывода Ларка. Калугину правилась идея с нелегалом, и он пояснил, что руководство разведки весьма заинтересовано в успехе операции.

Как сообщает А.А. Соколов, «во время обсуждения различных вариантов использования усыпляющих препаратов Калугин настаивал на применении более сильного, чем хлороформ, средства. Несмотря на то что медицинские работники, с которыми обсуждался этот вопрос, считали хлороформ вполне достаточным, все-таки решили, что при необходимости можно будет использовать и более эффективное средство.

Общее руководство операцией осуществлял из Праги заместитель начальника разведки контр-адмирал Михаил Усатов. Он также координировал все действия с чехословацкими органами госбезопасности и венской резидентурой КГБ. Калугин обеспечивал приём Ларка на границе с Чехословакией и доставку его в Москву. В его группе находилась врач-терапевт медицинского отделения ПГУ Татьяна...»

Во время прибытия Ларка на третью встречу с «нелегалом» ему было предложено сесть в машину, на заднем сиденье которой находился мужчина крупной комплекции. Этот незнакомец; незаметно вынул салфетку с хлороформом и неожиданно набросил на лицо Ларка. Тот какое-то мгновение пытался оказать сопротивление, но постепенно затих, потеряв сознание. А машина тем временем направилась к австро-венгерской границе.

А.А. Соколов: «Группа Калугина, с нетерпением ожидавшая появления машины с Ларком, наконец вдалеке увидела свет приближавшихся фар. По непонятным причинам машина остановилась примерно в трехстах метрах от чехословацкой границы, отчётливо послышалась русская речь.

Когда Калугин и другие подошли к машине, то увидели, что она застряла на обочине дороги. Калугину доложили, что захват Ларка прошёл удачно. Тот пришёл в сознание, вёл себя спокойно, постоянно повторял: «Зачем вы всё это делаете?» Настроение у него было подавленное, но физическое состояние вполне нормальное, помощь врача не требовалась. Вес занялись обсуждением вариантов, как скорее вытолкнуть машину на дорогу и на привлечение внимания посторонних. Стали искать вблизи что-либо схожее с бревном с тем, чтобы, используя его как рычаг, освободить машину. Минут через десять Калугин, делая вид, что хочет проверить»

поведение Ларка, подошел к машине, достал свое более сильное, чем хлороформ, спецсредство, открыл заднюю дверцу и набросил салфетку на лицо спокойно сидевшего Ларка. Тот сразу потерял сознание. Калугин столкнул его с сиденья на железный пол машины и ушел. Позднее он объяснил работникам и затем в Центре, что, заметив, как Ларк якобы пытался выбраться из машины, решил его снова усыпить, применив свое спецсредство.

Прошло полчаса, прежде чем стало понятно, что машину не вытащить ещё какое-то время. Нужно было торопиться. Решили переправить Ларка на чехословацкую сторону. Все подошли к машине и стали его вытаскивать. Он находился без сознания, тяжело и с хрипом дышал, еле слышно стонал. Носилок не было, пришлось нести его на руках. Но это оказалось не просто. Ларк весил свыше ста килограммов. Тогда кто-то вынул из багажника случайно оказавшийся там кусок брезента, Ларка положили на него и волоком потащили к границе. Примерно на половине пути остановились и решили подогнать легковую машину с чехословацкой стороны. С трудом затащили в нее Ларка, всё ещё находившегося без сознания, и положили на железный пол.

В машину набилось шесть человек, в том числе и доктор Татьяна. В дороге она несколько раз предлагала остановиться и осмотреть Ларка и при необходимости ввести лекарство. В том числе снимающее действие хлороформа, но когда Калугин разрешил это сделать, было уже поздно. Остановились только примерно через час и увидели, что Ларк мёртв.

Такой поворот дела не предвещал ничего хорошего для большинства присутствующих: у них был приказ доставить Ларка в Москву живым и невредимым. Доктор стала массировать ему грудь, сделала укол, по совету Калугина разжали челюсти и пытались, как последнее средство, влить коньяк. Но все попытки реанимировать Ларка оказались тщетными. Пришлось везти труп в Прагу...

Согласно медицинскому заключению, Ларк скончался от сердечной недостаточности, наступившей вследствие передозировки наркотического средства. При вскрытии обнаружили, что у Артамонова был ещё и рак печени в довольно запущенной стадии, так что жить ему оставалось, по оценке врачей, максимум полгода...

Передозировка наркотика произошла из-за сильнодействующего средства, примененного Калугиным без каких-либо оснований. Как говорили очевидцы, после выхода из-под наркоза Ларк был не в силах совершить хоть какие-либо действия для побега. Калугин при вторичном усыплении, как можно предположить, преследовал цель убрать Ларка. Тот

был нужен ему мёртвым...»

В своих воспоминаниях О. Калугин достаточно подробно рассказал свою версию гибели Ларка. Однако он преднамеренно исказил суть происшедшего...

«Приманка сработала. В декабре 1975 года “Ларк” прибыл в Австрию с женой якобы в отпуск для катания на горных лыжах. В течение двух дней его знакомили с основными приёмами работы на радиопередатчике, на третий — обещали встречу с нелегалом. Когда он вышел на обусловленное место в машине, ему набросили на лицо маску с хлороформом, сделали усыпляющий укол для гарантии и повезли в сторону чехословацкой границы. Там его перетащили на свою территорию, но обнаружили, что он, не выдержав стресса, скончался от острой сердечной недостаточности. Смерть констатировал словацкий врач, которого мы пригласили через пограничников, а позже в Москве, когда труп был доставлен на спецсамолёте КГБ, начальник 4-го Главного управления Минздрава СССР Е. Чазов подтвердил первоначальный диагноз. При вскрытии оказалось, что у “Ларка” развивался рак почки и жить ему оставалось недолго. Похоронили его под латышской фамилией на одном из московских кладбищ», — пишет Олег Данилович.

Правда, почему-то соврал он и о могиле Ларка. Ведь на самом деле его безымянно кремировали, а прах из морга никто не забирал!

Но продолжим... «Неожиданная кончина “Ларка”, из которого мы надеялись вытрясти полезную информацию о местонахождении других предателей, смешала наши карты. Не предвидя такого финала, мы строили планы обработки “Ларка”, с тем чтобы позже выставить его на международной пресс-конференции с покаянием и рассказом о чудовищных провокациях, организуемых ЦРУ. Теперь всё прошло прахом, и мы несколько приуныли.

Но Москва недолго горевала о происшедшем. Через пару месяцев, когда шум немного улётся, Крючков пригласил меня и без предисловий, в лоб спросил: “Какой вам дать орден — Октябрьской революции или боевое Красное Знамя?” Я растерянно замолчал, не зная, как реагировать. “Ну что же вы стесняетесь, какой вам больше нравится? Я уже договорился с Андроповым. Выбор за вами”. Я промямлил, что дело руководства решать, что я заслужил.

Крючков махнул рукой. Последовавшим вскоре Указом Президиума

Верховного Совета СССР я был награждён орденом Красного Знамени...»

Александр Александрович Соколов, проанализировав те оперативные дела, которые Калугин описал в своей книге «Первое главное управление», вышедшей в Нью-Йорке в 1994 году, убеждён, что тот сам предложил свои услуги ФБР ещё в 1958 или в 1959 годах в Нью-Йорке, будучи офицером советской разведки под «крышей» студента-стажёра Колумбийского университета, обучающегося по программе культурного обмена между СССР и США. С этого времени он и действовал как шпион против своего Отечества.

Во время той самой стажировки в Колумбийском университете с молодым Калугиным познакомился Анатолий Котлобай, эмигрант с Украины, во время войны добровольно уехавший в Германию, затем в США. На тот момент он работал в одной из химических корпораций над созданием твердого ракетного топлива. Встреча, как выясняется теперь, была неслучайной. Центр даст разрешение на вербовку Котлобая и тут же включает в агентурную сеть, присвоив псевдоним Кук. А на следующей встрече Кук передает Калугину подробное описание технологии изготовления твердого ракетного топлива, да еще в придачу с образцом и с детальным анализом состояния советской химической промышленности.

Калугин за эту вербовку получает орден «Знак Почета», а его карьера стремительно идёт вверх. Вот только в будущем ущерб от «работы» Кука составит более 60 миллионов тех настоящих рублей, а ученые, получившие эту информацию, зайдут в тупик.

На КГБ Кук «работал» до 1964 года, после чего «бежит» в Москву (якобы попав под расследование ФБР, он тайно вылетел в Париж, не поставив резидентуру в известность, нарушив все писанные правила), где ему предоставляют квартиру и дают работу сначала на одном из химических заводов, а потом из-за череды конфликтов с дирекцией в Институте мировой экономики и международных отношений.

Также выяснится, что перед «спасением от ареста и побегом» Кук продаст квартиру, переправляет в Москву особо ценные вещи и картины. Снимает со счетов все свои накопления... И еще... подозрение Кука как двойного агента подтвердится не единожды.

Во-первых, в самые первые его донесения была включена хорошо подготовленная дезинформация. Во-вторых, в 1978 году Московское управление заводит на него дело по обвинению в валютных операциях.

Калугин, возглавив контрразведку во внешней разведке и используя своё высокое положение, пытался вытащить его оттуда. Его же активность в этом деле не была не замечена. В-третьих, председатель КГБ Андропов,

ознакомившийся с выводами по Куку, поручает допрос именно Калугину, который в самом его начале сделал знак — «Ничего не говори о нас, я с тобой». Это было зафиксировано системой видеонаблюдения, установленной в камере в Лефортове.

К сожалению, получить доказательства о принадлежности Кука к агентуре ЦРУ в процессе следствия не удалось. А с поличным его взяли при продаже привезенной им из США картины Кандинского. Он обменивал доллары на рубли на «черном рынке», за что в итоге и был осужден.

В-четвертых, Кука могли выводить в Москву исключительно для прикрытия Калугина.

«Калугин где-то в 1958 году, — пишет А.А. Соколов, — обратился по собственной инициативе в нью-йоркский контрразведывательный отдел ФБР и предложил стать его агентом, выдав, естественно, всю известную ему информацию о нью-йоркской резидентуре и Центре. Для быстрой карьеры в советской разведке ему нужны оперативные достижения».

Как считает Александр Александрович, с одной стороны, «Олег Данилович Калугин — личность не совсем ординарная. Действительно, заняв в 1970 году в возрасте тридцати пяти лет должность заместителя начальника Службы внешней контрразведки ПГУ, а в 1973 году став уже ее начальником, он оказался самым молодым руководителем в советской внешней разведке.

До этого около десяти лет Калугин довольно активно работал в США по линии ПР — политической разведки. Свободное владение английским языком и другие личные качества позволяли ему легко налаживать контакты в журналистских кругах, среди дипломатов третьих стран, американцев различного социального положения, подчас не брезгуя и сомнительными личностями, в том числе женского пола. Несомненно, он хорошо знал Америку, обладал способностью вживания в незнакомую среду. Все это позволяло получать интересующую советскую разведку политическую информацию».

С другой, «Калугин... занимаясь политической разведкой, не имел опыта контрразведывательной работы ни на территории Союза, ни за границей. В силу этого для многих профессионалов было очевидно, что он вряд ли сможет успешно руководить такой специфической службой...»

Более того, «реальная жизнь подтвердила справедливость подобного мнения. В период работы Калугина начальником Управления «К» не было вскрыто ни одного агента главного противника — американских спецслужб, если не считать сомнительного дела сотрудника МИД СССР Александра Огородника, американского агента, известного в СМИ под

кличкой “Трианон” или “Тритон”. Зато имели место провалы ценной агентуры, неоправданные срывы вербовок сотрудников ЦРУ, предательства некоторых оперативных работников ПГУ, ряд разработок по шпионажу велись по ложному пути. Агентурный аппарат Управления пополнялся в основном за счёт вербовок источников в третьих странах.

После отстранения к концу 1979 года Калугина от работы во внешней контрразведке и в ПГУ в целом, уже с начала 80-х годов стала постепенно вскрываться обширная агентурная сеть иностранных разведок в Советском Союзе. Были разоблачены многие десятки западных агентов, в том числе и среди сотрудников наших спецслужб, завербованных от года и до тридцати лет. Многие из них продолжали действовать, некоторые находились на пенсии, другие полностью деградировали или ушли из жизни».

В книге «Первое Главное управление» Калугин сам говорит про вербовку Кука: «Это было моё единственное и самое удачное вербовочное мероприятие за всё время работы в ПГУ».

А вот мнение А.А. Соколова: «Действительно, в книге, являющейся фактически воспоминаниями о тридцати двух годах работы Калугина в КГБ, он не указывает ни одной вербовки агента — их не было у него ни на территории Союза, ни за границей».

Таким образом, только в 1979 году для руководства КГБ и ПГУ стало ясно, что Калугин — агент американской разведки!

В том же 1979 году сорокапятилетний генерал был приглашен Крючковым на площадь Дзержинского на разбор комиссии под председательством зама по кадрам Лежепёкова.

Разбиралась ситуация, произошедшая в сауне с молодыми женщинами, где Калугин хвастался своими знаниями кремлёвской жизни и политики, а также критически отзывался о Брежневле и других.

И если за сауну Калугина «пожурили», то не обошлось и без вопросов по Куку. Тогда от него хотели добиться хотя бы устного согласия, что Кук мог быть агентом спецслужб США и, возможно, был ими подставлен...

Ответы Калугина тогда были односложными и несуразными. Они больше всего возмутили начальника московского Управления КГБ генерала Алидина. Возникла перебранка.

В итоге Калугина после отпуска переводят на работу в ленинградское Управление КГБ. Предлог был один — сауна и пятно на честь мундира. Главная инициатива исходила от самого Андропова. Калугина было необходимо убрать из Москвы. В Ленинграде он должен был находиться под наблюдением и уже не имел допуска к основным функциональным отделам: разведывательному и контрразведывательному.

В Ленинграде у Калугина сразу же начались проблемы с начальником управления генерал-полковником Носыревым. Новый начальник обвинил Калугина в несанкционированных поездках в Москву и в самовольном занятии конспиративной квартиры для проживания.

А.А. Соколов отмечает и такой факт: «Генеральным консулом США в Ленинграде в 1984 году был установленный разведчик — сотрудник советского отдела ЦРУ Майкл Гривский, данные на которого наша разведка получила в 1975 году и информировала об этом контрразведку. Однако американский отдел контрразведки в Москве об этом не знал, и поэтому Гривского как разведчика в Ленинграде не разрабатывали, что крайне негативно сказывалось на результатах. Калугину Гривский был известен, и, скорее всего, именно он поддерживал связь с ним в Ленинграде. Конспиративный вылет Калугина вместе со своей любовницей на Канарские острова стал известен лишь спустя несколько месяцев...»

Карьера закатывалась. В 1982 году Калугина вызвали в Москву и объявили, что летом следующего года он будет направлен на краткосрочные курсы для руководящего состава.

А за неделю до окончания курсов в кадрах ему неожиданно предложили перейти на преподавательскую работу в Высшую школу КГБ. Это уже был конец.

Тем не менее он ещё побездельничал в Ленинграде, а в разгар перестройки встал на путь борьбы с КГБ. Борцом, как и предателем, он оказался весьма значимым.

Именно тогда Олег Данилович сказал себе: «— Достаточно, с меня хватит. КГБ не верит в мою преданность и продолжает следить за мной. Ничего меня не остановит...»

26 февраля 1990 года он был уволен на пенсию. Началась совершенно другая жизнь.

Его выступления «заметно оживили общественную дискуссию» о роли КГБ, потому что генерал КГБ обвинил своих коллег в узурпации полномочий конституционной власти.

И борьба возымела свою цель: 3 сентября 1991 года Калугин был назначен консультантом к новому председателю КГБ В.В. Бакатину. К тому самому, который провозгласил целью своей деятельности «изживаете чекизма». У него даже что-то получилось, не без помощи Олега Даниловича. Словом, он вовремя пригодился тогда и новой власти, ставшей на путь демократии... Если бы не августовские события 1991 года, арест Калугина был бы неизбежен. Именно «демократы» и защитили его от тюрьмы...

Следует отметить, что в своей борьбе Калугин зашел слишком далеко. В порыве ли гнева или по каким другим причинам он перешел ту самую грань, разделяющую критику от предательства. Но если он был предателем раньше, то тогда всё становится на свои места.

В своей книге, вышедшей в Нью-Йорке в 1994 году, он рассказывает о работе разведки КГБ, и по «странному стечению обстоятельств» в 1997 году за работу на Советский Союз осуждают бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности США Роберта Стефана Липку. На суде в качестве доказательств зачитываются фрагменты из этой самой книги.

Там же есть и еще некоторые персоны. Естественно, все агенты: «посол Норвегии в Вашингтоне», «старший дипломат посольства западноевропейской страны», «женщина-архивист посольства крупной европейской страны», «посол крупной арабской страны».

В книге Калугин упоминает «настоятеля прихода в Мюнхене и его друга из американской разведки».

А ведь фамилии и установочные данные работников спецслужб отнесены законодательством РФ к сведениям, составляющим государственную тайну и не подлежащим разглашению. Исключение составляют только официально представленные общественности сотрудники.

Говорят, даже ветераны ЦРУ США выступили против предоставления американского гражданства человеку, предавшему своих значимых агентов.

Как-то бывший заместитель начальника ПГУ Б.А. Соломатин по поводу Калугина саркастически заметил: «Вот и у нас появилась новая категория людей — “предатель в законе”...»

Кстати сказать, именно Соломатин сделал для Калугина немало. Обратимся к книге Соколова, чтобы понять суть этой дружбы.

«Соломатин, будучи по характеру человеком довольно сложным, малопредсказуемым, подчас излишне жестким и даже грубым с подчинёнными, нередко допускал в отношении Калугина различного рода унижительные высказывания. Но Калугин никогда не мог себе позволить как-либо этому воспрепятствовать, хотя бы обидеться или показать свое несогласие. Он также никогда не обсуждал с кем-либо поведение Соломатина. За всё время довольно близких моих отношений с Калугиным он лишь один раз рассказал мне, как однажды Соломатин пригласил его с семьёй в гости, но дверь не открыл и в квартиру не пустил. Калугин рассказывал об этом без всякого возмущения. Отношение Калугина к Соломатину в Вашингтоне я всегда характеризовал одним словом: пресмыкание. Оно очень точно определяло полное и безмолвное согласие Калугина на унижение Соломатиным. Как ни странно, но с Вашингтона началась их долголетняя дружба. Сущность Калугина, как безропотного слуги хозяина, отчётливо просматривалась в их отношениях. Соломатин, конечно, не понимал истинных причин пресмыкания перед ним Калугина и, вероятно, воспринимал его безропотное поведение как проявление достойного для себя уважения.

Однако надо отдать должное Калугину — ему это нужно было, и он сумел в определённой мере сохранить свое лицо среди многих, хотя и далеко не всех, сотрудников резидентуры.

Во-первых, все понимали, что с резидентом шутки плохи и обострение отношений ни к чему хорошему не приведёт. При этом резидент искренне требовал профессиональной работы, и критика, пусть подчас и излишне жестокая, воспринималась многими сотрудниками без обиды...

Были недочёты и у Калугина. Все видели, что он значительно больше других проводил время в кабинете резидента, неизмеримо больше получил замечаний, в том числе и за других, и больше других их терпел.

Во-вторых, Калугин, заместитель резидента, редко выступал перед оперативными работниками линии ПР как их начальник.

Даже исполняя обязанности резидента во время длительного нахождения Соломатина в Москве в 1968 году, вёл себя как первый среди равных, редко допуская в адрес оперативного состава начальственного тона, всегда оставаясь ровным в поведении, выслушивал мнение другого. При этом никогда не противопоставлял себя Соломатину».

Именно по рекомендации Соломатина, ставшего заместителем руководителя разведки, в феврале 1970 года Калугин назначается заместителем начальника Службы внешней контрразведки ПГУ!

И здесь все понятно. Обычные взаимоотношения в системе, где ради карьеры можно было пойти на очень многое. Ведь дорога наверх, к глубокому сожалению, открывалась и открывается не всегда самым лучшим людям. Потому что карьера невозможна без карьеризма, а карьеризм — это не самые нравственные методы для достижения цели.

Тогда почему Калугина не смогли вычислить как шпиона, если он таковым был?

Либо он переиграл всю систему в целом один, и грош ей тогда цена. Либо он никогда не был предателем, а все версии не более чем высосанные из пальца предположения.

Можно допустить, что предателем Калугин стал позже, моща начал борьбу с системой и когда написал книгу... Ведь ни при Андропове, ни при Крючкове его вина так и не была доказана. Есть только приговор Мосгорсуда от 26 июня 2002 года.

В своих мемуарах генерал армии Крючков напишет: «Лишь в на чале 80-х годов ценой огромных усилий советской разведке удалось выйти на обширную агентурную сеть в Советском Союзе, получить не только косвенные данные, но и конкретные имена. Речь идет о разоблачении десятков агентов западных спецслужб, вербовка которых состоялась в разнос время — от одною гола до тридцати лет назад». Но Калугина тогда так и не смогли разоблачить. Почему?

Уже достаточно давно проживая в Америке, Олег Данилович никогда не имел желания возвращаться в Россию, даже в отпуск. «У меня желание жить без клеветы, без поношений, — говорит он. — Я нашел такую жизнь в Америке. Зачем мне на 68-м году ехать в страну, где меня оплевали и унизили!»

Сегодня в своих многочисленных интервью Калугин утверждает; что не изменял родине.

А моща его спрашивают: у вас не возникает желания покаяться?

— В смысле — в церкви? — переспрашивает он.

— Нет; по-человечески — перед теми, с кем, так сказать,

пересекались...

— Бывает; точит червь сомнения — а может; я где-то ошибся, поступил несправедливо. Конечно, моя жизнь не безупречна, кому-то я причинил, может быть, даже и зло. Но чтобы вот так, конкретно — мешает гордыня...

А ведь гордыня — самый большой грех на земле!

ИСТОЧНИКИ

1. Бройдо А. АиФ. «Долгожитель» № 8 (20), 17 апреля 2003 г.
2. Бузукашвили М. «Чайка» № 18,19 апреля 2002 г.
3. Вернидуб А. Интернет: Газета. Ру, 26 июня 2002 г.
4. Взгляд с Лубянки: «Дело» бывшего генерала КГБ. М., 1990.
5. Википедия. Интернет: Калугин Олег Данилович.
6. Зорин Я. Время новостей, 7 августа 2003 г.
7. Калугин О. Первое главное управление. Нью-Йорк, 1994.
8. Калугин О. Прощай, Лубянка! М., 1995.
9. Коваль В. Интернет: Два лица Олега Калугина.
10. Крючков В. Личное дело. Ч. 1—2. М., 1997.
11. Лекарев С. «Аргументы недели» № 28, 2009 г.
12. Максимов О. Интернет: За кулисами истории «Олег Калугин».
13. Малёванный В. Независимая газета, 12 апреля 2002 г.
14. Рубникович О., Гинопман В. «Газета», 7 августа 2003 г.
15. Сидоров Д., Зыгарь М. «Коммерсант», 7 августа 2003 г.
16. Соколов А. Анатомия предательства. М., 2005.

УГОНЩИКИ МИГОВ

Внешне они, безусловно, не похожи. Но в их жизни много схожего. По крайней мере, один повторил то, что сделал первый. Почти через тринадцать лет... 1976-й и 1989-й годы.

Виктору на тот момент было 29 лет. Александру — 28.

Оба окончили Армавирское высшее военное авиационное Краснознаменное училище лётчиков. Виктор в 1971-м, а Александр в 1982-м.

Один «ушёл» в воинском звании «старший лейтенант», так и не дождавшись очередного звания — «капитан». Другой «ушёл» в воинском звании «капитан».

Виктор угнал МиГ-25, а Александр МиГ-29, при этом каждый тип МиГа считался суперсовременным советским истребителем на момент угона.

У обоих на службе сложились конфликтные ситуации. И Виктор, и Александр были недовольны своей карьерой. Оба считали, что способны на большее...

И у Виктора, и у Александра на Западе вышли книги. Оба заработали... И на книгах тоже.

6 сентября 1976 года старший лейтенант Виктор Иванович Беленко, старший лётчик 513-го истребительного авиационного полка 11-й Отдельной армии ПВО в 6 часов 45 минут вылетел с аэродрома Соколовка (190 километров от Владивостока) Приморского края... на суперсовременном по тем временам истребителе МиГ-25.

Вполне обычный полёт, вполне обычное задание на выполнение полётного упражнения по курсу боевой подготовки истребительной авиации...

Задание он должен был выполнять в зоне восточнее аэродрома без выхода к морю. Буквально на девятой минуте с ним прекращается радиосвязь, а затем прерывается и радиолокационный контроль. То есть проходят какие-то минуты после взлета, и руководитель ближней зоны докладывает руководителю полетов о том, что с экрана пропала метка от самолета с позывным... под которым значился Беленко. На запросы руководителя он не отвечает. В эфире жуткая тишина, квитанции нет...

В 7 часов 11 минут радиолокационная станция ПВО над морем, в 130 километрах от береговой черты, на высоте четырёх тысяч метров зафиксировала неопознанную цель, уходящую в сторону японских островов...

Как вспоминает однополчанин В. Беленко Виктор Подмолоты, «... подходим к курилке. Входит полковник А. Чернышёв (старший лётчик-инспектор в/ч 25954). Внимательно обводя взглядом собравшихся в курилке лётчиков и делая короткие паузы, начал говорить:

— Вчера Беленко улетел в Японию и попросил политического убежища у США. Наши РЛС, расположенные на побережье, осуществляли его проводку как неопознанной цели. До удаления 120 км от береговой черты он летел на высоте 100 метров, а затем, перейдя в набор, занял высоту 6000 метров. Полёт осуществлял в направлении американской авиабазы “Титосе”. На подлете к ней, примерно в 60 км до неё, был встречен поднятыми на его перехват двумя дежурными истребителями. Заметив их и боясь оказаться сбитым, он снизился на малую высоту и ушел на юг. Заметив по курсу полета аэродром, произвел на нём посадку. Этот аэродром — гражданский аэропорт в городе Хакодате с длиной посадочной полосы 1400 метров. Посадку осуществил с большим перелетом и по этой причине выкатился за ее пределы...»

Погода в тот день была следующей: слоисто-кучевая облачность, 6—7 баллов, нижняя кромка — 1,5—2 тысячи метров...

Именно воспользовавшись облачностью, Беленко, то маневрируя, то включая форсажный режим, смог оторваться от нары японских истребителей, когда те вышли на перехват неопознанной цели. И все-таки сбившись с курса, он начал самостоятельно снижаться, оказавшись на южной оконечности острова, пока не вывалился из облаков на высоте 250 метров. Топливо было на исходе, поэтому Беленко принимает решение садиться. Первый попавшийся аэродром оказался гражданским Хакодате. Правым разворотом на 260 градусов летчик выходит к взлетно-посадочной полосе (ВПП), как вдруг навстречу ему отрывается от ВПП Боинг-727. Он бросает машину в крутой вираж, освобождая путь лайнеру, а сам, спикировав под острым углом, касается полосы на скорости 360 км/ч и несется к ее дальнему краю. Ее, естественно, не хватает, и после выпуска тормозного парашюта он резко начинает тормозить. При этом МиГ вибрировал так, что казалось, он вот-вот развалится на части. Задымились покрышки, но самолет не останавливался. Выскочив за северную границу аэропорта, МиГ сносит мачту освещения, пропахивает 250 метров по траве и наконец, едва не ударив огромную антенну, останавливается в 300 метрах от края ВПП...

Стоит лишь отметить, что уже в момент захода на посадку стрелка, показывающая наличие топлива, находилась фактически на нуле. Беленко внимательно прислушивался к звуку двигателя, чтобы в любой момент его выключить, а самолёт направить между двумя зданиями, которые он присмотрел. Сам он тогда бы катапультировался. Но, как окажется позже, горючего в баках МиГа осталось всего на 20—30 секунд. Значит, у него возможным был только один заход. При этом катапультированное кресло, как оказалось впоследствии, было заблокировано.

С 19 на 20 мая 1989 года старший летчик 176-го гвардейского истребительного авиационного полка капитан Александр Михайлович Зуев заступил дежурным по приему и выпуску самолетов на аэродроме Миха-Цхакая (Грузия). На дежурстве он торжественно объявил, что его жена родила сына, а так как в дежурном звене (дз) нельзя ни грамма, то предложил отпраздновать это событие первоначально весьма вкусным и лично испеченным тортом. За ужином в дежурном звене он самостоятельно разрезал его и буквально каждому, кто находился с ним, преподнес по кусочку. Лишь троим соблазнительного угощения не досталось.

Один стоял в это время на посту, другого попросту не было, а третий — командир эскадрильи — готовил документы к предстоящим полётам в штабе эскадрильи.

Так как торт был начинен большой дозой снотворного, то через определенное время оно сработало, и практически вся дежурная смена была нейтрализована (утром следующего дня все семь человек будут доставлены в госпиталь в тяжелом состоянии).

А тем временем Зуев перерезает кабели сигнализации и связи. Остается дело за малым: залезть в кабину МиГа. Но истребитель на стоянке охраняет часовой. Часовой, как и положено, не подпускает его. Уговоры бесполезны. Тогда Александр отходит на безопасное расстояние и нервно ожидает смены.

В это время механик, заступающий на пост, обнаруживает спящих и, не предполагая, что что-то случилось, отправляется туда без оружия. Сославшись на происшедшее, он все же каким-то образом объясняет, почему он пришёл без автомата, и забирает его у своего товарища.

После этого Зуев предпринимает вторую попытку подойти к самолёту. Время явно поджимает, и он уже действует абсолютно решительно. Шёл шестой час утра...

Новый часовой хорошо знал капитана и поэтому в нарушение всех документов подпустил его слишком близко. Зуев хватается за автомат, но техник оказывает сопротивление. Начинается рукопашная, в которой капитан тратил свое драгоценное время. Тогда он выхватывает табельный пистолет, стреляет в сержанта и бросается к самолёту. Раненый часовой успевает пустить по нему длинную очередь. Теперь в руку ранен и Зуев. Но он продолжает идти к своей цели. Снимает заглушки с воздухозаборников,

убирает колодки, сдергивает чехлы с фонаря и запускает двигатели.

Он знает, что в дежурном звене самолёты полностью заправлены и находятся в полной готовности к вылету. Александр взлетает и, выполнив разворот, несётся вдоль стоящих под ним истребителей. Он собирается расстрелять все самолёты дежурного звена. Ведь его могут догнать. Но пушка предательски молчит. Оказывается, он отключил только первую блокировку, в суматохе забыв про вторую. Теперь поздно... Вдруг Зуев с ужасом видит, как по взлётной полосе бежит самолёт командира эскадрильи, и тогда он включает форсаж и уходит в сторону моря... Свою посадку Зуев совершал уже на турецком аэродроме Трабзон.

Виктор родился 15 февраля 1947 года в городе Нальчике в рабочей семье. Когда ему исполнилось два года, родители развелись. Сначала он воспитывался у родственников, а потом и у отца с мачехой. В 1965 году окончил с серебряной медалью школу. Работал на предприятиях Омска и одновременно занимался в аэроклубе ДОСААФ. Потом поступил в мединститут.

Те, кто знал Виктора по гражданке, говорили о нем как об очень необычном человеке.

Привыкший к частой смене мест (жил и на Северном Кавказе, в Донбассе, на Алтае и на Кубани и т.д.), он всегда учился практически отлично. Но его всё время тянуло на всякие проделки или приключения. Например, во время ремонта в школе он самостоятельно переключил водопровод так, что в кабинете у директора шла только одна горячая вода. То в сумку учительницы по зоологии положил живого ужа, и та убежала со страха из класса.

Во время хороших занятий умышленно путал ноты, чтобы его выгнали. И спокойно шел играть в хоккей. Когда в институте Виктор поехал на уборочную, то отличился и там. На веялке он работал по 10—12 часов, получив прозвище «железного коня». Там же слыл хорошим поваром и мог приготовить «суп из топора».

Совсем другим человеком запомнился Беленко лётчику-инструктору омичке Надежде Алексеевне Вельской. Впервые она увидела его в 1965 году, когда юноша приехал в Омск из Казахстана. Оказывается, из пяти человек в группе он считался самым отстающим.

Никогда не спешил поделиться неудачами с инструктором, а после резких замечаний надолго уходил в себя и надувал губы. Известно, что он с трудом переносил женщину-командира. Сама Надежда Алексеевна считает, что Виктор «комплексовал».

«А какое там мастерство? С летной практикой у негр не клеилось. Был он какой-то заторможенный в полёте. Другие-то пошустрее были...»

Один из очевидцев, например, объясняет это иначе.

Беленко пилотировал в зоне весьма агрессивно. «Все маневры он не отделял друг от друга, как требовала инструкция. Он связал их в непрерывную цепь сложных маневров, выжимая всю тягу их двигателя. А на пути из зоны он крутил бочки на снижении».

Один раз Вельская посоветовала: «Лучше бы тебе, Витя, пойти учиться в другое место».

По её убеждению, «летчиком Беленко ни при каких обстоятельствах... не должен был стать». На него Надежда Алексеевна обижается до сих пор: за все десять лет с момента окончания аэроклуба он не прислал своему инструктору ни одной открытки с поздравлением, как это делали все остальные. Она была просто убеждена в том, что Виктор выбрал гражданскую стезю. Экзамен по самолетовождению в аэроклубе Беленко сдал на твердую четверку, а вот характеристику получил соответствующую.

Возможно, по этой причине в 1966 году Виктор поступает в Омский медицинский институт, где был зачислен на лечебно-профилактический факультет. А 13 декабря его отчисляют по причине отсутствия на занятиях без уважительных причин в течение трёх месяцев.

Однако известно, что Беленко все это время работал в местном морге и готовился к поступлению в Армавирское высшее военное училище лётчиков. Видимо, институт стал для него перевалочной базой. В чужом городе нужно было как-то перекантоваться.

В 1967 году Беленко становится курсантом 1-го курса летного училища. В его стенах Виктор получает весьма характерное прозвище Тореро. На самостоятельных полётах в Ханкале Беленко стал чемпионом по воздушному хулиганству. Один раз он даже пролетел на бреющем полете над птицефермой, и чеченцы пожаловались командованию, что куры перестали нести яйца. Там же Виктор имел репутацию «мачо», когда выбрал себе в подруги чеченку Лайлу и за это чуть не погиб от ножей горцев.

В 1971 году Беленко успешно оканчивает училище, женится, а через два года у него рождается сын. Молодого лейтенанта направляют для прохождения дальнейшей службы в Ставропольское высшее военное авиационное училище, где его назначают летчиком-инструктором в учебно-тренировочный полк, который базировался в Сальске. По воспоминаниям сослуживцев, Беленко всегда пользовался большим уважением. Как-то во время ночных полетов на его истребителе отказал один двигатель, а второй загорелся из-за оторвавшейся лопатки турбины первого. В эту темную ночь, без луны на земле видели, как пламя из хвоста его самолета напоминало пламя стартующей ракеты. Но он проявил мастерство и мужество, ведь с ним находился курсант. Беленко спас самолет, а заодно и себя с курсантом. Ему даже объявили благодарность от Главкома ПВО.

Были в полку и другие случаи, где он отличался уже на земле.

Например, майора-пожарника, некрасиво пристающего к официантке

летней столовой, он вызвал запиской на свидание в овощехранилище, где проучил, закрыв в нем на целую ночь.

Известен и еще эпизод. Когда Беленко переучивался в Центре боевой подготовки в Савастлейке, через столовую в «греческий зал» проходил маршал авиации Савицкий с группой генералов. Виктор был единственным летчиком, кто не встал по команде. Маршал начал было отчитывать лейтенанта, однако тот совершенно спокойно сказал, что в Уставе такое требование отсутствует (в столовой команды «товарищи офицеры» не подают). И Савицкому останется только похвалить грамотного офицера.

Кто знает, вспомнит ли маршал летчика в летной столовой, когда прилетит на Центрально-Угловую в аккурат 6 сентября 1976 года и узнает об исчезновении МиГ-25?

А может быть, Беленко решил улететь именно в день приезда заместителя Главкома ПВО?

По крайней мере, Савицкий отреагировал на происшедшее вполне спокойно: «Авиация есть авиация. Все может случиться. Ищите».

К слову сказать, переучиваясь в Савастлейке на современный истребитель МиГ-25, Виктор Беленко все зачеты сдавал на оценку «отлично». Но был еще один обязательный предмет, который он называл «раком мозга», — это «научный коммунизм». В этом и был весь старший лейтенант Виктор Беленко.

По мнению начальника отдела боевой подготовки и боевого применения авиации армии ПВО полковника А. Мазура, «из общей массы Беленко выделялся чрезвычайной аккуратностью, глубокими знаниями, четкими ответами на вопросы».

«Во время того короткого разговора у меня промелькнула мысль: “Такими правильными лётчики не бывают...” Складывалось впечатление, что его хорошо натаскали. Смутила и еще одна вещь. В то время шла волна “омолаживания” командирского состава боевых истребительных подразделений. Беленко же слишком поздно попал в боевую часть, чтобы в перспективе получить в ней командирскую должность. Ему светило лишь продвижение по штатной работе, но это в перспективе означало отказ от полетов. Я обрисовал ему эту картину, однако летчика это не смутило. Еще, помню, удивился: просится летать, но понимает, что от этого надо будет вскоре отказаться...»

В новом полку его еще не все узнали. Однако те, кто видел, отмечают средний рост, обычное телосложение. «Светло-русые волосы, небольшой набок чуб, прикрывавший лоб... В разговорах он был немногословным, но эмоциональным».

В отличие от Беленко у Зуева было все гораздо банальнее и менее интересно... Да и сам он не особо выделялся из своей среды в какую-то одну сторону... Его летная дорога была тихой, если бы не удачный, по скоротечный брак...

Александр родился 17 июля 1961 года. Окончил среднюю школу и в 1978 году поступил в Армавирское высшее военное авиационное училище летчиков. В 1982 году после выпуска попал по распределению в Грузию и летал на МиГ-23 в Вазиани в 982-м истребительном авиационном полку. В 1985 году Михо-Цхакайский полк (176 гв. ИАП) переучился на МиГ-29. Как перспективного летчика Зуева переводят туда. Но перспективным он стал, когда женился на дочери начальника штаба дивизии. Произошло это событие в 1986 году. Тогда Зуеву исполнилось 25 лет. Имея крепкую поддержку, он пытается поступать в Школу лётчиков-испытателей.

Один из знакомых Зуева напрямую обращается к В.Б. Меницкому за помощью. Но заслуженный летчик-испытатель категорически отказывает, потому что не знает этого человека лично.

О неудаче Зуева вспоминает и летчик-испытатель А.Ю. Гарнаев: «...В ту зиму 1986/87 года у меня было наисчастливейшее время — огромной компанией мы вырвались на горнолыжные каникулы в Кавказские горы, собрались лётчики-испытатели всех поколений: от нас троих с Сергеем Мельниковым и Маратом Алыковым — самых молодых, до уважаемых ветеранов.

Как-то раз, в один из чудесных солнечных дней, съезжая с горы Чегет, я был остановлен одним из наших ветеранов, заместителем начальника Школы летчиков-испытателей Александром Андреевичем Муравьёвым. Указывая лыжной палкой вверх по склону, он проговорил:

— Видишь вверху трёх парней? Это — строевые лётчики с МиГов — двадцать девярых, хотят поступать в нашу Школу. Раз ты у нас самый “свежий” слушатель, я им посоветовал по всем вопросам обращаться за консультацией к тебе: через какие нужно пройти формальности и как правильно готовиться к экзаменам. Кстати, все они армавирские выпускники и, кажется, тебя знают. Помогите им в любом случае, они сейчас служат в Закавказье, где прошла и моя служба.

Он понёсся дальше вниз, а мы с этими ребятами повстречались на склоне. Действительно, они меня неплохо знали. Ещё будучи курсантом, я

стал инструктором-парашютистом и постоянно участвовал во всех парашютных прыжковых днях, помогая остальным укладывать парашюты, надевать и подгонять их, — это было вроде моей отработки за возможность прыгать самому.

Таким образом, приходилось работать с большей частью курсантов младших курсов. Вот многие из них меня и запомнили, хотя я их всех, конечно же, упомнить не мог.

Все оставшееся после нашей встречи в горах время мы провели вместе. Это было неслабое времечко!

Объективно все они имели отличные шансы на поступление в Школу лётчиков-испытателей, уровень летной подготовки у них был значительно выше, чем у среднестатистического летчика ВВС: первый класс, наиболее современный тип самолета, и все это — при возрасте (что тоже было весьма немаловажно) лишь двадцать семь лет!

Субъективно один из них — наиболее симпатичный, высокий, светловолосый парень — имел наилучшие шансы из-за явно выраженного упорства и даже, вероятно, целеустремленности. После того чудного отдыха в горах он приезжал к нам в гости, в тогда еще не очень открытый город Жуковский, и даже пожил недельку в «общаге» Школы лётчиков-испытателей. Там мы его детально консультировали, помогали подготовиться к поступлению. Но на следующий, 1988 год набора не было, и ему приходилось рассчитывать лишь на будущий год.

Его звали Александр Зуев...»

Сам по себе Зуев считался неплохим парнем. Говорят, хорошо пел, играл на гитаре, участвовал в самодеятельности. Мешала ему только заносчивость. Был и дамским угодником. За что, собственно, и поплатился. Когда получил отказ в 1988 году, то ли от горя, то ли от безделья загулял. Ну а гарнизон дело известное, вроде деревни. Там на одном конце сморкнешься, на другом слышно. Словом, у Александра начались проблемы с моральным обликом. Пошли разъяснительные беседы в политотделе, с командирами и т.д. Но Зуев не останавливался...

В конечном итоге от него уходит жена. Его все чаще стали отстранять от полётов. Естественно, с уходом жены завершилась и поддержка, а где-то стала играть уже и в обратную сторону, на поражение...

На момент того самого полёта Зуев женился во второй раз, и жена родила ему сына (через несколько дней после побега). Он же дежурил на приеме и выпуску самолетов только потому, что был от полетов отстранён. Кроме того, у него начались проблемы со зрением.

В последнее время жил один, поскольку жена уехала к родственникам

на Украину именно в связи с предстоящими родами.

Как рассказывает генерал-майор Ю.А. Николаев (в 1976 году заместитель начальника 3-го Управления КГБ), «всестороннее изучение личности Беленко, его поведение на службе и в быту показало, что у него неоднократно складывались острые, конфликтные ситуации с командованием. Так, в период службы в Ставропольском авиационном училище он выражал настойчивое желание уйти с инструкторской работы и в связи с этим изыскивал возможности для перевода в боевой полк. Однако эти попытки успеха не имели, так как командование, как правило, лётчиков-инструкторов из училища в войска не отпускало. По этой причине он стал проявлять недовольство и резко обострил отношения с командиром. В 1975 году обратился с рапортом к начальнику училища с просьбой уволить его из Советской армии, мотивируя тем, что не желает служить с командирами, которые постоянно злоупотребляют спиртными напитками (частично соответствовало действительности). Вскоре после этого заместитель командира полка, фамилия которого фигурировала в рапорте Беленко, в присутствии других летчиков, найдя предлог, отругал его и объявил, что он командиром звена назначен не будет. Беленко отреагировал на это болезненно, новел себя вызывающе. Обратившись лично к начальнику училища, в категорической форме потребовал перевода в войска либо увольнения из Советской армии. Последний, усмотрев в поведении аномалию, отстранил его от полётов и направил на психологическое и психиатрическое обследование, что вызвало у Беленко глубокую обиду. При обследовании он был признан здоровым и годным к дальнейшей службе. Одновременно психологами были отмечены такие личностные черты, как впечатлительность, неудовлетворённость собой, склонность к волнениям, нервозность, скрытность, непреклонность и критичность взглядов. Отмечено также наличие таких психологических признаков, которые «характерны для лиц с выраженными тревожно-мнительными чертами, со склонностью к самобичеванию, «пережёвыванию» различных проблем, к болезненному самонаблюдению».

По заключению психиатра, возникшая ситуация относится к категории психотравмирующих, что в конечном счёте приводит к возникновению невроза или иного болезненного процесса».

После перевода в боевой полк Беленко было обещано, что при первой же возможности его назначат на вышестоящую должность. Кроме того,

срок выслуги в воинском звании «старший лейтенант» у него окончился ещё 10 января 1976 года.

Что же происходит в новом полку?

«За первые полгода службы на новом месте Беленко зарекомендовал себя с положительной стороны, успешно прошёл курс переподготовки на новом для него типе самолёта МиГ-25П, был назначен исполняющим обязанности начальника штаба эскадрильи, избран заместителем секретаря партийного бюро эскадрильи. К своим служебным обязанностям относился добросовестно».

Дальше — больше! До сентября 1976 года очередного воинского звания «капитан» Беленко так и не получил исключительно из-за халатности должностных лиц. А ведь ему уже было 29 лет, солидный возраст для лётчика-истребителя!

Увольнение же начальника штаба эскадрильи, чью должность он исполнял с мая 1976 года, затягивалось. А он очень хотел поступить в академию, и эта должность давала ему такое право. Был и ещё один факт, который был отмечен военными контрразведчиками позже: «У него не хватало налёта часов для зачёта двойной выслуги “год за два”. Необходимо было набрать сорок часов, а у него насчитывалось лишь десять».

Как утверждает генерал Николаев, «...с июля 1976 года стали замечаться странности в его поведении. Он стал нервным, взвинченным. Болезненно переживал задержку с присвоением очередного воинского звания “капитан” и с назначением на обещанную при переводе должность начальника штаба эскадрильи. Постоянно стал конфликтовать с командованием, при этом проявлял невыдержанность и озлобленность. По поводу недостатков в службе говорил с выраженной злостью. На протяжении августа 1976 года вопрос о назначении на должность и присвоении очередного звания Беленко неоднократно пытался решить непосредственно через командира полка, начальника политотдела, штурмана полка, командира эскадрильи. По мере того как эти попытки результатов не приносили, он становился все более озлобленным, невыдержанным, взвинченным. Взаимоотношения с командованием ещё больше обострились в первых числах сентября. Так, 3 сентября 1976 года Беленко в состоянии крайней возбуждённости, встретив в коридоре штаба командира полка Шевцова, в вызывающей форме потребовал ответа, почему ему не присваивают очередное воинское звание, не назначают на обещанную должность и не дают летать (его не включили в план полётов на 6 сентября). Командир, возмущившийся фактом обращения к нему в коридоре и самой постановкой вопросов, сделал замечание, но частично

ответил ему. Однако его ответами Беленко удовлетворён не был.

4 сентября во время классных занятий командир полка в присутствии офицеров возвратился к заданным ему накануне Беленко вопросам и на каждый из них обстоятельно дал разъяснения. Присутствующим офицерам было понятно, что командир расценивает действия Беленко как проявление карьеризма.

Последний, обидевшись на Шевцова, вспылил и демонстративно ушел с занятий домой. В этот же день отказался выполнить указание командира эскадрильи заступить ответственным дежурным, мотивируя тем, что такие обязанности может исполнять только начальник штаба эскадрильи, которым он не являлся.

Очевидно, после случившегося Беленко, пытаясь выяснить возможную меру дисциплинарной ответственности за своё поведение, пользовался имевшимся у него дома дисциплинарным уставом...»

К слову сказать, окончательное решение на побег Беленко принял за месяц до 6 сентября.

И весь месяц в кармане летной куртки носил специально с этой целью подготовленную им записку на английском языке: «К самолету никого не подпускать. Самолет замаскировать. Немедленно свяжитесь с американской разведкой».

После побега Виктора Ивановича Беленко были опрошены более сотни человек из числа его родственников и сослуживцев. Кроме конфликтов на службе, о которых говорилось выше, он во всем был примерным и положительным.

Юрий Алексеевич Николаев продолжает свой рассказ о Беленко: «По заключению ПШИ ВВС, исследовавшего объективные данные системы автоматической регистрации полета (САРП), возвращенной японцами вместе с самолетом, Беленко практически держал прямой курс на острове Хоккайдо и не делал никаких разворотов. Экспертизой подтверждено, что пленка САРП принадлежала его самолету.

Системой САРП также зарегистрировано, что Беленко ушел из учебной зоны в сторону моря, резко снизившись до 250 метров. На этой высоте он летел над морской поверхностью от береговой черты СССР примерно 130 километров. Такие действия пилота, по мнению специалистов, могли свидетельствовать о его стремлении уйти от радиолокационного сопровождения.

На квартире Беленко была обнаружена рукописная схема с цифрами на отдельном листе. По заключению графической экспертизы, схема исполнена им. Специалисты, проводившие навигационно-штурманскую экспертизу, сделали вывод, что схема представляет собой прокладку маршрута полета самолёта МиГ-25П от аэродрома Соколовка до аэродромов Титосе и Муроран (Япония) из расчета восьмидесятипроцентной заправки самолета топливом, то есть такого его количества, которое обычно планировалось для полетов МиГ-25П в простых метеоусловиях».

С собой Беленко взял только свидетельство летчика-инструктора 1-го класса, аттестат зрелости, диплом об окончании военного училища и свидетельство о рождении.

В крохотной квартирке летчика-истребителя на кухне была небольшая полочка. В том кухонном углу и коротал свои свободные минуты Виктор Иванович. На полочке, где лежало всего десятка полтора книг, в одной из них и нашли этот самый расчет...

В тот день Виктор Беленко сначала отвел сына Димку в детский сад, а потом отправился на полеты.

Командира эскадрильи он почему-то перед вылетом спросил:

— Ну я полетел, командир?

Как вспоминает авиатехник В.П. Иваней, «в пятницу, 3 сентября, мы еще с одним техником готовили “31-й” борт: новенький МиГ-25, только что поступивший с авиазавода. Всего 25 часов налёта, то есть практически время перелета на Дальний Восток. А перед этим Беленко отпросился у командования в Находку на пару дней. Что он там делал, не знаю. В общем, мы провели положенный регламент “31-му”, все было отлично, и самолет «отгазовали» на стоянку. И вот в понедельник, 6 сентября, Беленко делает первый вылет — на “спарке”. А потом садится на “31-й”... и исчезает».

Дело в том, что МиГ-25 с бортовым номером «31» находился в дежурном звене, где заправка всегда была стопроцентной. А приготовленный для Беленко самолет имел лишь 80-процентную заправку. Но якобы он имел неисправности, и поэтому борта поменяли. Словом, Виктору действительно повезло. Ему выделили резервный самолёт с полной заправкой горючего. Он лишь трижды уточнил у авиатехника, действительно ли баки самолета заполнены на сто процентов.

Первыми словами Зуева на турецком аэродроме были следующие: «Наконец-то я — американец!»

В Турции его судили по обвинению в угоне самолета и оправдали, сочтя, что его действия носили исключительно политический характер. Турецкие власти отказались пустить к МиГ-29 американских специалистов и уже через двое суток вернули самолет Советскому Союзу. Сам Зуев получил политическое убежище в США.

Говорят, именно Зуев подсказал американцам, как нейтрализовать ВВС Ирака, в которых истребители-перехватчики были советского производства. В том числе и МиГ-29.

Перед началом военной операции «Буря в пустыне» консультировал ВВС США.

Зуев благополучно жил в г. Сан-Диего, Калифорния, где оказывал консультативные услуги юридическим и физическим лицам, заинтересованным в бизнесе с Россией.

В 1992 году в США в соавторстве с Малькольмом Макконнелом он издал автобиографическую книгу «Точка опоры» («Точка отсчета»).

Лётчик-испытатель А.Ю. Гарнаев встретил Зуева на супераэрошоу в местечке Салинас, недалеко от Сан-Франциско.

«...Там, в Калифорнии, передо мной стоял он!

На секунду я потерял дар речи... Потом выдавил вопрос:

— Зуич?.. А ты вроде размордел?

— Да-а... — начал он отвечать с напускным акцентом (и вторично меня удивила его, уже совсем отличная от той, что была перед тем, манера говорить). Что-то в последнее время содержание холестерина в крови стало выше нормы. Но я скоро его снижу.

—?!

Мы пошли вместе на ланч. Я всё время чувствовал напряжение, ощущая среди мельтешивших вокруг людей и наших, и их работников соответствующих служб (я был убеждён в их присутствии). По дороге мы непрерывно болтали о каких-то, не откладывающихся в голове пустяках. Он всё время хвалился, какая с ним едет симпатичная подружка: она живёт тут недалеко, в Сиэтле, штат Вашингтон, и он из Иллинойса к ней часто прилетает — вот и сюда они приехали вместе...

Я чувствовал себя в совершенно дурацком положении: меня и тяготил

весь этот антураж, и одновременно мучило желание узнать хоть что-то, что помогло бы в моём представлении навести мосточек понимания через пропасть, отделявшую того Саню Зуева от нынешнего, но я даже примерно не мог представить: каким образом сформулировать такой вопрос? В конце концов, от перенапряга я “ляпнул”, кажется, самый идиотский из всех возможных вариантов. Оборвав на полуслове их весёленькое американское щебетание, глядя твёрдо в глаза, я выпалил по-нашенски — прямо в лоб единственный вопрос:

— Ну ладно, Зуич, объясни хоть, зачем ты в бойца-часового стрелял?

Выражение его лица резко изменилось. Он тут же попытался натянуть стандартную американскую маску-улыбку, но его губы исказил неестественный зигзаг, в котором угадывалось страдание. А зрачки стали неподвижными, размером с игольное ушко.

— Да ты понимаешь... он не хотел сдаваться!

Я окончательно почувствовал себя не в своей тарелке. Стало обострённо взаимопонятно, что нам больше не о чем говорить.

Мы коротко распрощались. Будучи всё ещё под прессом боязни возможных неприятностей, я поспешил к своему начальству доложить об этой неожиданной встрече...»

Из сообщения агентства «Франс Пресс», которое перехватила советская радиоразведка, отцы-командиры Виктора Ивановича Беленко узнали следующее: «...в районе 14.00 6 сентября 1976 г. в аэропорту г. Хакодате приземлился советский истребитель МиГ-25. Лётчик выполнил посадку с грубыми ошибками и выкатился за пределы взлетной полосы. Когда к нему приблизился обслуживающий персонал аэропорта, пилот открыл фонарь кабины, несколько раз выстрелил в воздух и предупредил японцев: “Не подходите! Буду стрелять! Требую, чтобы о посадке самолёта сообщили командованию ВВС США. Дело буду иметь только с американцами!”».

В СССР самолёт Беленко вернули только 12 ноября 1976 года. Американцы его разобрали до винтика. Даже пробы металла брали и стекла. Судя по всему, им понравилось в этом истребителе всё, кроме прицела и радиолокационного оборудования. Для них это был уже каменный век. Тем не менее МиГ-25 они оценили как не имеющий себе равных. Отметили простоту конструкции, её прочность, надёжность, лёгкость техобслуживания и доступность в пилотировании.

Тем, кто встречался с Беленко, почему-то показалось, что он не очень устроен. Хотя унывающим не выглядит, улыбается, как типичный американец.

Получив американское гражданство (Президент США принял решение о предоставлении ему политического убежища 7 сентября), Виктор Иванович сначала преподавал технику и тактику воздушного боя в одной из военных академий. Женился на американке, учительнице музыки из Северной Дакоты, которая родила ему двоих детей. Но характер Беленко ничуть не изменился. Впоследствии семья распалась, и он оставил своей жене по брачному контракту заработанный непосильным трудом дом.

В 1980 году в США вышла его книга в соавторстве с Джоном Барроном «Пилот МиГа». Беленко также консультировал Тома Клэнси во время написания его известного бестселлера «Погоня за “Красным Октябрем”». Американцы вывозили его на один из авианосцев, где дали возможность полетать на палубных самолетах, познакомили с бытом своего летного состава.

Когда был сбит южнокорейский Боинг, Беленко был включен в число специалистов сформированной ЦРУ оперативно-исследовательской

группы. Тогда он сильно помог американцам.

Со временем Беленко перешел на консультации по вопросам бывшего СССР, одновременно работал в одной из авиационных фирм, жил в штате Калифорния, меняя номера гостиниц и мотелей. Занимался торговым бизнесом, в том числе с Россией.

Известно, что в 1995 году Беленко по делам бизнеса был даже в Москве, и, естественно, под чужой фамилией... Будучи гражданином США, он побывал в 68 странах мира.

В 1997 году Виктор Иванович дал двадцатичасовое интервью японскому журналисту Синитиро Сакикава.

В этих двух историях лично мне больше всего стало жаль семью Виктора Беленко.

Людмила Петровна (познакомилась с Виктором в Армавире) до сих пор ждет весточки от мужа. Каждый год она обращалась в Министерство иностранных дел, все эти годы она ходила в церковь и не знала, за здоровье ставить свечку или за упокой.

По ее мнению, у мужа не было никаких причин для угона. В Приморье они поехали поближе к родине её родителей. До сих пор жена Беленко считает его «самым лучшим на свете». Пять лет они прожили душа в душу.

Дело об угоне МиГ-25 еще не закрыто, как и дело об угоне МиГ-29.

В середине восьмидесятых прошел слух: Беленко погиб в автокатастрофе.

Второй раз смерть Виктора Ивановича подтвердил, выступая по телевидению, председатель КГБ Крючков. Он сказал, что, по его сведениям, Беленко умер.

В 2001 году в прессу просочилась новая информация: «недавно еще один угонщик из... Беленко — попал в страшную автокатастрофу, но чудом остался жив».

На сегодня известно следующее: в Ошкоше Беленко представлял самолёт БД-10, где тесно работал с представителями русских авиакомпаний. Он просто мечтал наладить их производство в Комсомольске-на-Амуре по программе русско-американского сотрудничества. Но после того как с этим самолётом произошло три катастрофы, Виктор Иванович просто исчез. Некоторые связывают это с гибелью Беленко в одной из них.

В 2003 году авиационный журнал «Военные птицы» опубликовал информацию о катастрофах БД-10, Первая произошла 30 декабря 1994 года по причине превышения скорости, ограниченной конструктором. Вторая — 4 августа 1995 года из-за поломки болта соединения сервомотора с элероном, в результате чего самолёт вошёл в режим неуправляемого вращения.

И третья, 21 февраля 2003 года, произошла во время испытаний над морем возле острова Католина в Калифорнии из-за разрушения вертикального оперения. По свидетельству очевидца, самолёт Беленко стал разваливаться в воздухе, и большая часть самолёта, ударившись о

поверхность воды, оставила только большое масляное пятно.

Александр Зуев последнее время жил в Сан-Диего и консультировал тех американских предпринимателей, которые намеревались открыть свой бизнес в России.

В 2000 году Зуев продал свой дом во Флориде и переехал в штат Вашингтон с целью основания там лётной школы с другим известным пилотом Джерри Уорреном.

10 июня Зуев и Уоррен летели на советском учебно-тренировочном самолёте Як-52 в группе с тремя другими самолётами. Неожиданно одномоторный Як сорвался в штопор и врезался в землю вблизи нефтеперерабатывающего завода компании «Бритиш Петролеум». Это произошло в 150 километрах от Сиэтла.

Если это так, то смерть летчика в кабине самолета — не самая худшая из всех возможных на этой планете.

И как бы мы ни относились к Беленко или Зуеву лично, но то, что они сделали, в любой стране называется предательством и карается по всей строгости её закона. Их действия, совершённые пусть даже под давлением каких-то исключительных, если так можно назвать, обстоятельств, везде квалифицируются не иначе как измена Родине. Другой оценки их действиям ожидать не приходится...

ИСТОЧНИКИ

1. *Вояки Н.В., Довбня А., Докучаев А., Кабанчиков А., Журавлёв И., Коробейников Д., Коц А., Островский А., Тимофеев С, Филоненко В., Фёдоров В., Шапкин С.* (авторы статей, публикаций, книг).

2. *Гарнаев А.Ю. Аэроузел-2. Меницкий В.Е. Моя небесная жизнь. Николаев Ю.А. Будни военного контрразведчика. Подмолоты Д. Полёт без возврата. И другие...*

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Проблема предательства, мягко говоря, но своей сути весьма банальна. Семейные или служебные конфликты, завышенная самооценка, беспринципность, цинизм, низменные привычки, разрушение личности, шантаж — все это известные нам причины психологического характера. Например, известный психиатр из ЦРУ Алэн Стаднер, досконально исследовавший психику перебежчиков, утверждает, что «никогда еще никто не совершал побег из-за того, что был счастлив».

Большинство перебежчиков — это «выходцы из распавшихся семей с непрочными или разорванными связями». Один из таких типов, по Стаднеру, — «человек обиженный, возводящий свою личную неудовлетворенность в политический принцип».

Другой тип — «человек противоположного склада характера, который всю жизнь был борцом и на удар отвечал ударом. Чаще всего бывает, что таким перебежчикам не повезло в жизни, вследствие чего они становились коварными предателями, способными нанести удар в спину. Именно такие с готовностью становятся наемниками, движимые стремлением отомстить и добиться справедливости».

«Для перебежчиков характерно также чувство самолюбования, а это нечто большее, чем простое себялюбие». Стаднер определяет это как «патологический эгоцентризм, поглощенность самим собой в ущерб всем прочим».

Это уже потом на Западе перебежчиков задним числом начинают выставлять «борцами с режимом» или «выбравшими свободу». Но самое интересное заключается в другом. Когда тот или иной предатель попадает в чужую страну, он будто бы по какой-то уже отработанной схеме начинает говорить о давно зародившейся у него мысли о побеге. Может быть, он уже и сам начинает верить в это или ему требуется оправдание?

А ведь предательство начинается в семье. Предателями не рождаются, ими становятся!

В 1982 году В. Беленко связывался с сотрудниками военного атташата в США по вопросу возвращения на Родину. Однако по неизвестным причинам своего намерения до конца не довел.

В сущности, он был одним из немногих, кто хотя бы попытался сделать шаг назад. И это уже вызывает хоть какое-то сострадание... Но это моё, сугубо личное мнение.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Генерал А.А. Власов

Генерал-майор Красной Армии Власов

Власов после награждения орденом Ленина

Власов в лагере военнопленных

Генерал Андрей Власов с русскими добровольцами

Власов, Жиленков и Крезер на приеме у Гитлера

Власов и солдаты РОА

Власов выступает на одном из заседаний КОНР

Власов инспектирует школу в Дабендорфе

Власов и офицеры ВВС РОА

Власов и высшие чины РОА

Soldbuch
zugleich Personalausweis

№ 635

Dienstgrad: Универсал-матрос
(s. auch Seite 5)

Familienname: Власов

Vorname: Андрей

Erkennungsmarke: _____

Blutgruppe: _____

Geb. (Mon., Jahr): 1.9.01

Nationalität: Russen

Beruf: _____

2

Солдатская книжка Власова, изъятая у него при аресте

Власов с подельниками на скамье подсудимых

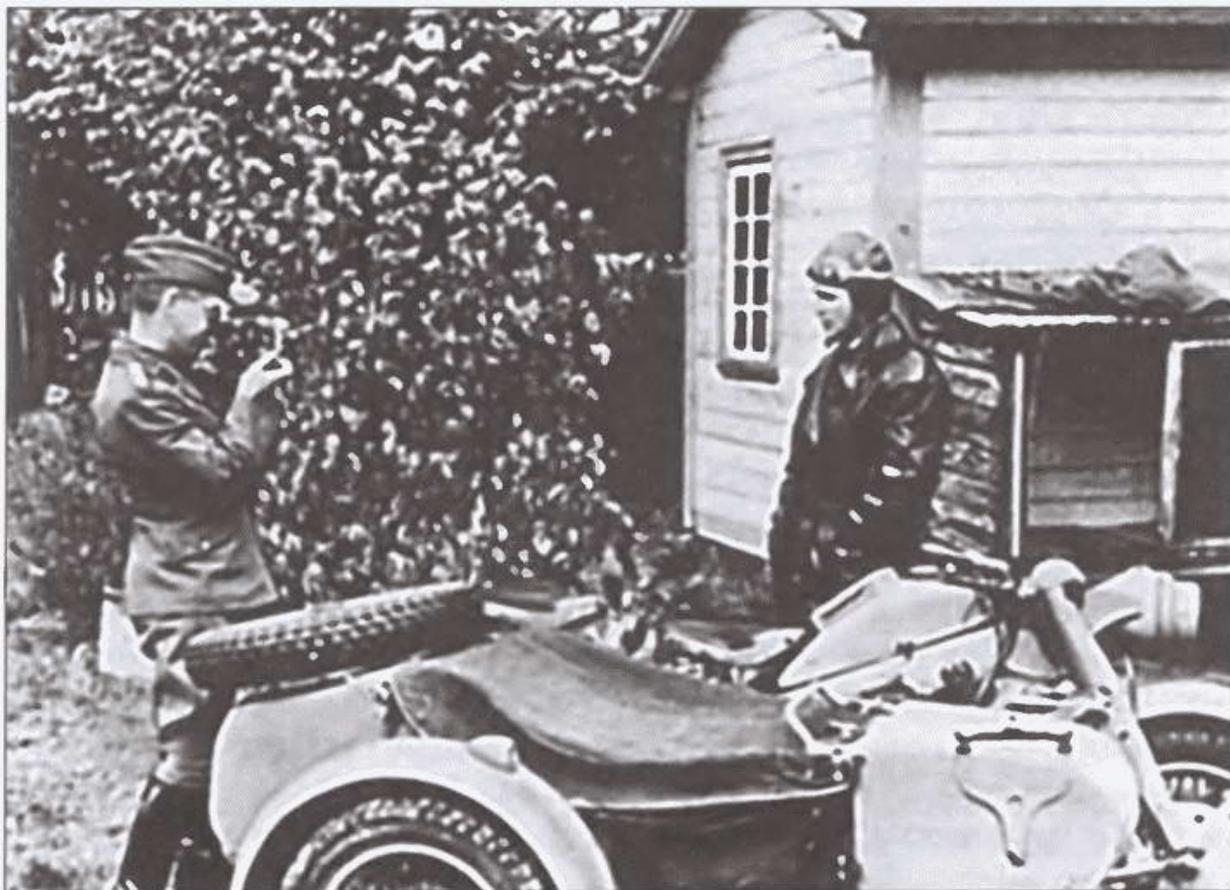
Власов слушает свой приговор

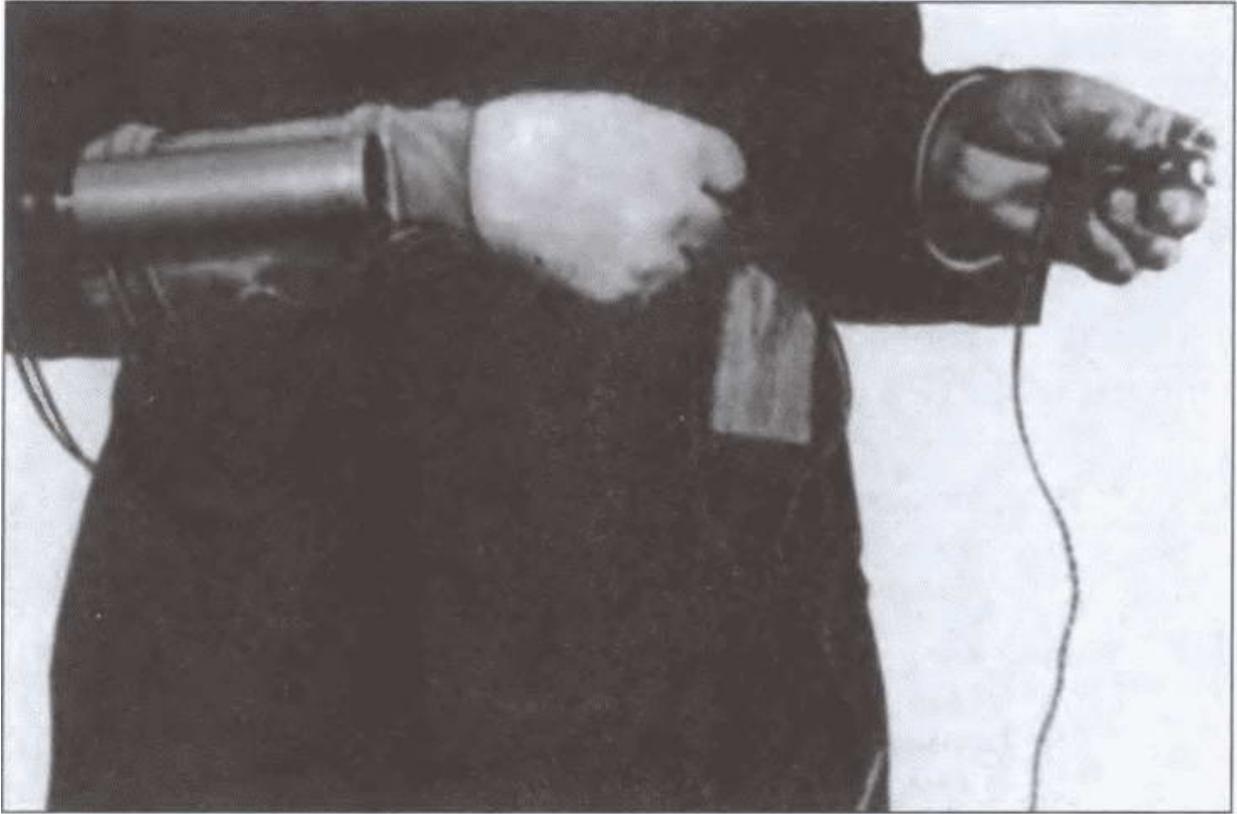
Изменники казнены

Политов-Таврин и его наставник из СД Грайфе

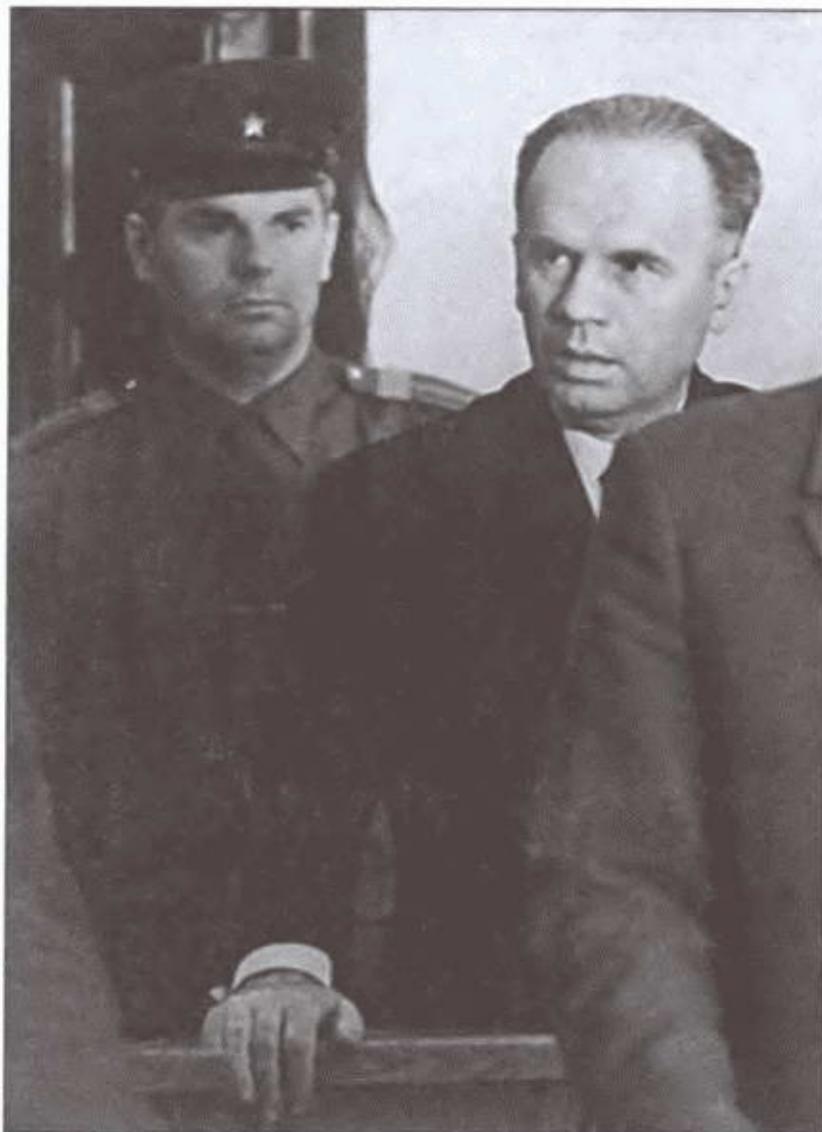
Политов фотографируется перед операцией

Устройство «Панцеркнакке», из которого должен был быть убит Сталин

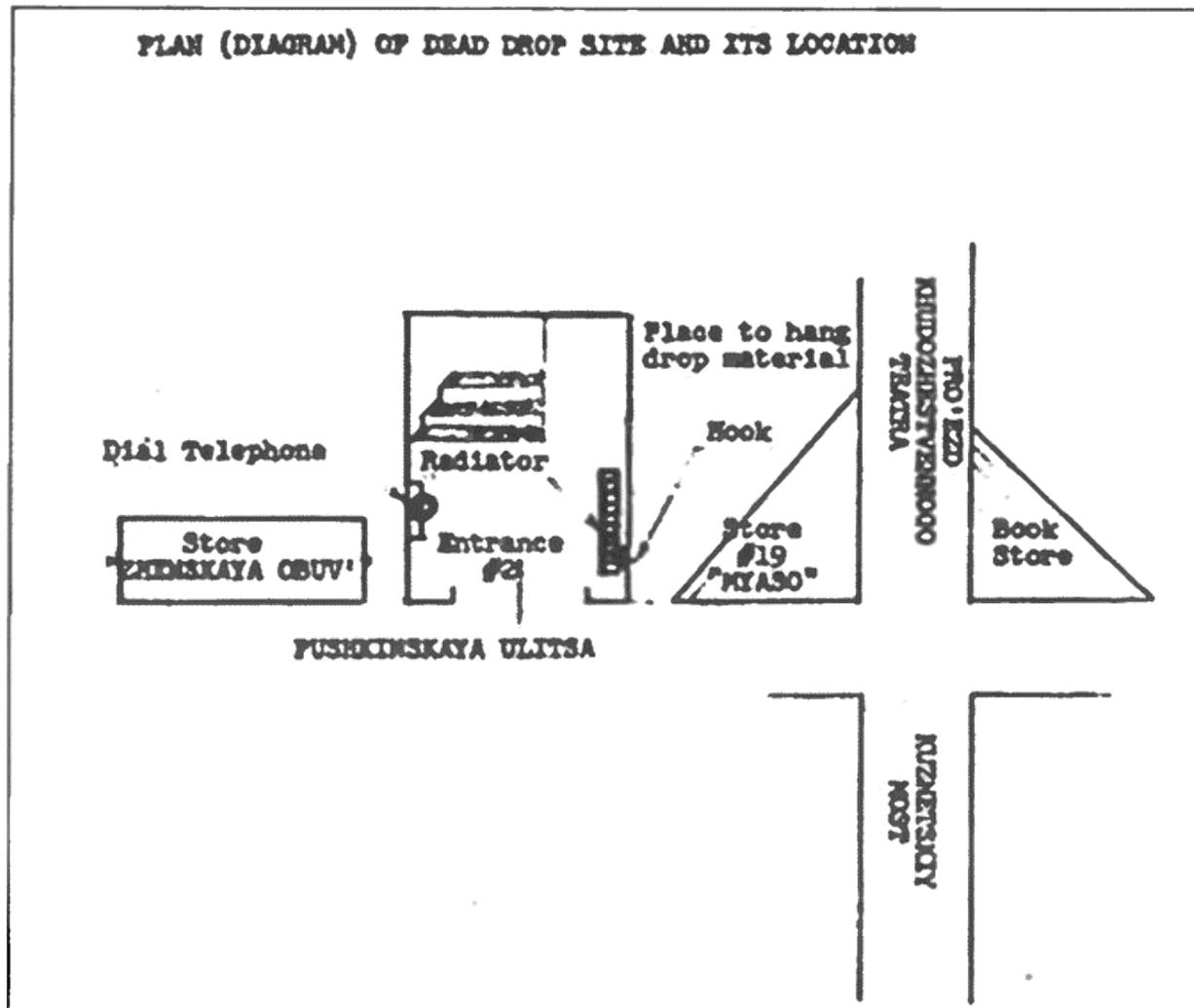

Пистолет Таврина и патроны к нему

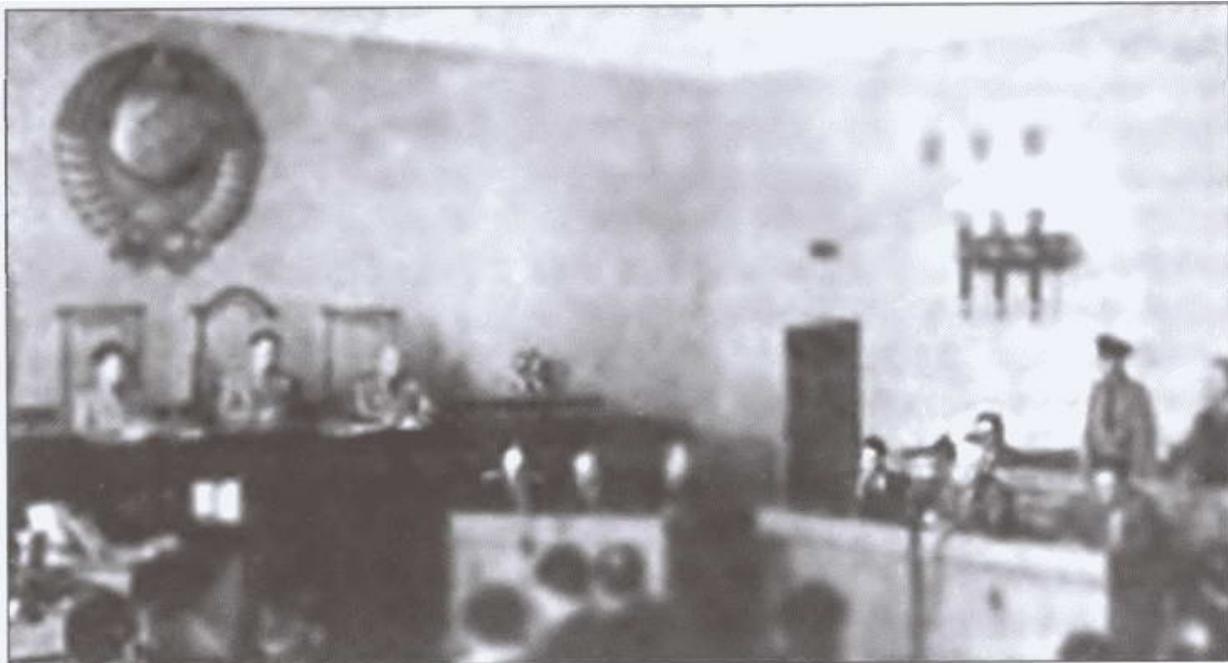

Олег Пеньковский на скамье подсудимых

PLAN (DIAGRAM) OF DEAD DROP SITE AND ITS LOCATION

План местности, в которой Пеньковский закладывал контейнеры с микрофильмами

Заседание Верховного суда по делу Пеньковского

Пеньковский готовится к последнему слову

Предметы шпионской деятельности, изъятые у Пеньковского

1956 год. На стажировке в Колумбийском университете. Олег Калугин (второй слева) и один из авторов «Перестройки» Александр Яковлев

Курсант Владимир Резун

Лейтенант Резун в войсках

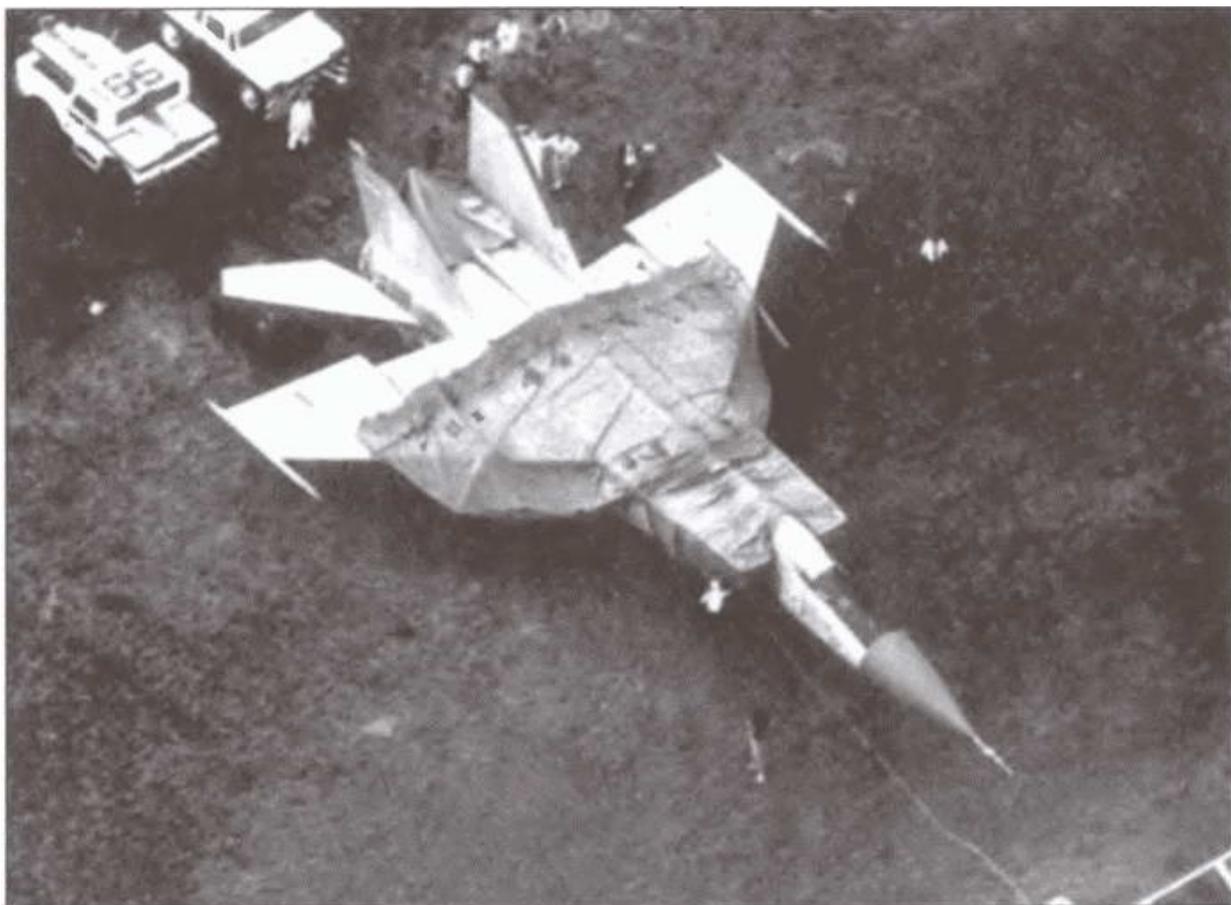
Владимир Беленко в СССР

Владимир Беленко в США

МиГ-25, угнанный Беленко, сразу после приземления

МиГ-25, который угнал Беленко

comments

Источники

Филатов В.И. Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2008.

2

Там же.

3

Там же.

4

Там же.

Катусев Л.Ф., Оппоков В.Т. ВИЖ № 6, 1990 г.

6

Там же.

7

Там же.

8

Там же.

Пекарев С. Аргументы недели № 11, 15 марта 2007 г.

10

Там же.

Филатов В.И. Там же.

Интернет: Портал-Кредо. Исследователи личности генерала Власова...
2009 г.

Млечин Л. Адольф Гитлер и его русские друзья. М, 2006.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова № 1843829.

ЦАМО РФ, РГВА. Учётно-послужные карты на А.А. Власова.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же. (В документе опечатка, правильно 1 курс.)

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же. (Орден указан ошибочно, Власова тогда не наградили.)

Там же.

Там же.

ЦАМО РФ. Учётно-послужная карта на А.А. Власова.

Сувениров О. 1937. Трагедия Красной Армии. М., 2009.

Млечин. Там же.

Григоренко П.Т. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк, 1981.

Свод законов СССР № 57. Ст. 469. М., 1935.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

Пальчиков П. Два лика генерала Власова. Москва, № 5, 2007.

Сувениров О. Там же.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989.

Комкоры. Том 1.М., 2006.

Там же.

Свод законов СССР. Там же.

Филатов В.И. Там же.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова.

Сувениров О. Там же.

Там же.

Там же.

Окороков А. Русские добровольцы. М., 2007.

Окороков А. В боях за Поднебесную. Интернет: Чекист.Ру.

Калягин А.Я. По незнакомым дорогам. М., 1979.

Чуйков В.И. Миссия в Китае. М., 1983.

Калягин А.Л. Там же.

Чудодеев Ю.Л. По дорогам Китая 1937—1945 гг. М., 1989.

Командармы. М., 2005.

Пальчиков П. Там же.

Катусев А.Ф., Оппоков ВТ. ВИЖ №4, 1991.

Командармы. Там же.

Калягин А.Я. Там же.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

Гамзин М., Забродин А. Интернет: Хронограф. Тайна смерти генерала Власова.

Киселёв В. Интернет: Земляк генерала Власова.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

Гамзин М., Забродин А. Интернет: Хронограф. Там же.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

Кошунцева Ф. Интернет: Новое дело. В Гагинском районе собираются открыть музей...

РГВА. Ф. 36862. Он. 1. Д. 13.

РГВА. Ф. 36862. Там же.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

Там же.

ЦАМО РФ. Учётно-послужная карта на А.А. Власова.

Там же.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

Командармы. Там же.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

Там же.

Свод законов СССР. Там же.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

Там же.

Краснов В. Неизвестный Жуков. М., 2000.

Там же.

РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 30.

Краснов В. Там же.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Том 1. М., 1985.

РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 55.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

РГВА. Ф. 36862. Оп. 1, Д. 12.

Комкоры. Там же.

РГВА. Ф. 36862. Оп. 1. Д. 12.

Антипенко Н.Л. На главном направлении. М., 1967.

Комкору. Там же.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

Интернет: Механизированные корпуса РККА. 4-й Механизированный корпус.

Бондаренко А. Красная Звезда, 22—28 августа 2007.

Интернет: Механизированные корпуса РККА. Там же.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

РГВА. Ф. 25065. Д. 104. Оп. 1.

Замулин В.Н. Курский излом: Решающая битва Отечественной войны.
М., 2007.

Интернет: Механизированные корпуса РККА. Там же.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2002.

Филатов В.И. Там же.

Интернет: Механизированные корпуса РККА. Там же.

Окороков А. Особый фронт. М., 2007.

Долматовский Е. Зелёная брама. М., 1989.

Комкоры. Том 2. М., 2006.

Окороков А. Особый фронт. Там же.

Бондаренко А. Красная Звезда. Там же.

Тымкив С. Киевские ведомости № 13, 23 января 2007.

*Крещанов А., Кузяк А., Осипов А., Продан О. Сборник. 1941. Оборона
Киева. Киев, 2002.*

Там же.

Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. М., 2000.

Тымкив С. Там же.

Там же.

Комкоры. Том 1. Там же.

Пальчиков П. Там же.

Комкоры. Том 1. Там же.

Карпов В. Жуков на фронтах войны. М., 1996.

Сандалов Л.М. 1941. На московском направлении. М, 2006.

Там же.

Там же.

Командармы. Том 1. Там же.

Владимов Г. Генерал и его армия. М., 1997.

Командармы. Том 1. Там же.

Богомолв В.А. Сердца моего боль. Том 2. М, 2008.

Исаев А. Интернет: Командовал ли А.А. Власов 20-й армией в декабре 1941 г.?

Сафир В. Суровая правда войны. М., 2005.

Карпов В. Там же.

Сандалов Л.М. Там же.

ЦАМО РФ. Ф. 20 А. Оп. 6631. Д. 1. и Оп. 6631. Д. 2.

Бек А.А. Собрание сочинений. Том 2. М., 1974.

Александров К. Интернет: Предатель или порядочный солдат?

Сандалов Л.М. Там же.

Там же.

На приёме у Сталина. М., 2008 г.

Батиев В. Власов. Т. 1—4. Франкфурт-на-Майне, 2001— 2004.

Сандалов Л.М. Там же.

Тамонов Ф. ВИЖ № 1,1967.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 213.

Разгром немецких войск под Москвой. М., 1943.

Там же.

Советские танковые войска 1941—1945. М., 1973.

Батиев В. Там же.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1997.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 87.

Плиев И.А. Сборник. Кавалерия в боях за столицу. М., 1966.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Он. 2511. Д. 1427.

Суворов В. Тень победы. Минск, 2003.

Сандалов Л.М. Там же.

Богомолов В. Там же.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

Там же.

141

ЦАМО РФ. Учетная карточка награжденного А.А. Власова.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

ЦАМО РФ. Ф. 33.

Щёлоков А.А. НВО, 13 октября 2006 г.

Гладков Т.К. Медведев. М., 1985.

Пальчиков П. Там же.

Иванова И. Интернет: Трагедия Мясного Бора.

Пальчиков П. Там же.

Катусев А.Ф., Оптоков В.Т. ВИЖ №4, 1991 г.

Пальчиков П. Там же.

Командармы. Там же.

Вторая ударная в битве за Ленинград. Ленинград, 1983.

Иванова И. Там же.

Ретин Л.Е., Степанов В.С. ВИЖ № 3,1993 г.

Трагедия 2-й ударной армии. М., 2002.

Там же.

Перемышленникова Н. Источник № 4, 1998 г.

ЦАМО РФ. Ф. 204. Он. 97. Д. 91.

ЦАМО РФ. Ф. 204. Там же.

Хозин М. ВИЖ № 2, 1966 г.

Слухай И.А. Генерал Иван Катышкин. М., 2008.

Решин Л.Е., Степанов В.С. ВИЖ № 5,1993 г.

Там же.

Интернет: Записка начальнику ОО НКВД Волховского фронта
1.07.1942 г.

Семёнов Ю. Интернет: Репортер.

Орлов А. Отечество № 1, апрель 2001 г.

Там же. К. Рихтер. Дело генерала Власова.

Ортов А. Там же.

Андреева Н. Новая газета № 13,22 февраля 2007 г.

Андреев С. Интернет: Поисковики нашли штаб генерала...

Окороков А. Особый фронт. Там же.

Комкоры. Том 1. Там же.

Катышев А.Ф., Оттоков В.Т. ВИЖ№4,1991 г.

Пальчиков П. Там же.

Там же.

Пальчиков П. Там же.

Новобранец В. Я предупреждал о войне Сталина. М., 2002.

Александров К.М. Офицерский корпус Армии генерал-лейтенанта Л.А. Власова. СПб., 2001.

ЦАМО РФ. Личное дело А.А. Власова. Там же.

Катусев А.Ф., Оппоков ВТ. ВИЖ №7,1991.

Гамзин М., Забродин А. Интернет: Хронограф. Тайна смерти генерала Власова; *Левкое В.* Интернет: Тайна Агнессы; *Киселёв В.* Интернет: Земляк генерала.

Квицинский Ю. Генерал Власов: путь предательства. М., 1999.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1990.

Катусев А.Ф., Оппоков ВТ. ВИЖ№7,1991 г.

Лукин М.Ф. Огонёк № 47, 1964 г.

Командармы. Там же.

Письмо М.Ф. Лукина. Край Смоленский № 3, 1991 г.

Сувениров О. Там же.

Решин Л.Е., Степанов В.С. ВИЖ № 12, 1992 г.

Командармы. Там же.

Письмо М.Ф. Лукина. Там же.

Эренбург И. Там же.